

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОМ I

Материалы Всероссийской научной конференции
2021-2022 гг.

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1

ISBN 978-5-907671-24-9

9 785907 671249

КНИГИ
IOS RAS
ИВ РАН

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы Всероссийской научной конференции 2021-2022 гг.

ТОМ 1

Избранные доклады

Москва
2023

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:
Ю.А. Пронина, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты:
Д.Б. Прусаков, док. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
Э.Е. Кормышева, док. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Востоковедные полевые исследования: Материалы Всероссийской
И90 научной конференции (2021-2022 гг.). В 2 т. Т. 1. Избранные доклады:
Ин-т востоковедения Росс. акад. наук: отв. ред.: Ю.А. Пронина — М.:
ИВ РАН, 2023. — 248 с.: ил.

ISBN 978-5-907671-06-5 (общ.)

ISBN 978-5-907671-24-9 (т.1)

Данное издание представляет собой сборник избранных докладов, представленных на первой и второй сессиях ежегодной Всероссийской научной конференции «Востоковедные полевые исследования», которые проходили 19-20 апреля 2021 г. и 20-21 апреля 2022 г. Основным направлением тематики докладов стали проблемы, результаты и перспективы полевых востоковедных исследований – подводно-археологических, археологических, антропологических, лингвистических, эпиграфических, этнографических, социологических и других. В работе данного научного мероприятия приняли участие представители самых разных научных институтов, музеев, высшей школы из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Конференция была организована и проведена сотрудниками Центра историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН.

ISBN 978-5-907671-24-9 (т.1)
ISBN 978-5-907671-06-5 (общ.)

© Коллектив авторов, 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	7
<i>Андреенкова А.В.</i> СРАВНИТЕЛЬНОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ СТРАН И КУЛЬТУР ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	9
<i>Баканова М.В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ БУРИШЕЙ. ПЕРСПЕКТИВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ	28
<i>Баканова М.В.</i> БРАГУИ (ВРАНУИ) – ЕДИНСТВЕННЫЕ ЗАПАДНО-ИНДОСТАНСКИЕ ДРАВИДЫ (ПАКИСТАН)	49
<i>Башенкова А.А.</i> ИНТЕРАКТИВНАЯ КАРТА И ОБЩАЯ БАЗА ДАННЫХ ДРЕВНИХ ПОРТОВ И ЯКОРНЫХ СТОЯНОК ПОБЕРЕЖЬЯ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	65
<i>Башиер Нижуд Хассан</i> ХАФИРЫ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО СУДАНА	71
<i>Башиер Нижуд Хассан</i> ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ГОНЧАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ СУДАН (ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ)	77
<i>Борлыкова Б.Х., Меняев Б.В., Басанова Т.В.</i> О НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ К САРТ-КАЛМЫКАМ	88
<i>Брусина О. И.</i> СОВРЕМЕННЫЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ г. ДЕРБЕНТА (Р. ДАГЕСТАН) С ЖИТЕЛЯМИ АЗЕРБАЙДЖАНА	103
<i>Вергазов Р.Р.</i> ОТКРЫТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ В ЭРЕБУНИ. ХРОНОЛОГИЯ, ИЗУЧЕНИЕ И АТРИБУЦИЯ	119
<i>Виноградова Н. М., Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б., Ломбардо Дж.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ФАРХОР – ПАМЯТНИКА ЭПОХИ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА ОСЕНЬЮ 2021 ГОДА	137

<i>Мингью Гао</i> ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ШАНХАЕ (ПО СЛЕДАМ РУССКОЙ РЕКЛАМЫ)	144
<i>Лапшин А.С., Лапина И.Ю., Гончаров Е.Ю.</i> ВОДЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА	160
<i>Дондуков Б.Ц., Дондукова Г.П.</i> ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ ТИБЕТА: АКТУАЛЬНОСТЬ ИНТЕРАКТИВНЫХ ОНЛАЙН КАРТ (ВЕБ ГИС)	175
<i>Ендольцева Е.Ю., Быстрицкий Н.И.</i> ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕРКВИ АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД: ВОЗМОЖНОСТЬ РЕКОНСТРУКЦИИ КАМЕННОЙ ПЛАСТИКИ	190
<i>Закарияев З.Ш.</i> АРАБСКАЯ ЭПИГРАФИКА ДАГЕСТАНСКОГО СЕЛЕНИЯ УХУЛ	209

ОТ РЕДАКТОРА

Данный сборник посвящен полевым востоковедным исследованиям. В него вошли избранные статьи по докладам, представленным на первой и второй Всероссийской научной конференции с международным участием «Востоковедные полевые исследования», которые проходили 19–20 апреля 2021 г. и 20–21 апреля 2022 г. в Институте востоковедения РАН. Статьи даны в авторской редакции. Отобранные материалы посвящены проблемам, результатам и перспективам полевых востоковедных исследований — подводно-археологических, археологических, антропологических, лингвистических, эпиграфических, этнографических, социологических и других.

Следует отметить ежегодное увеличение количества участников конференции. Ими стали представители академических учреждений, музеев, высшей школы и других организаций из разных городов и регионов России, таких как Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Владивосток, Екатеринбург, Новосибирск, из таких регионов как Калмыкия, Татарстан, Дагестан. Участниками данного научного форума стали зарубежные коллеги из Таджикистана, Китая, Пакистана, Италии, Венгрии. Расширение географии представленных исследований, междисциплинарный подход, разнообразие и научная новизна данных, получаемых в результате подобных изысканий, свидетельствуют о важности, актуальности проводимого научного мероприятия.

В рамках работы конференции в 2022 г. была организована выставка художественных и фоторабот сотрудников Института востоковедения РАН «Экспедиции Института востоковедения РАН». Это — художественные работы Т. П. Удымы — пейзажи Таджикистана, созданные ею в ходе работы в качестве художника в Южно-Таджикской археологической экспедиции (ЮТАКЭ) в 1975–1981 гг. Т. П. Удыма является хранителем архива данной экспедиции, организованной в 1972 г. по инициативе Б. Г. Гафурова, в то время директора ИВ РАН,

и профессора Б. А. Литвинского, руководителя экспедиции с 1972 по 1991 гг. Также на выставке были представлены современные фотоработы, сделанные во время экспедиций сотрудниками Института востоковедения РАН в Сирии, Египте, Судане, Мали, Эфиопии, Индии, республике Корея, Узбекистане.

Первая и вторая Всероссийская научная конференция «Востоковедные полевые исследования» были организованы и проведены сотрудниками Центра историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья.

Ю. А. Пронина

СРАВНИТЕЛЬНОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ СТРАН И КУЛЬТУР ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Анна Владимировна Андрееenkova

Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ),

Москва, Россия, anna.andreenkova@cessi.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>

Аннотация. *В последние три десятилетия в системе методов социальных наук стали все более широко применяться сравнительные межстрановые и кросс-культурные исследования на базе опросов населения. Этот вид научного исследования особенно востребован для изучения социальных процессов, поведения, ценностей и установок людей в постсоветских странах. Применение сравнительные межстрановые опросы находят в нескольких разных сферах — научной, общественно-информационной и прикладной и организационной. В науке сравнительные исследования служат основой для проверки теорий и гипотез на универсальность, при анализе социальных процессов и явлений в отдельных странах служат контекстом для выделения общих и уникальных тенденций. Сравнение социальных показателей между странами стимулируют общественные дискуссии о выборе направления государственной политики и социальных программ, служит индикатором социального прогресса и успехов общества в разных сферах. В институциональной сфере такие исследовательские проекты становятся основой для создания международных и междисциплинарных научных коллективов, общей исследовательской инфраструктуры. На основе библиографического анализа и мета-анализа методических особенностей наиболее влиятельных в современной науке сравнительных исследовательских проектов выделены несколько видов таких исследований — всемирные, макрорегиональные и субрегиональные. Основными контекстуальными*

особенностями, влияющими на проведение сравнительных опросов в постсоветском регионе, являются высокое культурное, религиозное и языковое многообразие; географическая разномасштабность объектов сравнения, значительные различия в социально-демографическом составе и структуре населения; сложные политические условия и неравномерное качество исследовательской инфраструктуры. Для успешного развития сравнительных опросов в регионе ключевое значение приобретают совершенствование методов и подходов к созданию эквивалентных инструментов опроса для объектов с высоким культурно-лингвистическим разнообразием; построение эквивалентных выборок для разных методов сбора эмпирической информации, повышение стандартов и качества полевых работ в опросах. Отдельная задача состоит в развитии профессиональных навыков исследователей по использованию современных статистических методов анализа сравнительных данных и расширению теоретических знаний для их интерпретации. Будущее сравнительных опросов лежит в направлении более широкой научной интеграции в большие международные исследовательские проекты, но также с развитием сравнительных опросов внутри постсоветского региона, включающих все входящие в него страны.

Ключевые слова: сравнительные исследования; межстрановые и межкультурные сравнения; опросы населения; эмпирические методы социальных наук; формы организации науки; международное сотрудничество; исследовательская инфраструктура в постсоветских странах; методология массовых опросов.

COMPARATIVE SOCIAL SURVEY AS THE METHOD TO STUDY POST-SOVIET COUNTRIES AND CULTURES

Anna Vladimirovna Andreenkova

Institute for comparative social research (CESSI), Moscow, Russia,
anna.andreenkova@cessi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>

Abstract. *Comparative cross-country and cross-cultural research based on population surveys have been increasingly used as a social science research*

method in the past three decades. This type of research is especially effective for exploring social processes, attitudes, opinions and values of people in the Post-Soviet countries. The application of comparative surveys covers academic, governing and public areas: testing social theories for universality in different socio-cultural conditions; analyzing social processes in one country with broader cross-country and cross-cultural context; comparative evaluation government public information and communication campaigns, different policies; stimulating public debates, self-reflection based on cross-national comparisons; providing the basis for international and interdisciplinary cooperation, large comparative social projects as new international research infrastructure. The bibliographic analysis and meta-analysis of the methodological specification of the main comparative cross-country surveys revealed several different types of comparative projects — global, macro-regional and subregional. Contextual factors which influence the design and the implementation of comparative surveys in post-Soviet region include high cultural, religions and linguistic diversity; differences in geographical size of countries, their socio-demographic composition and allocation; controversial political landscape and quality of research infrastructure. Advancements in comparative surveys in the region can be enhanced by the invention and the adoption of new models and approaches in designing survey instruments for populations with high cultural-linguistic diversity, equivalent samples for different survey modes; and also improvement of standards and quality of data collection, increase knowledge and skills in using advanced statistical methods of data analysis and theoretical background for the interpretation of comparative data. Future of comparative surveys in Post-Soviet regions lies in closer integration in advanced research projects, but also with designing and implementing more comparative survey of subregional scope with the inclusion of all Post-Soviet countries.

Keywords: comparative social survey, cross-national and cross-cultural comparisons, general population surveys, population surveys; empirical methods in social sciences; organization of science, international academic cooperation; survey infrastructure in post-Soviet countries, methodology of population surveys.

Сравнительные опросы в системе методов социальных наук

Сравнительные социальные опросы как вид социального исследования появились в результате применения сравнительного научного метода к построению и анализу данных опросов населения — формализованного сбора информации о характеристиках, поведении, установках и мнениях людей по репрезентативной выборке из определенной социальной группы. Объектами сравнительных социальных исследования выступают макросоциальные группы, определяющие тип сравнительного исследования — население стран (межстрановое), культур (кросс-культурное), транснациональные религиозные, социально-профессиональные или экономические группы (межсоциетальное).

Сравнительное исследование на базе массового опроса вошло в систему методов социальных наук относительно недавно, при этом количество таких исследований постоянно растет, расширяется их тематика, предметное поле, географический и временной масштаб. На нынешнем этапе актуальным и востребованным становится теоретическое и методическое осмысление принципов, характерных особенностей и областей применения такого вида исследования. Основой методологии сравнительных межстрановых социальных исследований служит общая теория и методология социальных (социологических) исследований [Groves, 2009; Рабочая книга социолога, 1983], теория построения случайных выборок и экстраполяции данных в массовых опросах [Kish, 1965], теория измерений субъективных показателей, создания инструментов для проведения опросов [Sudman, 1982; Schuman, 1981], математические модели анализа эмпирических данных [Kendall, 1950; Андреенков, 1984, 1986; Татарова, 1998].

Методические особенности организации сравнительных опросов, применение таких исследований в науке, а также аналитические возможности и ограничения этого метода для изучения социальных явлений и процессов на постсоветском пространстве пока остаются малоизученной темой. Для анализа теоретико-методологических и методических особенностей организации и использования сравнительных социальных опросов в постсоветском регионе был проведен мета-анализ основных сравнительных межстрановых проектов, реализованных с участие стран этого региона

в последние два десятилетия. Источниками данных для анализа стали методические отчеты, внутренняя документация, базы данных и библиографический анализ использования данных опросов, представленных в двух крупнейших архивах социальных данных GESIS и ICPSR и на отдельных веб-ресурсах этих проектов.

На основе проведенного анализа выделены несколько общих особенностей сравнительного опроса, отличающего этот вид исследований от обычного опроса населения в одной стране, культуре или социальной группе. По сравнению с однострановым опросом в сравнительном исследовании используется особая логика построения исследования, дополнительные концептуальные, измерительные и организационно-управленческие этапы и процедуры, нацеленные на обеспечение сравнимости данных. К концептуальным особенностям сравнительного опроса является выбор области изучения, формулировки гипотез и параметров изучения с учетом требований сравнимости. Измерительные особенности состоят во введении критерия «эквивалентности» наряду с традиционными критериями валидности, достоверности и надежности для выбора и оценки качества измерения социальных показателей. Организационно-управленческие особенности проявляются в масштабе сравнительного проекта, который во много раз превосходит большинство однострановых проектов по ресурсам, времязатратам и объему собираемой информации; а также в способах финансирования, координации и использовании сравнительных данных.

Области применения сравнительных межстрановых исследований включают научную, управленческую и общественно-информационную сферу. В академической сфере сравнительные опросы используются для валидации социальных теорий, оценки применимости теорий и гипотез в разных социальных системах, группах или культурах. Эмпирические данные сравнительных межстрановых исследований служат основой для создания объяснительных моделей социальных процессов, типологий и классификаций социальных явлений. Среди общественно-информационных и прикладных функций сравнительного исследования — оценка эффективности государственных и международных социальных программ, изучение общественного мнения в разных странах по актуальным вопросам мировой

политики, международных отношений, в отношении глобальных проблем и рисков. Результаты сравнительных исследований часто становятся значимым медиасобытием, стимулирующим общественные дискуссии (например, Глобальный индекс счастья), выступают способом саморефлексии общества, способом выделить самобытные и общие черты и характеристики социальной жизни разных стран.

Сравнительные опросы в постсоветских странах

Первые сравнительные опросы на территории СССР начали проводиться с конца 1960–1970-х гг. [Андреенкова, 2011]. Однако, основным источником сравнительной информации о населении в разных республиках СССР долгое время оставались Всесоюзные переписи населения. Расширить предметное поле исследований не позволяло ограниченное количество показателей в переписях, отсутствие субъективных показателей — оценок, установок, мнений. Национальные опросы по репрезентативным выборкам населения по месту жительства стали проводиться в России с 1980-х годов. Условия для широкого внедрения сравнительных исследований на базе массовых опросов в систему методов социальных наук в странах постсоветского региона были созданы лишь в последние годы [Бектурганов, 2008; Шаукенова, 2010; Погосян, 2014; Ганиева, 2019].

Виды сравнительных исследований на постсоветском пространстве

Все сравнительные опросы с участием постсоветских стран делятся по своему географическому масштабу и аналитическим возможностям на всемирные опросы, включающие страны всех регионов мира, и региональные — европейские, латиноамериканские, африканские, ближневосточные, восточно-азиатские и т. п. Всемирные опросы позволяют проводить сравнения между странами и регионами, представляющими различные политические, экономические системы, культурные общности, сравнивать общества, находящиеся на разных стадиях развития. Региональные сравнительные опросы открывают возможности оценить особенности и скорость

изменений разных социальных процессов в более сходных условиях одного региона, ограничить контекстуальную вариативность объектов сравнения.

Любое сравнительное межстрановое исследование требует больших финансовых и организационных ресурсов, создание международного междисциплинарного научного коллектива. Для организации подобных исследований используются финансовые ресурсы международных организаций, отдельных коммерческих компаний или частных фондов, но чаще они осуществляются через совместное финансирование разных стран или нескольких крупных научных фондов. При общественном финансировании собранные данные и результаты сравнительного исследования становятся общим достоянием и размещаются в открытом доступе для всех желающих. Большая часть сравнительных проектов является трендовыми, что позволяет регулярно использовать созданную инфраструктуру и аккумулировать знания и опыт.

До настоящего времени включение стран в сравнительные проекты происходит в основном по организационно-административным причинам, на основе имеющихся финансовых, институциональных и инфраструктурных возможностей, либо по инициативе и благодаря усилиям отдельных исследователей. Методические и содержательные основания для включения стран во всемирное или большое региональное сравнительное исследование до сих пор остаются второстепенными, что является большой слабостью таких проектов. Общее количество всемирных и общерегиональных трендовых сравнительных межстрановых исследований пока невелико — около 30, количество сравнительных опросов, включающих небольшое количество стран, значительно больше, хотя также ограничено.

Участие постсоветских стран во всемирных сравнительных социальных опросах пока очень неполно и неравномерно по времени. Полное покрытие стран региона реализовано во Всемиром опросе Гэллага (www.gallup.com), однако, исходные данные этого коммерческого проекта закрыты, поэтому в академических исследованиях используются лишь в справочном контексте для анализа положения стран по изучаемым параметрам в мировом рейтинге. Среди всемирных проектов наиболее полно страны постсоветского региона представлены в Европейском и Всемиром Исследовании

Ценностей (www.worldvaluessurvey.org). Это исследование посвящено изучению изменений в базовых моральных, религиозных и социальных ценностях людей в долговременной перспективе, включает более 100 показателей. В других глобальных проектах количество стран постсоветского региона значительно меньше: в Международной программе социальных исследований ISSP представлены Россия и три страны Балтии, в Глобальном исследовании установок Pew Research Center — Россия, Литва, Украина и Узбекистан.

Таблица 1. Всемирные сравнительные исследования на базе опросов с участием постсоветских стран

Проект	Исследуемые темы, показатели	Объекты (страны)	Время проведения	Тип эмпирических данных	Постсоветские страны (ПСС) в проекте, (года или волны)
WVS — Всемирное исследование ценностей	Ценности, установки населения в области политики, семейных отношений, религии, труда, общие жизненные цели и приоритеты людей	Страны мира (100 стран)	7 волны, первая в 1981 году	Национальные опросы населения	Россия (5 волн из 7), Украина (4 волны), 3 волны в Молдове, Грузии, Литве, Кыргызстане, 2 волны в Беларуси, Эстонии, Армении, Азербайджане, Казахстане, 1 раз — Латвия, Таджикистан, Узбекистан
ISSP — Международная программа по социальным исследованиям	Установки, мнение и поведение по отдельным темам социальной жизни (Религия, Политика, Образ Жизни, Экология, Идентичность и т.п.)	Страны мира — 60 стран	Ежегодно с 1985	Национальные опросы населения	Россия (с 1991), Латвия (с 1995), Украина (2008 и 2009), Эстония (2009).
GAS — Глобальное исследование установок Pew Research Center	Общ. мнение по вопросам внешней политики, имиджу стран, актуальным социальным и экономическим вопросам	Страны мира — 64 страны	Ежегодно с 2002	Национальные опросы населения	Россия (все волны), Украина 3 волны, участвовали 1 раз Литва и Узбекистан
WPG — Всемирный опрос Гэллага	Общ. мнение и поведение по вопросам международной политики и отношений, социальное и личное благополучие	Страны мира-120 стран	Ежегодно с 2005	Национальные опросы населения	Все постсоветские страны

Проект	Изучаемые темы, показатели	Объекты (страны)	Время проведения	Тип эмпирических данных	Постсоветские страны (ПСС) в проекте, (года или волны)
PIAAC — Программа Международной Оценки Знаний и Навыков Взрослых	Оценка навыков и компетенций людей — когнитивных, трудовых	Страны мира — 50 стран	Планируется раз в 10 лет, проведено 1 раз в 2011–2017	Национальные опросы населения 16–65 лет	Россия, Литва, Эстония, Казахстан
CSSES — Сравнительное исследование избирательных систем	Электоральное поведение, установки, предпочтения избирателей	Страны мира — 39 стран	1 раз в 5 лет (электоральный цикл) с 1996 г., всего 5 волн (последняя 2016–2021)	Гармонизированные Пост-электоральные опросы и общий модуль	Россия, Латвия — 3 волны, Беларусь 2 волны, остальные страны 1 раз в разные годы Эстония, Кыргызстан, Литва, Украина

Региональные сравнительные исследования значительно более разнообразны по тематике и предметному полю, чем всемирные исследования. Географический масштаб таких исследований варьируется от макрорегиональных (страны отдельных континентов или частей мира) до узорегиональных, например, сравнительные исследования скандинавских стран, стран Средней Азии, Закавказья (Табл. 2). В отношении стран постсоветского региона сравнительные исследования этого типа можно разделить на те, которые включают страны Европейской части региона (ESS, SHARE); страны азиатской части региона (Asia Barometer); и исследования, которые покрывают все страны постсоветского пространства (Евразийский монитор, Постсоветские тренды, «Жизнь в переходный период LiT»).

Наиболее значимый на сегодняшний день региональный сравнительный опрос — Европейское социальное исследование-ESS включает страны Балтии, Россию и Украину, с 2014 года в России проводится по названию Российское социальное исследование (РСИ). В опросе используется широкий набор социальных индикаторов, на основе которых проводится мониторинг общественного прогресса в европейских странах [Андреенков, 2009]. В проекте «Поколение и гендер», куда входят Литва, Эстония, Грузия и Россия, предметом является демографическое поведение, семейные ценности и установки, гендерные проблемы. В АзияБарометре наряду со странами Юго-Восточной Азии принимали участие все страны Средней

Азии, кроме Туркменистана, и один раз — Россия. Исследование включало широкий набор показателей о жизненных ценностях людей, социальной структуре, политических взглядах и поведении. Сравнительному изучению здоровья, пенсионного обеспечения, образа жизни, профессиональным траекториям и межличностным связям посвящено панельное исследование людей старшего поколения (50 лет и старше) SHARE, покрывающее 20 стран «большой Европы», в том числе три прибалтийские страны. В 2021 году по программе SHARE была проведена первая волна Национального исследования старшего поколения по программе SHARE в России (НИСП).

Таблица 2. Общерегionalные и транскультурные сравнительные социальные исследования с участием постсоветских стран

Проект	Изучаемые темы, показатели	Объекты (страны)	Время проведения	Тип эмпирических данных	Постсоветские страны (ПСС) в проекте, (года или волны)
ESS — Европейское социальное исследование		Страны «большой Европы» — 33 страны	Каждые 2 года с 2002 г.	Национальные опросы населения	Эстония (с 2004), Россия (с 2006 все волны, с 2014 г. РСИ), Латвия (2006, 2008, 2018), Литва (2010, 2012, 2014, 2018), Украина (2002–2012)
EVS — Европейское исследование ценностей	Ценности, установки населения в области политики, семейных отношений, религии, труда, общие жизненные цели и приоритеты людей в Европе	Страны «большой Европы» (47 стран)	Волна 1 1981–1984 Волна 2 1989–1993 Волна 3 1999–2004 Волна 4 2008–2010 Волна 5 2017–2020	Национальные опросы населения	Эстония, Литва (волны 2–5); Латвия (2–4); Беларусь, Россия, Украина (волны 3–5); Армения, Азербайджан, Грузия (волны 4–5); Молдова (волна 4)
SHARE — Исследование Здоровья, Старения и Пенсионного возраста в Европе	Здоровье, социально-экономическое положение, социальные и семейные связи, образ жизни	Страны «большой Европы» (27 стран)	Каждые 2 года с 2004 г.	Панельные национальные опросы населения 50+ и их супругов/партнеров	Эстония (с 2011 г.), Литва и Латвия (с 2017 г.), Россия как независимое Исследование Здоровья и Долголетия первая волна 2021 г.

Проект	Изучаемые темы, показатели	Объекты (страны)	Время проведения	Тип эмпирических данных	Постсоветские страны (ПСС) в проекте, (года или волны)
GGP — Программа «Покорения и Гендер»	Изменения в образе жизни в течение жизненного цикла, межпоколенческие и гендерные связи	Страны «большой Европы» (20 стран)	Панель 1 2004, Панель 2 2012	Панельные национальные опросы населения	Беларусь, Эстония (панель 1), Грузия, Литва, Россия (Панель 2)
Азия Барометр	Поведение, ценности и установки в отношении семьи, социальных связей, труда, политических и социальных институтов	Страны Азии (14 стран)	Ежегодно с 2003 по 2008	Национальные опросы населения	Узбекистан (2003, 2005); Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан — 2005 г.; Россия (2008)
Исследование мусульманского населения мира Pew Research Center	Религиозные взгляды, верования, поведение населения в странах, где проживают мусульмане	Страны мира, где проживают мусульмане (26 стран)	Один раз 2008–2012	Национальные опросы населения	Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Россия

Исследований, которые посвящены исключительно сравнению стран постсоветского пространства, совсем немного. Первое десятилетие после распада СССР стало временем проведения довольно многочисленных сравнительных исследований постсоветских стран по изучению таких проблем как социальная стратификация постсоветских обществ, развитие демократии и национального самоопределения, а также опросы общественного мнения об отношении к распаду СССР, обретению независимости, интеграционным и дезинтеграционным процессам, использованию русского языка. Трендовых сравнительных исследований на постсоветском пространстве пока совсем мало, но каждое из них оказало и продолжает оказывать большое влияние на развитие социальных наук в этих странах (Табл. 3). Среди них «Евразийский монитор» (<http://eurasiamonitor.org>) — сравнительное исследование общественного мнения по вопросам интеграции, социальные связи и актуальным проблемам политики; «Постсоветские тренды» — исследование ценностей, установок и поведения, а также методических экспериментов

в 12 странах этого региона (www.cessi.ru); «Жизнь в переходный период» EBRD (3 волны) — изучение поведения, жизненных обстоятельств и траекторий. В области изучения общественного мнения наметилась тенденция проведения субрегиональных опросов, объединяющих соседние страны, — Средней Азии, Закавказья, стран Балтии.

Больше всего открытой сравнительной информации на базе опросов сегодня можно найти о странах Балтии и России, значительно меньше — о странах Закавказья. Очень ограничено количество сравнительной опросной информации о странах Средней Азии, и ее почти нет о Туркменистане.

Таблица 3. Сравнительные исследования стран постсоветского пространства (СПП)

Проект	Изучаемые темы, показатели	Объекты (страны)	Время проведения	Тип эмпирических данных	Страны Постсоветского пространства (СПП) в проекте
LiT — «Жизнь в переходный период» EBRD	Влияние «переходного периода» на разные аспекты жизни людей — доходы, бюджет, работу, семейную и социальную жизнь	Страны Центральной, Восточной Европы, СПП (34 страны)	Раз в 4–6 лет с 2006	Национальные опросы населения	Все СПП кроме Туркменистана
Евразийский Монитор	Общ. мнение по вопросам интеграции, миграции, внешней политике, измерение социального самочувствия, политических предпочтений	СПП (12 стран)	2–3 раза в год с 2004	Национальные опросы населения	Все страны СПП, кроме Прибалтийских
Постсоветские Тренды ЦЕССИ	Тренды по базовым показателям политической культуры, качества жизни, социалингвистическая ситуация, методические эксперименты	СПП (14 стран)	Раз в 5 лет с 2003	Национальные опросы населения	Все страны СПП, кроме Туркменистана
Религия в Восточной Европе Pew Research Center	Религиозные взгляды, верования, поведение, взаимоотношение религий	Все страны Восточной Европы и часть ПСС (20 стран)	Один раз 2015–2016	Национальные опросы населения с довыборкой отдельных религиозных групп	Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Казахстан, Латвия, Эстония, Литва, Грузия, Армения

Проект	Исследуемые темы, показатели	Объекты (страны)	Время проведения	Тип эмпирических данных	Страны Постсоветского пространства (СПП) в проекте
Кавказский барометр	Общ. мнение по вопросам внутренней политики, территориальных конфликтов, оценка здоровья, экономического положения населения	Армения, Грузия, Азербайджан (3 страны)	Ежегодно с 2008	Национальные опросы населения	3 страны (2008–2013), 2 страны Грузия и Армения в последующих волнах
Центрально-азиатский Барометр	Общ. мнение по вопросам внутренней и внешней политики, медиа поведение и предпочтения	Страны Средней Азии (4 страны)	Ежегодно с 2017	Национальные опросы населения	Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан

В рамках сравнительных исследовательских проектов происходит интенсивный обмен инновациями, методиками, опытом исследовательской работы. Для социологов постсоветских стран сотрудничество приобретает проектный характер, что способствует расширению международных связей ученых, интенсификации обмена методологическими и предметными знаниями, а также является объектом приложения совместных практических усилий, совместным научным продуктом [Андрееенкова, 2021].

Сравнительные межстрановые исследования на базе опросов на постсоветском пространстве обладают рядом концептуальных, методических и организационных особенностей. Общее историческое, институциональное сходство в организации системы образования, здравоохранения, государственной социальной поддержки, в трудовой сфере, жилищной инфраструктуре и информационной среде значительно облегчает концептуальные возможности межстрановых сравнений. Вместе с тем в регионе много факторов, которые делают его одним из наиболее трудных для проведения сравнительных опросов. Регион характеризуется высоким уровнем культурного разнообразия, религиозной мультиконфессиональностью, широким распространением многоязычия. К географическим факторам, влияющим на построение и проведение сравнительных опросов, относятся различия в социально-демографической структуре и системе учета населения между странами, географическая протяженность стран региона (от компактных

стран Балтии до огромных территорий России и Казахстана), характер миграционных потоков — принимающий (Россия, Казахстан), и исходящий (Молдова, Таджикистан, Кыргызстан). Особую сложность для проведения опросов представляют зоны вооруженных конфликтов, непризнанные территории, зоны с проживанием временно перемещенных групп и закрытые территории, которых в регионе немало. Существенным ограничением для построения эквивалентных выборок по случайной вероятностной модели являются проблемы с «основами» выборки. В странах Балтии возможно использование списка (регистра) жителей страны для построения случайной выборки на индивидуальном уровне. В остальных странах региона для личных опросов по месту жительства используются стратифицированные многоступенчатые территориальные выборки. В ряде стран постсоветского региона доступ к полным данным государственных переписей ограничен (например, в Беларуси), переписи населения проводятся нерегулярно или не проводятся длительное время (Украина, Узбекистан, Туркменистан). Все эти особенности оказывают влияние на выбор моделей для построения эквивалентных выборок, эффективность их реализации и возможности экстраполяции данных на генеральную совокупность.

Важной проблемой для сравнительных исследований является качество исследовательской инфраструктуры, а также благоприятный политический климат для проведения опросов населения — отсутствие цензуры, государственных или неформальных ограничений на проведение опросов, в социальном плане — возможности для свободного и безопасного выражения мнений, свободный обмен информацией. В большинстве стран постсоветского пространства такие условия присутствуют далеко не в полной мере.

Проблемы, задачи, перспективы сравнительных исследований на постсоветском пространстве

Технологические и коммуникационные инновации последних десятилетий помогли подойти к решению многих задач, казавшихся ранее неразрешимыми — появились новые компьютеризированные методы проведения опросов, скорость обработки данных. Падение уровня кооперации респондентов в личных и телефонных опросах, значительные межстрановые

различия в уровне кооперации, качестве реализованных выборок, а также переход на новые методы сбора данных, ведут к поиску новых методов сбора данных — онлайн опросов, опросов по «смешанной модели» — онлайн и телефонные, телефонные и личные [Stoop, 2005; Lynn, 2007].

В последние годы возобновились дискуссии о теоретико-методологических основах сравнительных исследований, понятийном аппарате — категориях сравнимости, эквивалентности, измерительной инвариантности, видах и уровнях эмпирической эквивалентности [van de Vijver, 2012], которые были начаты в 1970-е и 1980-е годы. Расширение географии сравнительных опросов, переход от сравнений малого количества объектов к общерегиональным и всемирным исследованиям, междисциплинарной работе (филологи-переводчики, статистики, математики, практические специалисты в области организации опросов) потребовало пересмотра многих концепций, подходов и методик. В области перевода инструмента для опроса на разные языки в последние годы происходит постепенная замена механистического подхода, при котором перевод понимался как прикладная задача на последнем этапе работы над анкетой, а основное внимание сконцентрировано на выявлении конкретных ошибок и погрешностей перевода, на интегративный. В нем предлагается отказаться от строгой последовательности «подготовка инструмента-перевод» и перейти к использованию модели синхронной работы над инструментом для опроса и переводом на разные языки [Harkness, 2003; Harkness, 2004; Andreenkova, 2013; Behr, 2016]. Понимание комплексности процесса создания инструмента для опросов на разных языках может привести к пересмотру понятия «языка-источника» в сравнительном исследовании, введению конкретных параметров «качества перевода», радикальным изменениям в целях, задачах и методах верификации инструментов для опроса на разных языках.

Среди нерешенных проблем сравнительных исследований остается вопрос о концептуальной эквивалентности показателей и индикаторов — основной повод для критики результатов сравнительных. Поиски решения проблемы ведутся в двух направлениях: расширение этапа межкультурного тестирования, внедрение новых методов предварительного тестирования анкет и разработка статистических моделей для проверки концептуальной эквивалентности показателей на уровне анализа [Davidov, 2014; Rudnev,

2016]. Неуклонное расширение предметного поля и включаемых в сравнительные исследования показателей ведет к необходимости поставить теоретико-методологический вопрос о содержательных границах сравнительного междисциплинарного исследования и критериях оценки сравнимости.

В стадии развития находится изучение метрической эквивалентности индикаторов в сравнительных исследованиях. Многолетние эксперименты по изучению влияния характеристик вопросов на качество измерений в разных социально-культурных условиях легли в основу создания общей Базы данных предсказания качества вопросов (Quality Predictions SQP) [Saris, 1998; Saris, 2003]. К этому же направлению, основанному на идее кумулятивного знания, можно отнести эксперименты по гармонизации исследовательских процедур между разными европейскими сравнительными междисциплинарными проектами (проект SERISS). Одной из наиболее обсуждаемых проблем методологии сравнительных исследований остается задача построения эквивалентных измерений социально-демографических переменных и контекстуальных данных. В этом направлении в последние три десятилетия многое было достигнуто как в теоретико-методологическом, так и в практическом плане [Heath, 2009; Schneider, 2010]. Однако турбулентная социальная реальность, быстрые изменения в базовых социальных структурах и институтах — в системе образования, в профессиональной структуре и трансформации профессий требует постоянного обновления и дальнейшего аккумулирования знаний, пересмотра устоявшихся схем гармонизации показателей.

Сделаны лишь первые шаги в анализе влияния организационно-управленческих моделей на построение и реализацию сравнительного исследования, важность которых подчеркивал один из основателей методологии сравнительных исследований С. Роккан [Rokkan, 1954]. До сих пор роль этого фактора для сравнительных исследований и в теории, и на практике существенно недооценена.

Эффективность использования сравнительных междисциплинарных опросов для изучения социальной реальности напрямую зависит от глубины знаний и профессиональных навыков исследователей. В последние годы интерес студентов к сравнительной социологии и данным сравнительных опросов

неуклонно растет. Количество студенческих работ, а также диссертаций на научную степень, где используются данные сравнительных опросов, а также количество специализированных курсов по теории и методологии сравнительных опросов, использованию современных методов анализа данных, неуклонно повышается, однако еще существенно отстает от показателей во многих других странах и регионах. Сегодня сравнительные социальные исследования — лаборатория для разработки новых методов, практик и стандартов в области опросов, стимул для совершенствования методов сбора информации и их анализа. Постсоветские страны как сложное динамично развивающееся социокультурное пространство представляют собой один из наиболее интересных объектов изучения методом сравнительных опросов. Россия является естественным ядром этого региона благодаря объединяющей роли русского языка, накопленному научно-исследовательскому опыту, отечественной методической школе сравнительных исследований и потенциально может стать не только участником, но организатором и координатором межстрановых междисциплинарных сравнительных исследований на постсоветском пространстве.

Литература

1. Groves R. M., Fowler F. J.; Couper M. P.; Lepkowski J. M.; Singer E.; Tourangeau R. Survey Methodology. New Jersey: John Wiley & Sons, 2009.
2. Рабочая книга социолога. Ред. М. Н. Руткевич, Г. В. Осипов, В. Г. Андрееенков, А. В. Кабыща. 2-е изд. М.: Наука, 1983.
3. Kish L. Survey Sampling. New York: John Wiley, 1965.
4. Sudman S. Asking Questions: A practical guide to questionnaire design. San Francisco: Jossey Bass, 1982.
5. Schuman H. Questions and answers in attitude surveys. Experiments on question form, wording and context. Orlando: Academic Press, 1981.
6. Kendall P., Lazarsfeld P. Problems of survey analysis. Continuities in social research: studies in the scope and the method of American Soldier. Ed. by Merton R., Lazarsfeld P. Glencoe: Free Press, 1950. P. 133–196.
7. Андрееенков В. Г., Толстова Ю. Н., отв. ред. Математические методы в социологических исследованиях. М.: ИСИ АН СССР, 1984.

8. Андреенков В. Г., Крыштановский А. О. Процесс обработки данных социологических опросов. М.: Институт социологии АН СССР, 1986.
9. Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии. М.: Стратегия, 1998.
10. Harkness J. A., Edwards B., Braun M., Johnson T. P., Lyberg L., Mohler P., Pennell B.-E., Smith T. W. (eds). *Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts*. New York: Wiley, 2010.
11. Андрееenkova А. В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М.: Новый хронограф. 2014. С. 192–397.
12. Johnson T. P., B.-E. Pennel, Stoop I., Dorer B. (eds.). *Advances in Comparative Survey Methodology*. First Edition. New York: John Wiley & Sons, Inc., 2019.
13. Андрееenkova А. В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние. Мир России. 2011; № 3: 125–154.
14. Бектурганов К. Б. О становлении и развитии социологии в Кыргызстане. Социологические исследования. 2008; № 10: 46–51.
15. Шаукенова З. К. Институционализация казахстанской социологии. Мониторинг общественного мнения. 2010; № 6: 151–155.
16. Погосян Г. А. Развитие социологии в Армении. Социологические исследования. 2014; № 8: 37–46.
17. Ганиева М. Х. Социология в Узбекистане: состояние и перспективы. Журнал социальных исследований. 2019: Сентябрь: 38–50.
18. Андреенков В. Г. Методологические проблемы и решения в современных международных сравнительных исследованиях. Россия в Европе: по материалам международного проекта Европейское социальное исследование. Ред. А. В. Андрееenkova, Л. А. Беляева. М.: Academia, 2009. С. 13–47.
19. Andreenkova A. How to Choose Interview Language in Different Countries. *Advances in Comparative Survey Methodology*. First Edition. Ed. by T. P. Johnson, B.-E. Pennell, I. Stoop, B. Dorer. New York: John Wiley & Sons, Inc., 2019. Chapter 14. P. 295–324.
20. Андрееenkova А. В. Сравнительные социологические исследования как метод изучения стран и культур постсоветского пространства и интеграции национальных школ в международную науку. Независимый Казахстан: социальные изменения и перспективы будущего. Ред. М. М. Тажин. Нур-Султан, 2021. С. 47–53.
21. Stoop I. A. L. The hunt for the last respondent: Nonresponse in sample surveys. The Hague: Social and Cultural Planning office, 2005. 347 p.
22. Lynn P., Gabler S., Häder S., Laaksonen S. Methods for achieving equivalence of samples in cross-national surveys. *Journal of Official Statistics*. 2007. No. 23 (1). P. 107–124.
23. Van de Vijver F. J. Bias and equivalence cross-cultural perspectives: an overview. *European Review of Applied Psychology*. 2012. Vol. 41. P. 263–279.
24. Harkness J. A. Questionnaire design in comparative research. *Cross-Cultural Survey Methods*. Ed. by J. A. Harkness, F. J. R. Van de Vijver, T. P. Johnson. Hoboken NY: John Wiley & Sons, Inc, 2003. P. 19–34.

25. Harkness, J.A., Pennell B., Schoua-Glusberg A. Questionnaire translation and assessment. Methods for testing and evaluating survey questionnaires. Ed. by S. Presser, J. Rothgeb, M. Couper, J. Lessler, E. Martin and E. Singer. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc, 2004. P. 453–473.
26. Andreenkova A. Source Questionnaire and the Quality of Translation — example of Shared Languages translation into Russian in ESS, ISSP and WVS. Presentation in ESRA conference, Lyublyana. July 2013.
27. Behr D., Braun M., Dorer B. Measurement instruments in international surveys. GESIS Survey Guidelines. Mannheim, Germany: Leibniz Institute for the Social Sciences, 2016. 22 p.
28. Davidov E., Cieciuch J., Meuleman B., Schmidt P., Billiet J. Measurement equivalence in cross-national research. *Annual Review of Sociology*. 2014. Vol. 40. P. 55–75.
29. Rudnev M., Magun V., Schmidt P. Basic human values: stability of value typology in Europe. Values, economic crisis and democracy. Abingdon: Routledge, 2016. Ch. 2. P. 21–49.
30. Saris W.E. The effects of measurement error in cross-cultural research. Cross-cultural survey equivalence. Ed. by J. A. Harkness. ZUMA-Nachrichten Spezial 3, Mannheim, 1998. P. 67–84.
31. Saris W., van der Veld W., Gallhofer I. Development and improvement of questionnaires using predictions of reliability and validity. Questionnaire development, evaluation and testing. Eds. by S. Presser, J. Rothgeb, M. Couper, J. Lessler, E. Martin and E. Singer. New York: John Wiley & Sons, Inc., 2003. P. 275–297.
32. Heath A., Martin J., Spreckelsen T. Cross-national comparability of survey attitude measures. *International Journal of Public Opinion Research*. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 293–315.
33. Schneider S. Nominal comparability is not enough: (In-)equivalence of construct validity of cross-national measures of educational attainment in the European Social Survey. *Research in Social Stratification and Mobility*. 2010. Jg. 28. P. 343–357.
34. Rokkan S., Duijker H. C. Organizational aspects of cross-national social research. *Journal of Social Issues*. 1954. Vol. X. N.4. P. 8–24.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ БУРИШЕЙ. ПЕРСПЕКТИВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Марина Владимировна Баканова

Chief of "Dua Hospital"

International Care medical Centre, Islamabad, Pakistan

Независимый исследователь, аналитик, публицист

mari-ina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4389-8071>

Аннотация. Народ буришей, проживающий в районе Гилгит-Балтистана, в настоящее время считается малоизученным. Его проникновение в Памир вероятнее всего относится ко 2 тысячелетию до н. э., при этом вопрос — откуда они пришли до сих пор остается нерешенным. Буриши пережили переход от религии к религии, сохранив немало своих обычаев, вписывавшихся в очередную традицию. Они жили во времена суверинитета и вассалитета, причем были вассалами Китая, Тибета, тюрков, сикхов, а британцы с легкой руки присоединили их (как и весь Гилгит-Балтистан) к Кашмиру и вовсе не вынося вопрос о самоопределении народа. Земля Хунзы полна артефактами и историческими ценностями, причем как самого народа буришей, так и множества караванов, проходящих Великим Шелковым путем, которые до сих пор не исследованы. В настоящее время район Гилгит-Балтистана готов войти в состав Пакистана в качестве пятой провинции. В нем ведутся активные строительные работы, внедряется пакистанская система образования с английским и урду языками, активно разворачиваются китайские инвестиционные проекты. В ближайшей перспективе ситуация такова, что буриши легко могут подвергнуться ассимиляции с возможностью утраты своей культуры и языка, возможно — большая часть исторического наследия будет также утрачена. Мировое же культурное и историческое наследие может навсегда потерять возможность узнать культурные, исторические и торговые связи народов на Крыше Мира, их взаимодействие, развитие, эволюцию. В связи с этим необходимо принять решительные шаги по изучению и сохранению культурного и языкового наследия буришей.

Ключевые слова: буриши; бурушаски; Гилгит-Балтистан; политическая антропология; социальная антропология; пакистановедение; востоковедение

ON THE QUESTION OF THE STUDY OF BURUSHO PEOPLE. PROSPECTS AND DIRECTIONS.

Marina Vladimirovna Bakanova

Chief of "Dua Hospital"
International Care Medical Centre

Independent researcher, analyst, publicist
mari-ina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4389-8071>

Abstract. *The Burusho people living in the Gilgit-Baltistan region are currently considered poorly studied. Its penetration into the Pamirs most likely dates back to the 2nd millennium BC, while the question of where they came from is still unresolved. The Burusho survived the transition from religion to religion, retaining many of their customs that fit into another tradition. They lived in a time of sovereignty and vassalage, and they were vassals of China, Tibet, Turks, Sikhs, and the British, with a light hand, annexed them (like the whole of Gilgit-Baltistan) to Kashmir and did not at all endure the question of the self-determination of the people. The Hunza land is full of artifacts and historical values, both of the Burusho people themselves and of many caravans passing the Great Silk Road, which have not yet been explored. Currently, the Gilgit-Baltistan region is ready to become part of Pakistan as a fifth province. Active construction work is underway there, the Pakistani education system with English and Urdu is being introduced, and Chinese investment projects are being actively developed. In the short term, the situation is such that the Burusho can easily undergo assimilation with the possibility of losing their culture and language, perhaps — most of the historical heritage will also be lost. The world cultural and historical heritage may forever lose the opportunity to learn the cultural, historical and trade relations of peoples on the Roof of the World, their interaction, development, evolution. In this regard, it is necessary to take decisive steps to study and preserve the cultural and linguistic heritage of the Burusho.*

Key words: Burusho (Hunza people); burushaski; Gilgit-Baltistan; political anthropology; social anthropology; Pakistani studies; oriental studies

Введение

Буриши (буришки, бурушаски, вершики, хунза, хунзакуты) — древний народ северо-восточных территорий современного Пакистана, так называемого Гилгит-Балтистана.[1] Крупные группы буришей проживают в Ясине, Хунзе, Нагаре, в мелких поселениях речных долин Гилгит-Балтистана, имеются также сообщения о группе в 350 человек, проживающих на индийской территории Кашмира (в Батамалу и в Ботрадж-Мохалле, что к юго-востоку от Хари Парбат). Стоит отметить, что бурушаски в Кашмире стоят несколько обособленно и в настоящей статье не рассматриваются. Но имеются определенные интересные факты их существования. Так подтверждается, что они происходят из семей двух принцев, переселенных в Кашмир под активным влиянием британцев (фактически — добровольные заложники), заключают браки между собой (до раздела Британской Индии было возможно обмениваться супругами с территорией Гилгит-Балтистана, так что на данный момент генетического вырождения еще не наблюдается), стараются сохранять бурушаски в межличностном и семейном общении, но помимо него владеют еще 3–4 языками. В настоящее время к кашмирским буришам себя относят приблизительно 350 человек. [2]

Этнографический аспект

Вполне вероятно, что территории Хунзы были заселены еще в древности, во времена существования Мехргарха или Хараппской цивилизации. Есть несколько свидетельств того, что данным северо-восточным путем осуществлялась торговля между Сибирью, Алтаем и возможно Китаем с территориями Южной Азии. Кроме того, при работах в Кашмире были найдены петроглифы, которые соотносятся с кыргызским наследием, аналогичные обнаружены и среди недостаточно обследованных петроглифов Гилгит-Балтистана. Таким образом, регион активных горных миграций народов, включающий в себя верховья Енисея, Алтай, восточную часть

Казахстана, Кыргызстан, Вахан (таджикскую и афганскую части), Гилгит-Балтистан и Кашмир начал формироваться в 3–2 тысячелетии до н. э. как минимум. [3] Стоит отметить, что исследования в Кашмире, проведенные усилиями новосибирских ученых и их индийских коллег, выявило данные связи на основе петроглифов: битреугольный стиль и изображения людей в грибовидных головных уборах, ранее считавшиеся характерными только для территории востока Центральной Азии и Южной Сибири. [4] Поскольку миграционным процессам того времени были свойственны низкая скорость и основание «перевалочных баз», то долина Хунзы с относительно хорошим климатом (особенно в летний период) и источниками воды могла изначально использоваться именно как временная стоянка для отдыха людей и животных на пути из Сибири в Кашмир и обратно. При этом, некая группа людей, возможно изначально заселявшая территории близ Енисея, во время миграций решила основать здесь постоянное поселение. Эта версия вполне укладывается в рамки происхождения языка бурушаски от енисейских языков, выдвинутую Жоржем ван Дрим (Driem), который указывает на сильное сходство в глагольной морфологии, в особенности в личных префиксах, между бурушаски и енисейскими языками (в частности с сохранившимся кетским языком). На этом основании ученый утверждает о существовании некой гипотетической семьи «карасук», включавшей бурушаски и енисейские языки, и связывает её с археологической культурой Карасук, существовавшей примерно во 2-м тыс. до н. э. [5]. Возможно, буриши выделились из общей карасукской культуры несколько ранее киммерийцев и поселились в долине Хунза, постепенно прирастая мигрантами как со стороны Китая (Синцзянь), так и со стороны начавших постепенную миграцию ранних индо-арийских переселенцев, сформировавших затем дардские народы. Устная традиция буришей делит весь народ на 4 главных клана с вероятно несколько разным происхождением: Хурукуты (возможно связанные с населением Памирского плато); Бурунг (возможно связанные с арийским населением Кашмира); Дирамитинг (возможно связанные с монголоидами Синцзяня) и Бараталинг (претендующие на македонское происхождение — от воинов армии Александра Македонского, во всяком случае — по их собственным легендам). При этом, происхождение буришей

от населения Фригии в данном контексте оправдывается общими корнями культуры Карасук (имеющей смешанное происхождение), которая дала как ветку буришей в Гималаи, так и ветку киммерийцев в Малую Азию, тем более, что связь бурушаски с индоевропейскими языками слабы и несистематичны. [6, 7]

Молекулярная генетика и генеалогия

Определенный свет на происхождение буришей могло бы пролить генетическое исследование. И оно было проведено, правда в недостаточном количественно-качественном соотношении, в начале 21 века. Согласно проведенным генетическим исследованиям, множество хунзакутов имело гаплогруппы Y-ДНК: R1a1 и R2a, которые связаны с индоевропейскими народами и миграцией бронзового века в Южную Азию с. 3000 г. до н.э. и, вероятно, возникли либо в Южной Азии, [8] Средней Азии, [9] либо в Иране и на Кавказе. [10] Два других типично южноазиатских клона, гаплогруппа H1 и гаплогруппа L3 (определяемая мутацией SNP M20), также наблюдались на нескольких образцах. Другие гаплогруппы Y-ДНК, которые весьма часто встречаются среди буришей — это гаплогруппа J2, связанная с распространением сельского хозяйства на Ближнем Востоке в неолите, и гаплогруппа C3 мужского происхождения из Восточной Евразии, возможно связанная с переселением монголов. С меньшей частотой присутствуют гаплогруппы O3, также принадлежащие к мужской линии Восточной Евразии, и Q сибирского мужского происхождения, P, F и G. [11] Таким образом, мужские линии ДНК свидетельствуют от связях буришей с населением Южной Азии, Восточной и Южной Сибири, Памиром (в первую очередь из-за маркера M124 (определяющего гаплогруппу R2a Y-ДНК), который часто присутствует у памирских народов), возможно с ранними группами населения Ближнего Востока и Китая. [12] При этом генетической связи между буришами и греками/македонцами обнаружено не было. Но, как следует из документов относительно состава армии Александра Македонского, большая часть ее и не была представлена жителями Балкан, так что — требуются более прицельные генетические исследования. [13] Стоит отметить, что проводились генетические исследования и представителей

карасукской культуры (фрагменты из раскопанных курганов). Согласно исследованиям 2010 года у двух карасукцев была определена Y-хромосомная гаплогруппа R1a1. В исследовании 2015 года были определены Y-хромосомные гаплогруппы R1a и Q1a и митохондриальные гаплогруппы A, C4, M8, H4, I4 и U5. [14] Таким образом, некоторое генетическое родство карасукцев и буришей действительно имеется, но на настоящий момент данных недостаточно, чтобы утверждать это наверняка. Ситуация осложняется еще и тем, что хунзакуты, проживающие на южной ветви Великого шелкового пути действительно пропускали через себя громадные для того времени торговые караваны и вполне естественно, зачастую смешивали свои гены с пришлыми, что способствовало сохранению нации (избегание близкородственных браков), но размывало геном.

История народа

Тем не менее, государственность в Хунзе сложилась не одномоментно. По-видимому, некоторое время население территорий жило отдельными племенами, частично сохраняя кочевничество. В дальнейшем более выгодным стал тип хозяйствования в виде долинного земледелия и высокогорного скотоводства вместе с контролем Великого шелкового пути и взиманием дани. В I веке жители этих регионов были последователями религии Бон, а во II веке исповедовали буддизм. Несколько высоких родов объединились с выбором общего правителя или были подчинены. Согласно летописям и преданиям правителей Хунзы — их род насчитывает порядка 1000 лет, причем — большую часть правления они находились под тем или иным вассалитетом. Изначально правитель именовался как Тхам (Tham), а позднее, после проникновения ислама в северные горы — Мир (Mir — возможно, как сокращенная форма от «А/Эмир»). [15] Между 399 и 414 годами китайский буддийский паломник Факсиан посетил Гилгит-Балтистан. В 4 веке Сомана Палола (большой Гилгит-Чилас) находилась под властью неизвестного царя. Между 627 и 645 годами китайский буддийский паломник Сюаньцзан путешествовал через этот регион во время своего паломничества в Индию. Согласно китайским записям династии Тан, между 600-ми и 700-ми годами этим регионом управляла буддийская династия, именуемая Болу. Считается,

что это была династия Палола Сахи, упомянутая в надписи на брахми, и набожные приверженцы буддизма Ваджраяны. В то время Маленькая Палола использовалась для обозначения Гилгита, а Большая Палола использовалась для обозначения собственно Балтистана. В середине 600-х годов Гилгит попал под сюзеренитет Китая после падения Западно-тюркского каганата в результате военных кампаний Тан в регионе. Чуть позднее сюда вторглась Тибетская империя, противостоящая Китаю. Однако, столкнувшись с растущим влиянием халифата Омейядов, а затем халифата Аббасидов на западе, тибетцы были вынуждены вступить в союз с исламскими халифатами. Затем этот регион оспаривался китайскими и тибетскими войсками и их соответствующими вассальными государствами до середины следующего века. В 717 и 719 годах, соответственно, делегации от правителя Великой Палола (Балтистан) по имени Су-фу-ши-ли-цзи-ли-ни достигли китайского императорского двора. И были рассмотрены в суде, собственно потому и сохранились. К тому времени в Балтистане практиковали буддизм, а письменным языком был санскрит. В 720 году делегация Сурендрадитья достигла китайского императорского двора. В китайских записях он упоминается как король Великой Палола; однако неизвестно, был ли в то время Балтистан под властью Гилгита. К 721–722 году Балтистан попал под влияние Тибетской империи, но только в качестве вассальных владений. В 737–738 г. тибетские войска под командованием министра Бел Кесанга Донгцаба императора Ме Агтсома взяли под свой контроль Малую Палолу. К 747 году китайская армия под командованием этнического корейского военачальника Гао Сяньчжи отбила Малую Палолу. Впоследствии Великая Палола была захвачена китайской армией в 753 году под командованием военного губернатора Фэн Чанцина. Однако к 755 г. из-за восстания в Ань-Лушане силы танского Китая отступили и больше не могли оказывать влияние в Средней Азии или в регионах вокруг Гилгит-Балтистана. Контроль над регионом был оставлен Тибетской империи. Они называли этот регион Бружа, топоним, который согласуется с этнонимом «Бурушо», используемым сегодня. Тибетский контроль над регионом длился до конца 800-х годов нашей эры. Собственно говоря, отступление как Китая, так и Тибета от данных территорий в определенной степени было связано с Великодер-

жанием кыргызов, пришедшимся как раз на этот момент. Также как и волна уйгурских беженцев, хлынувших в Синцзянь и соседние к нему регионы. При этом в 7 веке в Гилгит прибывают тюркские племена, исповедующие тенгрианство, их приход был связан с общим выдвижением тюрков в Центральной Азии. Они основали в Гилгите династию Траханов [16]. В 14 веке суфийские мусульманские проповедники из Персии и Средней Азии распространили ислам в Балтистане. Известным среди них был Мир Сайид Али Хамадани, который пришел через Кашмир, в то время как в регионе Гилгит ислам возник чуть раньше, через исламизацию тюркских правителей-тарханов. Гилгит-Балтистаном правили многие местные правители, среди которых были известны династия Макпон Скарду и раджи Хунзы. Макпоны Скарду, особенно в эпоху Али Шерхана Анчана, установили дружеские отношения с двором Великих Моголов в Дели. Последний макпонский раджа, Ахмед Шах, правил всем Балтистаном между 1811 и 1840 годами. Области Гилгит, Читрал и Хунза к тому времени уже стали независимыми. С 1840 по 1860 Гилгит-Балтистан находился под управлением империи сикхов, а затем — догра. После поражения сикхов в англо-сикхской войне данную территорию британское руководство автоматически прикрепило к Кашмиру, несмотря на недовольство местных правителей.

Британские исследователи

Несмотря на то, что их поселения издревле составляли часть Великого Шелкового пути, а значит — с ними часто пересекались интересы торговцев, широкой европейской общественности они стали известны довольно поздно. Британский полковник Джон Бидделф (John Biddulph), живший в Гилгите с 1877 по 1881 г написал объемный труд «Племена Гиндукуша» (Tribes of Hindoo Kush), куда вошло и описание буришей, к слову, если почитать книгу в оригинале, то уже из нее становится ясен миф о долгожительстве, который затем распространился по всему свету. Как оказалось, буриши считали год по полугодиям, т.е. в одном европейском году у них было два года: летний и зимний. Также в этой же книге описывается питание буришей, вполне включающей в себя мясную пищу и даже доисламские «кровавые» обычаи. [17] Талантливый английский военный врач Мак Каррисон, который 7 лет

лечил больных на севере Индостана, жил в Гилгите и работал на должности хирурга с 1904 по 1911 гг, при этом указал, что не обнаружил у хунзакутов «расстройств пищеварения, язвы желудка, аппендицита, колита и рака», т.е. болезней соответствующих его профилю. Об остальных он умалчивает. Но есть и еще один факт. Жил и работал он в Гилгите, главный же город долины Хунза — Каримабад, находится в 100 км от него по труднодоступным перевалам (до того, как китайцы не протянули Каракорум) и многие больные попросту не могли до врача добраться. Кроме того, не далее как в 1891 году Хунза была англичанами насильственно присоединена к своим владениям, так что даже у элиты буришей, которые имели деньги на оплату услуг британского врача, не было особого желания с ним знакомиться. Кроме того, в дальнейшем он проводил эксперименты на крысах, разделив их на группы питающиеся по «хунзакутски», «индийски» и по «английски», сделав выводы, что горный рацион питания однозначно полезнее. Что собственно, затем, и запустило миф о долгожителях. [18]

Собственно говоря, военная компания британцев в Хунзе началась по причине того, что эмир был готов заключить договор с Российской империей или вообще войти в ее состав, чего англичане панически боялись. Поскольку старались всеми силами недопустить вторжения русских в богатый Индостан. В Хунзе тем временем потихоньку появлялись русские товары, оружие, а во дворце Балтит появился даже парадный портрет Александра III. Далекое горское правительство начало дипломатическую переписку с Санкт-Петербургом и предложило разместить у себя казачий гарнизон. А в 1891 году из Хунзы пришло сообщение: мир Сафдар Али официально просит о приеме его со всем народом в российское подданство. Эта весть скоро дошла и до Калькутты, в результате 1 декабря 1891 года горные стрелки Янгхазбенда захватили княжество, Сафдар Али бежал в Синьцзян. «Дверь в Индию для царя захлопнута», — написал британский оккупант вице-королю. [19] Формально же поводом к Хунза-Нагарской военной компании (в Пакистане ее именуют как Англо-буришская война) послужила жалоба от кыргызов. Как писал в своих дневниках капитан британской армии Янгхазбенд «Весной 1889 года жажда путешествий вновь охватила меня, однако начальство не разрешило поездку, пришлось умирать

со скуки и сдуть пылинки с мундира. И вот когда мои мучения достигли предела, прибыла телеграмма из Лондона из министерства иностранных дел с приказом провести разведку северных границ Кашмира в районе, где находится страна хунзакутов или канджутов, как называют их жители Синьцзяна. Хунзакуты постоянно совершали набеги на соседние страны. Не только жители Балтистана опасались их, но и кашмирские войска в Гилгите, то есть на юге, и кочевники-киргизы на севере пребывали в страхе в ожидании нападения. Когда в 1888 году я был в том районе, до меня дошел слух об очередной дерзкой атаке на караван киргизов, большое число которых хунзакуты либо убили, либо захватили в рабство. Киргизы больше не стали терпеть и обратились с петицией к маньчжурскому императору, однако тот остался глух к просьбам. Тогда кочевники попросили о помощи Британию, и в итоге мне было поручено договориться с эмиром Хунзы». Как следует из истории дальше — договориться не удалось, более того — эмир Хунзы послал прошение в С.-Петербург о заключении договора, отношения же с империей Цинь и так были замечательные. [20]

Операцией командовал полковник Джордж Алджернон Арнольд Дюран. Он имел под своим началом около тысячи винтовок и два орудия. Британцы получили контроль над Нагаром во время битвы при Нилт-Нагаре в 1891 году. Форт Нилт был взят в результате штурма, и после двухнедельной задержки скалы за его пределами были также взяты штурмом. Хунза и Нагар были оккупированы, раджа Нагара был оставлен на троне, но на условиях вассалитета перед британцами, а сводный брат раджи Хунзы был назначен в качестве князя на место своего брата. Ход военной операции замечательно описан в книге Эдварда Найта «Там, где встречаются три империи» (Edward Knight «Where Three Empires Meet»). [21]

Хорошее описание хунзакутов оставил после себя и полковник Дэвид Лоример (David Lockart Robertson Lorimer), представлявший британское правительство в Гилгитском агентстве в 1920–1924 годах и живший в Хунзе с 1933 по 1934 год. Стоит отметить, что именно ему в числе прочих принадлежат три книги «Грамматика», «История» и «Словарь» языка бурушаски (The Burushaski Language. 3 vols.), т.е. именно он первым исследовал этот язык-изолят и попытался составить его словарь. [22]

Следующим человеком, который не просто попал в Хунзу в качестве туриста, а прожил там около 20 месяцев был Кларк — американский ученый, отправившийся в княжество с целью поиска полезных ископаемых в 1950 году. Это была основная его цель, кроме того, он планировал организовать школу деревообработки, познакомить хунзакутов с достижениями сельского хозяйства США и устроить в княжестве лазарет или мини-госпиталь. Результатом оказалась написанная им книга «Хунза. Затерянное гималайское королевство» (John Clark «Hunza — Lost Kingdom of the Himalayas») [23]

И тем не менее, в 40-х гг 20 века возник миф о некой стране Хунза, где люди живут до 150 лет и не болеют. Наибольший бум, принесший буришам звание «долгожителей-вегетарианцев», принесла книга Джерома Родейла (Jerome Rodale), опубликовавшего в США в конце 1940-х книгу «Здоровые хунзакуты» (The healthy Hunzas). Книга эта стала крайне популярной ввиду того, что как раз в этот момент у американцев начался бум здорового питания. [24] Также как и книга доктора Ральфа Бирхера (Ralph Bircher), «посвятившего» годы исследованию жизни хунзакутов, однако — эти исследования принимать во внимание не стоит, так как он не был не только в Хунзе или Гилгит-Балтистане, а и вообще в целом в Индостане, являя собой пример кабинетного ученого. При этом он написал книгу под названием «Хунзакуты, народ, который не знает болезней» (Hunsa, das Volk, das keine Krankheit kannte), также ставшую популярной. [25] И это несмотря на свидетельства врачей, живших в Гилгит-Балтистане прежде.

В 60-хх еще на этой волне «здорового образа жизни и правильного питания» в Долину Хунза потянулись туристы, а уже затем и хиппи, в том числе так называемые «абрикосовые хиппи» за растущими вдоль дорог коноплей и абрикосами. И если изначальный путь был через Афганистан — Пешавар — Гилгит, то в 70-х в связи с осложнениями в Кабуле и открытием Каракорума путь стал начинаться либо в Исламабаде (также начавшему строиться), либо в Китае. [16] Между тем, в самом Пакистане условно «получившим данную часть Кашмирского тория» отношения с Гилгит-Балтистаном складывались сложно.

Развитие в рамках Гилгит-Балтистана

Территория Гилгит-Балтистана, до 2009 года носившая название «Северные территории», является автономной административной территорией в составе Пакистана, т.н. территорией с высокой степенью автономизации от Исламабада. Если не вдаваться в подробности, то исторически представляет собой территории нескольких автономных княжеств, которые британцы сделали вассально зависимыми от правителя Кашмира в 19 веке (таким образом — их вхождение в состав территории Кашмира тоже весьма спорно). Тем не менее, они, как и Азад Кашмир (собственно часть территории Кашмира) в настоящий момент являются спорными между Индией и Пакистаном. Территория современного Гилгит-Балтистана стала отдельной административной единицей в 1970 году под названием «Северные районы». Он был образован путем слияния бывшего округа Гилгит, района Балтистан и нескольких небольших бывших княжеских государств, крупнейшими из которых были Хунза и Нагар. [26] С 1948 и до 1990-х годов политическая и экономическая жизнь Гилгит-Балтистана регулировалась «Положением о пограничных преступлениях колониальной эпохи», в котором местное население считалось не цивилизованным. Юридически, политически и экономически они были подчинены Музаффарабаду. Население во своем большинстве представляло собой закрепощенное крестьянство, которым требовалось специальное разрешение властей для того, чтобы выехать за пределы своего местожительства. В 1969 году был создан Консультативный совет северных территорий (NAAC), позже переименованный в Совет северных территорий (NAC) в 1974 году и Законодательный совет северных территорий (NALC) в 1994 году. Но он был лишен законодательных полномочий. Вся законотворческая деятельность была сосредоточена в Министерстве KANA Пакистана. В 1993 году Высокий суд Азада Джамму и Кашмира предпринял попытку аннексировать Гилгит-Балтистан, но был отменен Верховным судом Пакистана в связи с активными протестами гилгитцев. В 1994 году министерство KANA создало нормативно-правовой акт (LFO), который стал де-факто конституцией региона. В конце 1990-х годов президент треста «Аль-Джихад» подал петицию в Верховный суд Пакистана, чтобы определить правовой статус Гилгит-Балтистана,

однако — попытка не удалась. В 2009 году ей была предоставлена ограниченная автономия и она была переименована в Гилгит-Балтистан через Указ о самоуправлении, подписанный президентом Пакистана Асифом Али Зардари, который также был направлен на расширение прав и возможностей жителей Гилгит-Балтистана. [27] 30 ноября 2018 года статус Гилгит-Балтистана был расширен указом премьер-министра Имран Хана, который предложил придать ему статус провинции. Фактически в настоящий момент правительство Пакистана стоит между требованиями населения и правительства Гилгит-Балтистана о создании официальной пятой провинции страны с полными гражданскими правами для ее жителей, и требованиями правительства Азад-Кашмира об обратном присоединении Гилгит-Балтистана к ее территории. Отдельным моментом является позиция Индии о принадлежности Гилгит-Балтистана ей. В сентябре 2020 года Пакистан решил повысить статус Гилгит-Балтистана до статуса полноценной провинции, однако в связи с эпидемией COVID-19 окончательное решение было отложено. [28]

Современная экономика региона

Таким образом, интеграционные процессы с Исламабадом вызвали и экономический рост в Гилгит-Балтистане. Экономическое развитие региона явилось как результатом политических программ, так и Пакистано-Китайских международных отношений, в том числе — программы «Один пояс — один путь». Открытый в 80-х Каракорум открыл процесс транспортного коридора между Пакистаном и Китаем, а также по соседней ветке с Кыргызстаном (тогда еще в составе СССР, затем — независимым государством). Прокладка современного автобана (срезая местность прямо через горы — по туннелям или высотным мостам) от китайского Пекина до пакистанского Гвадара (через Кашгар и Гилгит) побудила жителей этого региона активно изучать современные торговые отрасли, китайский язык и ведение активных инвестиций. Создание торговой палаты и открытие сухопутного порта Сост на территории явились принципиальными вехами в направлении развития региона. В начале сентября 2009 года Пакистан подписал соглашение с КНР о крупном энергетическом проекте в Гилгит-

Балтистане, который включает строительство плотины мощностью 7000 мегаватт в Бунджи в районе Астор. Остальная часть экономики представлена в основном сельским хозяйством и туризмом. Сельскохозяйственные продукты: пшеница, кукуруза, ячмень и фрукты. Активно растет международный и внутриафганский экспорт фруктов, и особенно — сухофруктов и орехов. Туризм в основном связан с трекингом и альпинизмом, и важность этой отрасли растет. В связи с особенностями географического расположения («место встречи» трех высочайших систем мира: Гималаев, Гиндукуша и Памира и расположенных здесь 5 восьмитысячников, в том числе знаменитые К2 (Чогори) и гора-убийца (Нанга Парбат) Гилгит-Балтистан является объектом активного туризма, как местного, так и международного. [29]. Но туристическая отрасль отнюдь представлена не только альпинизмом. На территории Гилгит-Балтистана расположено и много других природных и рукотворных достопримечательностей: национальные парки, высокогорные озера, долины петроглифов, исторические постройки на территории княжеств, буддийские символы и многое другое.

Также привлекают туристов и массовые мероприятия. Основные культурные мероприятия включают фестиваль поло в Шандур, фестиваль поло Бабусар и Джашн-э-Бахаран, или фестиваль «Время сева» (Навроз). К традиционным танцам относятся: танец старика, исполняемые танцевальным коллективом, одетым в старинные платья; Танец Коровы (Пайалу), в котором человек носит одежду старого стиля, длинные кожаные туфли и держит в руке палку, и Танец с мечами, в котором участники показывают элементы военной битвы и мечевого боя, держа меч в правой руке и щит в левой. В парах могут танцевать от одного до шести участников. [30]

Активно развивается и транспортная система. В настоящее время Исламабад связывает регулярное авиасообщение с городами Гилгит и Скарду. Также настроены регулярные автобусные маршруты, как со столицей, так и между городами провинции. в настоящее время ведется обсуждение постройки железнодорожной ветки. Таким образом, развитие коммуникаций и массовое перемещение людей с одной стороны способствует развитию экономики региона, с другой — уничтожает местную национальную культуру, особенно это заметно на примере буришей.

Противостояние традиции и современности

Возвращаясь к вопросу буришей. В настоящее время насчитывается около 80 000 человек, относящих себя к данной народности. При этом, родным для себя бурушаски считают только около 50 тысяч из них. Их генетический анализ (на данный момент частичный и выборочный) показывает родство буришей с индоевропейцами, народами Ирана. Кавказа и Ближнего Востока, с алтайскими народами и народами Сибири и даже — с населением Индонезии и прилегающих островов. Они очень удачно расположились на территории, которая была своеобразным «проходным двором» истории, впитав в себя генетическое наследие многих народов. [31]. Буриши имеют собственный язык, называемый бурушаски. Данный язык в настоящее время признан языком-изолятом. Некоторые ученые предполагают его родство с сино-кавказскими языками (что спорно), часть — с древними енисейскими языками. И это значительно отличает буришей от соседних народов горного Пакистана — большинство из которых имеет четкое восточно-иранское происхождение и соответствующие языки.

Исходя из вышеизложенного, слабоизученный народ буришей, их культура, история и язык находятся под угрозой ассимиляции или вытеснения, а бурушаски в виду слаборазвитой письменной системы (а также перевода школьной системы обучения на урду и английский и высокого потока туристов, владеющих этими же языками, а также — китайским) — и под угрозой исчезновения. Постройки дорог способствуют уничтожению или перемешиванию культурных слоев, а также — разрушают петроглифы, части из которых насчитывается по 4–5 тысяч лет. Что делает бесполезной возможную работу археологов. А тем не менее, до сих пор Большой Истории не известно практически ничего о взаимодействии народов, культур и государств на Крыше Мира, которая явилась пересечением путей для кыргызов, уйгуров, тибетцев, китайцев, восточно-иранских народов, хиндустанцев и многих других.

Можно считать, что в настоящее время политические и экономические перспективы развития региона вступают в противоречие с его национальными и культурными особенностями, сохранением возможностей традиционной жизни, сохранением своего наследия.

Выводы и перспективы

- Таким образом перспективные направления исследования народа буришей видятся в форме (возможность изучить данный народ и его наследие до того, как он будет ассимилирован):
- Проведения полноценного исследования генома представителей данного народа с возможными путями миграции в современный район проживания
- Записи мифологии и преданий народа, ритуалов (несмотря на то, что буриши исповедуют несколько ветвей шиизма у них сохранилось немало доисламского наследия).
- Изучение традиций буришей и их возможной связи с народами Вахана, кыргызами, уйгурами и др.
- Подробное изучение языка бурушаски и установление его возможного происхождения
- Утверждение единой письменности бурушаски, утверждение его в качестве провинциального языка с возможностью изучения в школах

Понятно, что ввиду бедности принимающей страны — Пакистана, изучение и сохранение наследия буришей (равно как и других соседних народов) возможно исключительно при содействии международных организаций или направленных частных грантов. Также необходимы договоры с пакистанской армией для охраны направленных в регион ученых и археологов, пребывание которых должно контролироваться ввиду доступных индийских, китайских и афганских границ. Возможна и весьма желательна организация параллельных экспедиций в афганские территории Вахана и Синцзянь, поскольку они во многом представляют собой территориально-историческую общность.

Стоит отметить, что интересы советского и российского востоковедения до настоящего времени мало охватывали народы Гималаев, Гиндукуша и Памира, что связано со сложными политическими отношениями между Россией (СССР) и Пакистаном. В настоящее время вполне возможно заполнение этого, довольно значительного пробела в российском востоковедении, если в этом будет заинтересованность.

Личные впечатления

Мне представилась возможность посетить долину Хунзы в 2018 и 2021 году. Что следует отметить? По сравнению за 3 года: увеличилось количество туристов: как местных, так и международных; увеличилось количество отелей — при этом снесено большое количество местных традиционных домов; практически исчезли женщины в национальной хунзакутской одежде — переход на пакистанские шальвар-камизы, однако в сувенирных лавочках еще возможно отыскать национальную одежду буришей; большинство жителей Каримабада перешло на работу по обслуживанию туристов (гостиницы, кафе, торговля сувенирами и их изготовление и др.) — в небольших деревнях частично сохраняется традиционный с/х уклад, часть молодежи начинает мигрировать в города либо данного региона, либо — в крупные города Пакистана; громадные транспортные работы с постройкой дорог и сервиса при них — разрушение памятников архитектуры, петроглифов, другого исторического наследия. Бурушаски постепенно вытесняются в городах, большинство молодежи хорошо говорит на урду, может использовать английский и китайский, чтобы объясниться. Большинство кафе/ресторанов перешло на пакистанскую или европейско-американскую кухню, хотя традиционные кафе с местной кулинарией еще можно найти (часто — это маленькие домашние заведения на несколько человек). По впечатлениям туристов (рассказам и фотографиям), которые побывали в Хунзе 10 лет назад — изменения в настоящему становятся очень сильными и заметными. В целом — ситуация патовая и нуждающаяся в немедленном решении.

Литература

1. Gilgit Baltistan Scouts The Defenders of the North. Geography & demography of Gilgit Baltistan URL: <http://gilgitbaltistanscouts.gov.pk/TOGeography%20.html>
2. Musavir Ahmed Ethnicity, Identity and Group Vitality: A Study of Burushos of Srinagar. Journal of Ethnic and Cultural Studies. 2016. Vol. 3, no. 1. P. 1–10.
3. Баканова М. В. Кыргызы. Канада, Альтаспера Пабблишинг, 2021. 207с
4. Вести Новосибирск «Наука» Новосибирские археологии изучали петроглифы на севере Индии, 2020. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/221480668>
5. George van Driem Languages of the Himalayas: An Ethnolinguistic Handbook of the Greater Himalayan Region, containing an Introduction to the Symbiotic Theory of Language (2 vols.) Germany, Leiden: Brill, 2001. 1375 p. DOI:10.1163/9789004492530
6. Bengtson J. D., Blazek V., On the Burushaski-Indo-European hypothesis by I. Čašule. Journal of Language Relationship. 2011, Neuveden, № 6. P. 25–63
7. Bengtson J. D., Blazek V., Comments on Casule's Correlation of Burushaski... // The Journal of Indo-European Studies. 2012. 40/1–2. P. 156–161
8. Kivisild, T.; et al., The Genetic Heritage of the Earliest Settlers Persists Both in Indian Tribal and Caste Populations. The American Journal of Human Genetics, 2003. Vol. 72 (2), P. 313–332, doi:10.1086/346068
9. Sengupta, Sanghamitra; et al. “Polarity and Temporality of High-Resolution Y-Chromosome Distributions in India Identify Both Indigenous and Exogenous Expansions and Reveal Minor Genetic Influence of Central Asian Pastoralists”. The American Journal of Human Genetics. 2006. Vol. 78 (2) p. 202–221. doi:10.1086/499411
10. Thanseem, Ismail; et al. Genetic affinities among the lower castes and tribal groups of India: Inference from Y chromosome and mitochondrial DNA. BMC Genetics. 2006. Vol. 7. P. 42. doi:10.1186/1471-2156-7-42
11. Raheel, Qamar; et al. Y-Chromosomal DNA Variation in Pakistan. American Journal of Human Genetics. 2002. Vol. 70 (5). P. 1107–1124. doi:10.1086/339929
12. Li, Jun Z. Worldwide human relationships inferred from genome wide patterns of variation. Science. 2008. Vol. 319 (5866). P. 1100–1104.
13. Firasat, Sadaf; Khaliq, Shagufta; Mohyuddin, Aisha; Papaioannou, Myrto; Tyler-Smith, Chris; Underhill, Peter A; Ayub, Qasim. Y-chromosomal evidence for a limited Greek contribution to the Pathan population of Pakistan. European Journal of Human Genetics. 2006. Vol. 15 (1). P. 121–126. doi:10.1038/sj.ejhg.5201726.
14. Keyser, Christine; Bouakaze, Caroline; Crubézy, Eric; Nikolaev, Valery G.; Montagnon, Daniel; Reis, Tatiana; Ludes, Bertrand. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. Hum. Genet. 2009 Vol. 126(3). P. 395–410. doi: 10.1007/s00439-009-0683-0.
15. Editorial Team. Hunza Valley All things you need to know in 2021. URL: <https://www.skardu.pk/hunza-valley/>

16. Баканова М. В. Они еще есть, но их уже нет (Исчезающие народы Южной Азии) Канада: Альтаспера паблишинг, 2016. 206 с. ISBN 9781329872561
17. Biddulph, John. Tribes of the Hindoo Koosh. Calcutta, India: Office of the Superintendent of Government Printing. 1880, 364p.
18. Троицкая С. И. Пищевой террор: Есть или жить. Россия. Санкт-Петербург, Питер, 2011, 41с
19. Пахомов Е. Хунза, почти что русская земля. Россия, М., Вокруг света. 2007
20. Captain Frank E. Younghusband. The heart of a continent: a narrative of travels in Manchuria, across the Gobi desert, through the Himalayas, the Pamirs, and Chitral, 1884–1894. London. John Murray. 1896. 409p.
21. Edward Knight. Where Three Empires Meet. London. Green and Ko. 1893. 528p.
22. David Lockart Robertson Lorimer. The Burushaski Language. London. Impr. Mallingske. 1935. 419p.
23. John Clark. Hunza — Lost Kingdom of the Himalayas. New York, Funk & Wagnalls Company. 1956. 214p.
24. Jerome Rodale. The healthy Hunzas. New York, Emmaus, Pa., Rodale Press. 1948. 274p.
25. Ralph Bircher. Hunsa, das Volk, das keine Krankheit kannte. German Edition. Zürich Hans Huber. 1952. 144s (Deutsch)
26. Burki, Shahid Javed. Historical Dictionary of Pakistan. Rowman & Littlefield. 2015. 228 p., ISBN 978–1–4422–4148–0
27. Senge H. Sering Constitutional Impasse in Gilgit-Baltistan (Jammu and Kashmir): The Fallout. May 2010 Strategic Analysis 34(3):354–358 DOI: 10.1080/09700161003658998
28. Баканова М. В. ГИЛГИТ-БАЛТИСТАН. 2021 URL: <https://propakistan.ru/article/gilgit-baltistan>
29. Shafqat Hussain. Remoteness and Modernity: Transformation and Continuity in Northern Pakistan. New Haven: Yale University Press 2015. 253pp ISBN 978–0–300–20555–8
30. F. M. Khan. The story of Gilgit, Baltistan and Chitral: a short history of two millenniums AD 7–1999. Pakistan, Eejaz. 2002. 256p.
31. Underhill, Peter A. The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a, European Journal of Human Genetics. 2014. Vol. 23 (1). P. 124–131, doi:10.1038/ejhg.2014.50
32. References
33. Gilgit Baltistan Scouts The Defenders of the North. Geography & demography of Gilgit Baltistan URL: <http://gilgitbaltistanscouts.gov.pk/TOGeography%20.html>
34. Musavir Ahmed Ethnicity, Identity and Group Vitality: A Study of Burushos of Srinagar Journal of Ethnic and Cultural Studies. 2016. Vol. 3, no. 1. P. 1–10.
35. Bakanova M. V. Kyrgyz. Canada, Altaspera Publishing, 2021. 207p (In Russ)
36. Vesti Novosibirsk “Science” Novosibirsk archeology studied petroglyphs in the north of India, 2020. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/221480668> (In Russ)

37. George van Driem Languages of the Himalayas: An Ethnolinguistic Handbook of the Greater Himalayan Region, containing an Introduction to the Symbiotic Theory of Language (2 vols.) Germany, Leiden: Brill, 2001. 1375 p. DOI: 10.1163 / 9789004492530
38. Bengtson J. D., Blazek V., On the Burushaski-Indo-European hypothesis by I. Čašule Journal of Language Relationship. 2011, Neuveden, No. 6. P. 25–63
39. Bengtson J. D., Blazek V., Comments on Casule's Correlation of Burushaski ... The Journal of Indo-European Studies. 2012.40 1–2. P. 156–161
40. Kivisild, T. ; et al., "The Genetic Heritage of the Earliest Settlers Persists Both in Indian Tribal and Caste Populations", The American Journal of Human Genetics, 2003. Vol. 72 (2), P. 313–332, doi: 10.1086 / 346068
41. Sengupta, Sanghamitra; et al. "Polarity and Temporality of High-Resolution Y-Chromosome Distributions in India Identify Both Indigenous and Exogenous Expansions and Reveal Minor Genetic Influence of Central Asian Pastoralists". The American Journal of Human Genetics. 2006. Vol. 78 (2) p. 202–221. doi: 10.1086 / 499411
42. Thanseem, Ismail; et al. "Genetic affinities among the lower castes and tribal groups of India: Inference from Y chromosome and mitochondrial DNA". BMC Genetics. 2006. Vol. 7.P. 42. doi: 10.1186 / 1471–2156–7–42
43. Raheel, Qamar; et al. Y-Chromosomal DNA Variation in Pakistan. American Journal of Human Genetics. 2002. Vol. 70 (5). P. 1107–1124. doi: 10.1086 / 339929
44. Li, Jun Z. Worldwide human relationships inferred from genome wide patterns of variation. Science. 2008. Vol. 319 (5866). P. 1100–1104.
45. Firasat, Sadaf; Khaliq, Shagufta; Mohyuddin, Aisha; Papaioannou, Myrto; Tyler-Smith, Chris; Underhill, Peter A; Ayub, Qasim. Y-chromosomal evidence for a limited Greek contribution to the Pathan population of Pakistan. European Journal of Human Genetics. 2006. Vol. 15 (1). P. 121–126. doi: 10.1038 / sj.ejhg.5201726.
46. Keyser, Christine; Bouakaze, Caroline; Crubézy, Eric; Nikolaev, Valery G. ; Montagnon, Daniel; Reis, Tatiana; Ludes, Bertrand. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. Hum. Genet. 2009 Vol. 126 (3). P. 395–410. doi: 10.1007 / s00439–009–0683–0.
47. Editorial Team. Hunza Valley All things you need to know in 2021. URL: <https://www.skardu.pk/hunza-valley/>
48. Bakanova M. V. They are still there, but they are no longer there (The Disappearing Peoples of South Asia) Canada: Altaspera Publishing, 2016. 206 p. ISBN 9781329872561 (In Russ)
49. Biddulph, John. Tribes of the Hindoo Koosh. Calcutta, India: Office of the Superintendent of Government Printing. 1880, 364p.
50. Troitskaya S. I. Food Terror: Eat or Live. Russia. St. Petersburg, Peter, 2011, 41p (In Russ)
51. Pakhomov E. Khunza, almost a Russian land. Russia, M., Vokrug Sveta — Around the World. 2007 (In Russ)

52. Captain Frank E. Younghusband. The heart of a continent: a narrative of travels in Manchuria, across the Gobi desert, through the Himalayas, the Pamirs, and Chitral, 1884–1894. London. John Murray. 1896. 409 p.
53. Edward Knight. Where Three Empires Meet. London. Green and Ko. 1893. 528p.
54. David Lockart Robertson Lorimer. The Burushaski Language. London. Impr. Mallingske. 1935. 419p.
55. John Clark. Hunza — Lost Kingdom of the Himalayas. New York, Funk & Wagnalls Company. 1956. 214p.
56. Jerome Rodale. The healthy Hunzas. New York, Emmaus, Pa., Rodale Press. 1948. 274p.
57. Ralph Bircher. Hunsu, das Volk, das keine Krankheit kannte. German Edition. Zürich Hans Huber. 1952. 144p (In Germ)
58. Burki, Shahid Javed. Historical Dictionary of Pakistan. Rowman & Littlefield. 2015. 228 p., ISBN 978–1–4422–4148–0
59. Senge H. Sering Constitutional Impasse in Gilgit-Baltistan (Jammu and Kashmir): The Fallout. May 2010 Strategic Analysis 34 (3): 354–358 DOI: 10.1080/09700161003658998
60. Bakanova M. V. Gilgit-Baltistan. 2021 URL: <https://propakistan.ru/article/gilgit-baltistan> (In Russ)
61. Shafqat Hussain. Remoteness and Modernity: Transformation and Continuity in Northern Pakistan. New Haven: Yale University Press 2015. 253pp ISBN 978–0–300–20555–8
62. F. M. Khan. The story of Gilgit, Baltistan and Chitral: a short history of two millenniums AD 7–1999. Pakistan, Eejaz. 2002. 256p.
63. Underhill, Peter A. The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a, European Journal of Human Genetics. 2014. Vol. 23 (1). P. 124–131, doi: 10.1038 / ejhg.2014.50

БРАГУИ (BRANUI) — ЕДИНСТВЕННЫЕ ЗАПАДНО-ИНДОСТАНСКИЕ ДРАВИДЫ (ПАКИСТАН)

Марина Владимировна Баканова

Chief of "Dua Hospital"
International Care Medical Centre

Независимый исследователь, аналитик, публицист

mari-ina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4389-8071>

Аннотация. Народ брагуи, проживающий на территории Белуджистана, в настоящее время считается малоизученным. Из происхождения и существование в течение длительного времени вызывает много вопросов и является предметом бурных дискуссий. Брагуи пережили переход от религии к религии, сохранив немало своих обычаев, вписывавшихся в очередную традицию. Они жили во времена суверенитета (Хараппа) и вассалитета, причем были вассалами Ирана, Хорасана, Афганистана, Индии, а британцы присоединили их к Белуджистану и вовсе не вынося вопрос о самоопределении народа. Земля брагуев содержит множество артефактов, полна истории народа, его культуры, однако — в настоящий момент это не является актуальным ни для самих брагуев, ни для Пакистана в целом. В Белуджистане ведутся активные строительные работы, внедряется пакистанская система образования с английским и урду языками, активно разворачиваются китайские инвестиционные проекты. В ближайшей перспективе ситуация такова, что брагуи легко могут подвергнуться ассимиляции (как влиться в рамки нации белуджей, так и в направлении «всепакистанской общности») с возможностью утраты своей культуры и языка, возможно — большая часть исторического наследия будет также утрачена. Мировое же культурное и историческое наследие может навсегда потерять возможность узнать культурные, исторические и торговые связи народов Белуджистана, их взаимодействие, развитие, эволюцию. В связи с этим необходимо принять решительные шаги по изучению и сохранению культурного и языкового наследия брагуев.

Ключевые слова: брагуи; дравиды; брагуйский язык; Белуджистан; политическая антропология; социальная антропология; пакистановедение; востоковедение

BRAHUI — THE ONLY WESTERN HINDUSTANI DRAVIDIANS (PAKISTAN)

Marina Vladimirovna Bakanova

Chief of "Dua Hospital"

International Care Medical Centre

Independent researcher, analyst, publicist

mari-ina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4389-8071>

Abstract *The Bragui people living on the territory of Balochistan are currently considered little studied. From the origin and existence for a long time raises many questions and is the subject of heated debate. Bragui survived the transition from religion to religion, retaining many of their customs that fit into the next tradition. They lived in times of sovereignty (Harappa) and vassalage, and were vassals of Iran, Khorasan, Afghanistan, India, and the British annexed them to Balochistan and did not at all put up the issue of self-determination of the people. The land of the Brahuis contains many artifacts, is full of the history of the people, their culture, however, at the moment this is not relevant either for the Brahuis themselves or for Pakistan as a whole. Active construction work is underway in Balochistan, the Pakistani education system with English and Urdu is being introduced, and Chinese investment projects are being actively developed. In the short term, the situation is such that the Brahi can easily be assimilated (both to merge into the framework of the Baloch nation, and in the direction of the "all-Pakistani community") with the possibility of losing their culture and language, perhaps most of the historical heritage will also be lost. The world cultural and historical heritage may forever lose the opportunity to know the cultural, historical and trade relations of the peoples of Balochistan, their interaction, development,*

evolution. In this regard, it is necessary to take decisive steps to study and preserve the cultural and linguistic heritage of the Brahuis.

Keywords Brahui; Dravidians; Brahui language; Balochistan; political anthropology; social anthropology; Pakistani studies; Oriental studies

Введение

Брагуи представляют собой нацию, которая относится к расе Дравидов, расселенных на территории Индостана и соседних территориях еще в 6–5 тыс. до н.э. Несмотря на общую схожесть с южно-индийскими дравидами, брагуи имеют и немало особенностей, как в культуре и религии, так и в языке. Сложность современного момента заключается в том, что данная нация активно ведет процесс собственной ассимиляции, как в рамках единого Белуджистана, так и в рамках всего Пакистана. А значит, может естественным образом исчезнуть в ближайшее время.

Брагуи — как нация в рамках расы Дравидов

Дравиды — это группа народов южноиндийской расы, которые населяют юг и юго-восток Индии, а также — западную часть Пакистана (брагуи). Они являлись одной из самых древних цивилизованных рас, заселивших Индостан или сформировавшихся в нем. Большинство исследователей считает дравидскую расу результатом смешения веддоидной и индо-средиземноморской рас, однако в настоящее время точно выяснить их происхождение не удалось. [1] В частности, останки протодравидов или дравидоидов эпохи верхнего палеолита были найдены как на территории Воронежской области России, так и на территории Египта (додинастический период), а согласно лингвистическим изысканиям — они имеют родство с угро-финскими и уральско-алтайскими языками. [2] Генетическая схожесть у дравидов выявляется с населением Элама, носителями уральских и алтайских языков.

На данный момент наиболее актуальной считается теория о том, что дравиды — это не коренное изначально население Индостана, раса зародилась в районе современного Белуджистана (Пакистан, Афганистан, Иран) или немного севернее, [3] при этом установлены их связи с населением

восточного Средиземноморья, Восточно-Африканскими народами, народами Средней Азии (прародителями уральской и алтайской ветви народов), некоторыми народами Кавказа. [4] Предположительно к 5 тысячелетию они начали активное движение в долину реки Инда, а затем и далее на восток, основав впоследствии Хараппскую цивилизацию. [5]

Несмотря на то, что во 2–3 тысячелетии до нашей эры дравидское государство охватывало практически весь современный Индостан, угасание их цивилизации, относительно совпавшее с приходом индоариев, поставили дравидов на грань исчезновения. Большинство дравидского населения сместилось на юг и юго-восток Индостана, древняя культура пришла в упадок. При этом — индоарийские народы в определенной степени стали наследниками культуры Хараппы, введя ее мифологию, культуру, религию и даже научные знания (например, знаменитая Аюрведа считается в большинстве своем продолжением хараппской медицинской школы) в свою цивилизацию.

В IV–III веках до н.э. на территории Южной Индии, населённой дравидами, образовались государства: Чола и Пандья — на территории современного Тамилнада и Чера — на территории современной Кералы. Государства Чола, Пандья и Чера являлись «морскими державами», которые с одной стороны поддерживали торговые связи со странами Средиземноморья (в том числе с Римом, основавшим на восточном побережье индийского Юга торговую факторию), а с другой — с государствами Юго-Восточной Азии, а также вели торговлю с Египтом и Китаем. Но это были уже другие дравиды и совершенно иная цивилизация с новыми законами, культурой, бытом. [6]

Позднее, с наступлением государств с севера пали и они. А в эпоху Британской Империи части дравидских племен удалось даже упрочить свое положение, отстояв свой язык, культуру, религию. Такими оказались, к примеру, тамилы. Другим повезло меньше — они остались на грани выживания — естественного или культурного (малые дравидские народы). После того, как в 1947 году Индия обрела независимость, дравидские народы усилили борьбу за свои этнические территории и национальное самоопределение. Они потребовали выделения их этнических территорий в отдельные государственные образования в виде национальных штатов. Их границы были определены в 1956 году: Мадрас, Андхра-Прадеш, Май-

сур и Керала. Однако, в 1969 году штат Мадрас был переименован в штат Тамилнад, а с 1973 года штат Майсур стал именоваться штатом Карнатака. Народ телугу в основном населяет штат Андхра-Прадеш, тамилы — Тамилнад, каннара — Карнатаку, малаяли — Кералу. С 90-х годов XX века в среде народа тулу усилилось национальное движение, требующее выделения на территории проживания данного этноса их собственного штата — Тулунаду, но пока правительство Индии не занимается данным вопросом.

Происхождение брагуи

В то время, как к 1 тысячелетию до н.э. большинство дравидов мигрировали в юго-восточном направлении, часть дравидских племен, в основном живших к западу от Инда, мигрировали в современный Белуджистан (а часть дравидов и до того проживала на этих территориях). Хотя существуют и альтернативные теории возвратной миграции их с юга Индостана в 10–13 вв. [7] Их потомки известны под названием брагуи — единственный народ в Пакистане дравидского происхождения. В пользу такой трактовки этнической истории брагуи свидетельствуют и изложенные выше факты о «западном» происхождении дравидов и их родстве с народами передней Азии, Африки, Средней Азии и Элама. Язык Брагуи при этом предстает как промежуточное звено между эламским и основным массивом дравидийских языков и возможно — представляет собой наиболее древний (раритетный) и «чистый» дравидский язык.

На самом деле народ Брагуи не является особо малочисленным — их по данным последних переписей около 2,5 млн человек, однако — они находятся под угрозой полной культурной ассимиляции.

Пакистан не является единственным местом проживания брагуев. Однако — в этом государстве их диаспора является самой большой, около 2,3 млн человек. Вторая по численности популяция живет в Афганистане, по последним данным около 250 000 человек. Еще меньше в Иране — всего 17 тысяч. В остальных странах уже казуистическое меньшинство: в Туркменистане 1900 человек, в Бангладеш — 400, и в Индии — 50.

Особенно уникальным является попадание дравидов из Белуджистана в Туркменистан. На самом деле на его территорию брагуи переселились

не изолированно. Они пришли туда вместе с соседями белуджами в конце 19 — начале 20в, с максимальной переселенческой активностью в 1925–27гг через территорию Афганистана и Ирана, что само по себе довольно странно, поскольку в обратном направлении именно в это же время переселялись туркмены, убежавшие от советской власти. На территории Туркменистана процесс ассимиляции брагуи белуджами завершился в 60-х гг. прошлого века. Брагуи Туркмении называют себя белуджами рода брагуй, при этом только небольшая часть их знает или понимает свой родной язык, а также сохраняется их разделение на более мелкие группы: айдози, раатзи, иагези, чайнал, керан, мирханзи, сорабзи, сасоли, зеркали. Некоторое количество стариков помнит сам процесс переселения в Туркменистан. Для остальных — это уже история. [8]

На самом деле есть еще две теории появления брагуев в Белуджистане. Первая из них гласит о том, что они сбежали от мусульманских султанатов в 13–14 веках из Южной Индии на запад и обосновались в Белуджистане. Вторая о том, что это было намеренное переселение на «земли предков» в 10 веке новой эры. Оба эти предположение основываются на том, что брагуи избежали влияния Авестийского иранского государства (данное государство распространилось на восток вплоть до западного берега Инда).

Но на данный момент это не очевидно. Белуджистан — область малодоступная и ее включение в империю скорее всего было чисто номинальным, особенно по отношению кномадам. Признаков активного присутствия зороастризма на территории Белуджистана до сих пор не найдено, причем не только среди брагуев, но и среди других наций. Иранцам было гораздо выгоднее получить доступ к плодородным равнинам Инда, и пропустить неудобный гористо-пустынный участок, не распространяя на него свое культурное влияние, а исключительно — взимая дань.

Также нельзя утверждать, что на брагуев не оказала никакого влияния религия зороастризма. Они слишком плохо изучены на данный момент. Впрочем — и сама территория Белуджистана изучена очень плохо и на ее карте хватает белых пятен. В первую очередь — из-за территориальной недоступности.

Молекулярная генетика и генеалогия

Согласно отдельным генетическим исследованиям генотип брагуев гораздо ближе иранским племенам (возможно древнему Эламу), чем южно-индийским. Что также подтверждает теорию о том, что брагуи никогда не переселялись в южную Индию [9]. Народ Брагуи имеют крайне варибельную гаплогруппу Y-ДНК. Наиболее часто в их геном встречается гаплогруппа R1a (Y-ДНК), а именно — R1a1a-M17 (35% — 39,09%), выделившаяся в пределах евразийских степей и имеющая в дальнейшем отношение к андроновской и ямной культурам и процессу формирования индоевропейцев. Кроме всего прочего, она же свойственна для отдельных групп индусов Северной Индии, киргизов, русских, поляков и вообще славянских народов, на территории Пакистана — у горных народов севера. Её высокую концентрацию у народа брагуи связывают с ранними восточными миграциями индо-иранцев, которые изначально расселялись среди дравидского населения городов севера и запада Индостана. Гаплогруппа J (Y-ДНК) составляет в среднем 28% и свойственна в основном ближневосточным народам, народам Северной Африки и Кавказа. Гаплогруппы G (Y-ДНК) и L (Y-ДНК) также свойственные народу брагуи, присущи и соседним народам белуджей и макрани имеющим смешанное индо-иранское происхождение, возможно — наследникам древнего Элама и некоторых племен северного Ирака. Хотя, гаплогруппа G в настоящее время наиболее часто встречается на западном Кавказе и в ряде анклавов Казахстана, группа L — имеющая в целом индийское происхождение возможно из долины реки Инд, но распространенная в основном в горных регионах, не связанных между собой (даже на территории Пакистана ее наибольшая концентрация встречается кроме как у брагуев — у народов калаши и буриши на севере). По данным исследования Quintana-Murci et al., популяция брагуи имеет высокую распространенность (55%) западно-евразийских мтДНК и самую низкую частоту в регионе (21%) гаплогруппы M*, которая распространена (~60%) среди дравидов Индии. Таким образом, следует исключить возможность присутствия брагуев в Белуджистане в результате недавнего проникновения дравидов из Индии. Таким образом, предполагается, что они являются последними выжившими северянами из более крупного дравидоязычного

региона до прихода индоиранцев. В целом — генетические исследования брагуев в настоящий момент нельзя считать достаточными, в том числе — не проведены исследования материнской линии по митохондриальным линиям и прочих методов генетической генеалогии. [10]

Языковые особенности

Брагуйский язык, не смотря на то, что действительно является дравидским по своей основе, имеет немало заимствований из языка белуджей и пушту. В связи с влиянием на него различных народов в нем оформилось 3 диалекта: Саравани (Sarawani) на севере, Джхалавани (Jhalawani) на юго-востоке, Чхагхи (Chaghi) на западе и северо-западе. Брагуи традиционно используют арабоперсидскую графику, хотя для них был разработан и алфавит на основе латиницы. Язык брагуи стоит особняком и в любой классификации дравидийских языков выделяется в особую группу, хотя принадлежность его дравидийской семье не вызывает сомнений. Кроме очевидного сходства (облик первых трех числительных, местоимений, некоторых существительных и глаголов), брагуи характеризуется рядом общедравидийских структурных черт: в фонетике — наличием пяти качественно различающихся гласных и ретрофлексных согласных; в морфологии — суффиксальной агглютинацией, стандартной для дравидийских языков системой частей речи и грамматических категорий, наличием отрицательного спряжения глагола, трехчленным противопоставлением указательных местоимений по удаленности объекта; в синтаксисе — порядком слов в предложении «подлежащее — дополнение — сказуемое» [11]. Ряд отличий брагуи от «дравидийского стандарта», носящих предположительно инновационный характер, разделяется им с некоторыми другими дравидийскими языками, в основном северными (курукх, малто), но иногда и принадлежащими другим группам внутри семьи; так, отсутствие категории грамматического рода сближает брагуи с южным языком малаялам. Последнее обстоятельство служит аргументом против объединения брагуи с курукх и малто в одну группу, предложенным американским дравидологом М. Эмено: брагуи скорее противопоставлен всем дравидийским языкам (такова, в частности, точка зрения М. С. Андропова) [12].

В настоящее время свою исконную религию брагуи утратили и являются мусульманами суннитского направления. Как именно к брагуям попал ислам — не известно. Теоретически — путей проникновения могло быть несколько. При этом — происхождение названия «брагуи» до сих пор не установлено. Есть две теории, которые не подтверждены практическими исследователями. Согласно одной из них, «брагуи» происходит от «Брахо» — короткой форме имени Ибрахим (библейский Авраам) употребляемой соседним народом сирайки в отношении их, как возможных потомков этого Пророка. Согласно второй, «брагуи» происходят от «барохи» — «горец», которое дали им жители равнинного Синда. Но обе эти теории на данный момент не выдерживают критики, просто потому — что другого слова помимо «брагуи» в качестве самоназвания этот народ не имеет, даже на уровне легенд и, скорее всего, его происхождение уходит своими корнями в такую глубокую древность, что смысл за прошедшие века попросту был утерян. [13]

К вопросу о государственности

В 1638 году произошло и уникальное по своей природе событие. В частности — вождям белуджских и брагуйских кланов удалось договориться и создать княжество Калат (Келатское ханство) при том, что династия его правителей имела в своей основе брагуйские корни. В определенной степени инициаторами его создания выступали императоры Империи Великих Моголов (в частности — Шах Джahan, хотя первые попытки относятся ко времена его деда — Акбара), которым было необходимо спокойствие на западных рубежах империи (о некоем подобии государственных образований в Белуджистане было известно с середины 15 века, но они как правило были нестойкими). Созданное ханство находилось в вассальной зависимости от Дели, позднее — при ослаблении власти Моголов, попадало периодически под вассалитет Ирана, то Кандагара. Имеющихся в настоящее время данных недостаточно, чтобы судить о преобладающей нации в его составе. Все изменилось с момента прихода к правлению Мир Насир хана, который и стал одним из его легендарных правителей и расширил территорию Келата практически до границ современного Белуджистана,

однако — окончательно решить вопрос вассалитета не смог. Правитель Мир Хусейн Насир I (1749–1794) предпринял попытку разграничения власти князей белуджей и брагуи на территории ханства. Большой независимости ханство смогло достичь только к началу 18 века — но это был крайне недолгий период. В 1839 году, во время первой англо-афганской войны, британские войска взяли Калат и убили Мехраб-хана, назначив в ханство британского агента. После нескольких попыток восстаний население было вынуждено смириться с британским присутствием, и с 1840 года британский агент стал жить в Калате на постоянной основе. Тогда же между консульством Британии и Келатом было заключено соглашение. Келат должен был гарантировать безопасность британских войск и дать им возможность переправиться до афганской границы. В свою очередь Великобритания гарантировала суверенитет и неприкосновенность границ территорий, населенных белуджами (так называемого Белуджистана), которые после заключения этого соглашения начали терять свое влияние. Как можно заметить, уже в этом документе не прописаны отдельно брагуи, что указывает на подавляющую роль белуджского компонента в рамках данного ханства и процесс ассимиляции брагуев белуджами. [14, 15] Кроме этого, как и на севере Индостана, здесь имело место индифферентное отношение британской власти к нациям, культурам и национальной самоидентичности народов, уничтожение многих оправдывалось военными и геополитическими целями. Именно этот подход стал впоследствии залогом возникновения трех горячих пограничных точек Пакистана: Кашмир, Белуджистан и Хайбер-Пахтунва.

Традиционный образ жизни

Брагуи до сих пор живут, подчиняясь родоплеменной структуре, существует и ряд традиционных правил — дастур. Все их общество делится на 3 группы, которые в свою очередь разделяются на кланы, а те — на роды (фалли). «Ядро» состоит из ачмадзе, гургуари, илтазай, каландари, камбрани, мирвари, родени и сумалари, которые в совокупности составляют лишь небольшую часть от общего числа брагуи. Большинство населения разделено между джалаванскими брагуи (включающими племена бизан-

джаров, харуни, мухаммедов хасни, менгалов, ничари, пандрани, саджди и захри) и сараванскими брагуи (включающими племена бангулзаев, Курд, Лари, Лангав, Мухаммад-Шахи, Райсани, Рустамзай, Сарпора, Сатакзай, Шахвани и Загар-Менгал). Во главе каждого рода стоит вождь. Однако — реально главным в роду и решающим в принятии важных для рода решений является старейшина (камаша).

Одежда — традиционный пакистанский шальвар-камиз, однако в отличие от регионов Панджаба — камиз (верхняя рубаша) очень удлинен, иногда визуально он приближается к арабской галабее. В холодную погоду сверху надевается кожаный или войлочный жилет, войлочный же халат или чадр. Голова покрывается подобием тюрбана или войлочной шляпой. Обувь — как правило всесезонные сандалии. Одежда женщин практически аналогична мужской, имеется некоторая разница в покрое и в цвете (женская одежда более ярких цветов, часто украшенная вышивкой), голову женщины покрывают чадром (широкий плотный шарф) [16].

Большинство брагуи двуязычны и владеют также белуджским языком. Язык брагуи, по крайней мере до недавнего времени, считался непрестижным по сравнению с белуджским, пушту или фарси.

Брагуи достаточно давно является «виртуально-письменным» языком: часть из тех менее 15% брагуи, которые владеют грамотой и умеют писать и читать на белуджском, фарси или урду, умеют также фиксировать свой родной язык с помощью персидского письма несталик (разновидность арабской графики). Более того, самый ранний известный памятник письменной литературы на брауи (трактат Малик-Дада Гхаршина Тохфат-уль-аджаиб) был создан еще во второй половине 18 в., а в 1877 вышла первая книга на брагуи (перевод отрывков из книг различных авторов); имели место и другие публикации. Тем не менее серьезного развития письменность и литература на брауи не получили.

С 1970г в Кветте создана и работает «Академия брагуи», которая специализированно изучает быт, культуру, фольклор брагуи, выпускает сборники записанного фольклора (сказок, преданий, легенд, героического эпоса, песен), оригинальных сочинений поэтов и прозаиков на языке брагуи [17].

К вопросу об ассимиляции в рамках белуджистанских и пакистанских проектов

И тем не менее — брагуи исчезают. Это не банальное вымирание племени, скорее всего данный процесс можно обозначить как вливание брагуев в племена белуджей на правах отдельного племени. Уже сейчас многие брагуи на вопросы о национальности и родном языке называют соответственно белуджи и белуджский.

В настоящее время ввиду развития сотрудничества между Пакистаном и Китаем в рамках постройки высокоскоростной магистрали Исламабад-Гвадар и в целом — в рамках программы развития западных горных территорий, брагуям угрожает полное исчезновение.

Стоит рассмотреть, например, такую прогрессивную программу как Программа поддержки сельских районов Белуджистана (BRSP), которая была запущена в стране в 1983 году при участии Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit, с 2001 году при финансовой поддержке Пакистанского Фонда по борьбе с нищетой (PPAF). Стоит отметить, что все эти годы программа работает крайне эффективно, запуская проекты саморазвития сельских поселений, развития технологий, установления минимального уровня образования и медицинской помощи для жителей, начата программа активного развития животноводства и многое другое. Действительно, сельский Белуджистан в настоящее время преобразился и постепенно втягивается в общий экономический, культурный и политический тренд страны. Однако, все эти проекты в рамках Белуджистана, не учитывают потребностей малых народов и этносов, к которым, например, кроме брагуев можно причислить хазара или сидди. Образовательные системы используют язык урду и в лучшем случае — белуджи, что вынуждает даже старое поколение использовать национальные языки гораздо реже, молодежь же и вовсе переучивается и переходит на урду. В этих же проектах теряется целый культурно-национальный пласт, уклад деревенской жизни общества. Так или иначе идет подавление местной культуры и идентичности «всепакистанской», вытеснение ее и унификация жителей разных национальностей под некий стандарт. [18]

К такому же итогу приводит программа развития микропредприятий горной и добывающей промышленности в Белуджистане. [19] Также в Белуджистане реализуются такие проекты, как: строительство нового глубоководного порта в стратегически важном городе Гвадар (планируется, что порт станет центром энергетического и торгового коридора в Китай и республик Центральной Азии), постройка Плотины Мирани на реке Дашт (в 50 километрах к западу от Турбата в районе Макран), районе Ласбела развивается нефтеперерабатывающий завод, принадлежащий Вусо International Incorporated (ВИ), способный перерабатывать 120 000 баррелей нефти в сутки. Все они требуют квалифицированного и унифицированного обслуживания, без учета культурных традиций или родного языка, поскольку базовая коммуникация должна также быть общей. Такие требования при устройстве на работу приводят либо к тому, что брагуи вынуждены менять свою национальную идентичность и язык, переходя на белуджский или урду, либо же — оставаться в традиционной среде жизни не вливаясь в общепакистанскую систему и фактически, отказаться от прогресса. [20]

Если правительством Пакистана не будет предпринято никаких усилий по сохранению национальной идентичности брагуев, то уже через пару столетий народ просто исчезнет вместе с языком и культурой, несмотря на то — что его численность относительно велика. В настоящее время у брагуев нет ни малейшего приоритета для сохранения своей национальной идентичности. Они ее и не сохраняют, а продолжают активно растворяться среди соседей.

Выводы и перспективы

Таким образом перспективные направления исследования народа брагуи и сохранение его национальной идентичности видятся в форме (возможность изучить данный народ и его наследие до того, как он будет ассимилирован):

- Проведения полноценного исследования генома представителей данного народа с возможными путями миграции в современный район проживания
- Записи мифологии и преданий народа, ритуалов
- Подробное изучение языка брагуи, развитие литературного языка, активизация его использования.

- Утверждение единой письменности брагуи, утверждение его в качестве провинциального языка с возможностью изучения в школах
- Отдельные опасения вызывает возможность разрушения традиционной культуры брагуев в связи с постройкой высокоскоростной магистрали Исламабад-Гвадар и развитием промышленных зон без учета национально-культурной специфики.

Понятно, что ввиду бедности страны — Пакистана, изучение и сохранение наследия брагуи возможно исключительно при содействии международных организаций или направленных частных грантов. Также необходимы договоры с пакистанской армией для охраны направленных в регион ученых и археологов, пребывание которых должно контролироваться ввиду доступных иранских и афганских границ, а также — довольно сильным и активным сепаратистским движением белуджей за независимость Белуджистана, которое нередко устраивает показательные взрывы или расстрелы в том числе и мирных граждан или рабочих международных предприятий.

Стоит отметить, что интересы советского и российского востоковедения до настоящего времени мало охватывали народы Белуджистана, что связано со сложными политическими отношениями между Россией (СССР) и Пакистаном. В настоящее время вполне возможно заполнение этого, довольно значительного пробела в российском востоковедении, если в этом будет заинтересованность.

Литература

1. Бонгард-Левин Г. М. Древняя Индия. История и культура. СПб.: Алетейя, 2001. 288 с.
2. Андронов М. С. Внешние связи дравидийских языков. Дравидийские языки. Языки народов Азии и Африки. Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. Под. ред. проф. Г. П. Сердюченко. М.: Наука, 1965. С. 99–101
3. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Глава XXIV. Историко-культурные связи. Индия и Иран. Индия в древности. М.: Наука, 1985. С. 493
4. Дьяконов И. М. Глава III. Эламский язык. Общие сведения о названии и расселении эламитов. Языки Древней Передней Азии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1967. С. 86
5. Пейрос И. И., Шнирельман В. А. В поисках прародины дравидов (лингвоархеологический анализ). Вестник древней истории. М.: 1992. № 1. С. 135–147

6. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г. Ф. Глава XIX. Южная Индия. Индия в древности. М.: Наука, 1985. С. 374
7. Elfenbein, J. H. A periplous of the 'Brahui problem'. *Studia Iranica*. 1987. 16: 215–233pp
8. Кокайсова П., Кокайсл П. Этническая идентичность белуджей. Центральная Азия и Кавказ, 2012. Том 15, выпуск 3. С. 61–74
9. Pagani L., Colonna V. An Ethnolinguistic and Genetic Perspective on the Origins of the Dravidian-Speaking Brahui in Pakistan. *Man India*. 2017. 97(1): 267–278pp
10. Robin S. W., Oscar Gaggiotti. What is a population? An empirical evaluation of some genetic methods for identifying the number of gene pools and their degree of connectivity. *Molecular Ecology*. 2006. Vol 15, 1419–1439pp
11. Krishnamurti, Bhadriraju. *The Dravidian Languages*, Cambridge University Press, Delhi. 2003. 141–142pp
12. Andronov M. S. Brahui, a Dravidian language: a descriptive and comparative study. *Foreign Language Study*, Lincom Europa 2006. 5–6pp
13. Elfenbein, Josef. Seeever, Sanford B. (ed.). *The Dravidian Languages* (2 ed.). Routledge. 2009. p. 496
14. Baluch Muhammad Sardar Khan. *History of Baluch Race and Baluchistan*. Karachi, 1958. 33–35pp
15. Swidler, N. The Development of the Kalat Khanate. *Journal of Asian and African Studies* 1972. Vol/7: 115–121pp
16. Scholz F. Nomadism & colonialism: a hundred years of Baluchistan, 1872–1972. Karachi; Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. 87–95pp
17. Баканова М. В. Они еще есть, но их уже нет. Исчезающие народы Южной Азии. Канада, Альтаспера Пабблишинг, 2016. 71–77сс
18. Официальный сайт BRSP URL: <https://brsp.org.pk/> (дата обращения 25 мая 2022)
19. Mohmand, Abdul Ghaffar; Development, International Centre for Integrated Mountain (1999–01–01). Micro-enterprise development in mountain areas: a review of NGO initiatives in Pakistan. International Centre for Integrated Mountain Development. 1999.11–40pp.
20. Webb, Matthew. *The Political Economy of Conflict in South Asia*. Palgrave Macmillan. 2015. 64–65pp

References

1. Bongard-Levin G. M. *Ancient India. History and culture*. St. Petersburg: Aleteyya, 2001. 288 p. (in russ)
2. Andronov M. S. External relations of the Dravidian languages. *Dravidian languages. Languages of the peoples of Asia and Africa. Acad. sciences of the USSR. Institute of Peoples of Asia*. Under. ed. prof. G. P. Serdyuchenko. M.: Nauka, 1965. P. 99–101 (in russ)

3. Bongard-Levin G. M., Ilyin G. F. Chapter XXIV. Historical and cultural ties. India and Iran. India in antiquity. M.: Nauka, 1985. P. 493 (in russ)
4. Dyakonov I. M. Chapter III. Elam language. General information about the name and settlement of the Elamites. Languages of Ancient Western Asia. M.: Nauka, Main edition of Eastern literature, 1967. P. 86 (in russ)
5. Peiros I. I., Shnirelman V. A. In search of the ancestral home of the Dravidians (linguo-archaeological analysis). Bulletin of ancient history. M.: 1992. No. 1. P. 135–147
6. Bongard-Levin G.M., Ilyin G. F. Chapter XIX. South India. India in antiquity. M.: Nauka, 1985. P. 374 (in russ)
7. Elfenbein, J. H. A periplous of the ‘Brahui problem’. Studio Iranica. 1987. Vol.16:215–233pp
8. Kokayslova P., Kokaysl P. Ethnic identity of the Balochs. Central Asia and the Caucasus, 2012. Volume 15, Issue 3. P. 61–74
9. Pagani L., Colonna V. An Ethnolinguistic and Genetic Perspective on the Origins of the Dravidian-Speaking Brahui in Pakistan. Man India. 2017. 97(1): 267–278pp
10. Robin S. W., Oscar Gaggiotti. What is a population? An empirical evaluation of some genetic methods for identifying the number of gene pools and their degree of connectivity. Molecular Ecology. 2006. Vol 15, 1419–1439pp
11. Krishnamurti, Bhadriraju. The Dravidian Languages, Cambridge University Press, Delhi. 2003. 141–142pp
12. Andronov M. S. Brahui, a Dravidian language: a descriptive and comparative study. Foreign Language Study., Lincom Europa 2006. 5–6pp
13. Elfenbein, Josef. Seever, Sanford B. (ed.). The Dravidian Languages (2 ed.). Routledge. 2009. p. 496
14. Baluch Muhammad Sardar Khan. History of Baluch Race and Baluchistan. Karachi, 1958. 33–35pp.
15. Swidler, N. The Development of the Kalat Khanate. Journal of Asian and African Studies 1972. Vol.7: 115–121pp
16. Scholz F. Nomadism & colonialism: a hundred years of Baluchistan, 1872–1972. Karachi; Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. 87–95pp
17. Bakanova M. V. They still exist, but they are no longer there. Disappearing Peoples of South Asia. Canada, Altaspera Publishing, 2016. 71–77pp (in russ)
18. BRSP official website URL: <https://brsp.org.pk/> (Accessed May 25, 2022)
19. Mohmand, Abdul Ghaffar; Development, International Center for Integrated Mountain (1999–01–01). Micro-enterprise development in mountain areas: a review of NGO initiatives in Pakistan. International Center for Integrated Mountain Development. 1999. 11–40pp.
20. Webb, Matthew. The Political Economy of Conflict in South Asia. Palgrave Macmillan. 2015. 64–65pp

ИНТЕРАКТИВНАЯ КАРТА И ОБЩАЯ БАЗА ДАННЫХ ДРЕВНИХ ПОРТОВ И ЯКОРНЫХ СТОЯНОК ПОБЕРЕЖЬЯ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Александра Алексеевна Башенкова

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук.

<https://orcid.org/0000-0001-5294-9814>
alexandra.bashenkova@yandex.ru

Аннотация. *Почти каждый из нас сталкивался с тем, что при работе с большим количеством материалов и данных, информацию в интернете приходилось собирать по частям из разных источников. Мы же, в свою очередь, при работе с материалом по результатам полевого сезона 2019 в Сирийской Арабской Республике под руководством В. В. Лебединского решили создать удобный и понятный всем интернет ресурс с наглядным отображением наших результатов работ, а так же известных археологических объектов у побережья САР. Основными задачами в работе стали анализ существующих материалов, их синхронизация с современными картами, а так же компьютерная обработка, оцифровка и исследование особенностей береговой линии САР, обнаруженных в ходе последних исследований, с помощью современных компьютерных фото и видео технологий.*

Ключевые слова: археология; история; кораблекрушения; Сирия; интерактивные карты; береговая линия; побережье Сирийской Арабской Республики; археологические памятники; база данных; фотограмметрия.

INTERACTIVE MAP AND GENERAL DATABASE OF ANCIENT PORTS AND ANCHORAGES OF THE COAST OF THE SYRIAN ARAB REPUBLIC.

Aleksandra Alekseevna Bashenkova
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. *Almost every one of us has encountered the fact that when working with a large amount of materials and data, information on the Internet had to be collected in parts from different sources. We, in turn, when working with the material based on the results of the 2019 field season in the Syrian Arab Republic under the leadership of V. V. Lebedinsky, decided to create a convenient and understandable Internet resource for everyone with a visual display of our work results, as well as famous archaeological sites off the coast SAR. The main tasks in the work were the analysis of existing materials, their synchronization with modern maps, as well as computer processing, digitization and study of the features of the coastline of the SAR, discovered in the course of recent research, using modern computer photo and video technologies.*

Keywords: archeology; history; shipwrecks; Syria; coastline; interactive maps; coast of the Syrian Arab Republic; archaeological sites; database; photogrammetry;

Побережье Сирийской Арабской Республики уже в самые ранние исторические периоды активно использовалось для навигации и морской торговли. Подтверждением тому — археологические памятники и особенности береговой линии, которые использовались в мореплавании как в древности и средневековье, так и в наше время. Это становится отчетливо видно, если соотнести расположение данных объектов с современными картами.

Целью данной работы, было создание актуальной интерактивной карты, а также систематизация и создание общей базы данных по существующим объектам, с возможностью непосредственного доступа к единой, обнов-

ляемой базе данных в виде таблицы-картотеки по каждому из объектов на этой карте. В работе использовались данные исследований и результаты ранее проведенных экспедиций и опубликованных работ (таких как работы С. Танабе [1], Х. Фрост [2–3], Х. Хейджази [4] и др.), а так же по результатам полевого сезона 2019 года археологической экспедиции В. В. Лебединского [5].

Первым этапом в данной работе стал анализ и изучение материалов из книги «Отсюда пошла цивилизация — древние порты, якорные, стоянки, берег Сирийско-Арабской республики.» [4] В ней автор дает схему расположения объектов исследований на побережье САР. Основной сложностью было правильно соотнести расположение объектов на схеме с современными картами. Для более точной привязки координат была необходима перекрестная информация по данным объектам из ранее опубликованных работ, статей и сайтов, которые можно будет найти и использовать через предложенную на сайте базу данных.

Также, отправной точкой и начальным шаблоном в работе стал сайт <http://www.ancientportsantiques.com> и предложенная на нем карта и материалы. Это огромный объем работы, который уже был проделан, и поэтому мы обращались к его содержанию, для сравнения и соотнесения информации по расположению и описанию имеющихся у нас объектов из упомянутой выше книги Х. Хейджази [4]. В отличие от упомянутого сайта, мы хотели больше внимания уделить побережью САР, а также его отдельным районам. И сделать устройство сайта более простым и понятным для пользователя, с более наглядным вариантом предоставления информации. (Рис. 1)

На предварительном этапе все точки наносились в программе SAS Planet согласно схеме представленной в вышеупомянутой книге, с последующей корректировкой, согласно точным описаниям и дополнительным материалам на разных языках. Затем все отметки на карте были поделены на отдельные группы: поселения и сооружения под водой, затопленные ландшафты, кораблекрушения, якорные стоянки.

В отдельную группу вынесены объекты и точки координат, обнаруженные в ходе полевого сезона 2019 подводной археологической экспедиции В. В. Лебединского [5]. Районы исследования включали в себя акватории

провинции Тартус у г. Тартус и о. Арвад. (Рис. 1). По результатам этих работ были получены гидролокационные съемки, а так же детальные материалы фото и видеосъемок. По данным фото и видео фиксации, с помощью программы Agisoft Metashape Professional были собраны подробные 3D модели островов. (Рис. 2)

По совокупности всех материалов и данных полученных с 3D моделей, были сделаны схемы и чертежи по каждому из островов. (Рис. 3–4)

Второй этап работы заключался в сборе информации из существующих источников по всем объектам и добавление их в единую таблицу, а так же краткие выдержки из этого должны были стать содержанием «карточки» по каждому из объектов. Карточка представляет собой все собранные данные по объекту, такие как: предполагаемые координаты объектов исследования, описание объекта, его изображение/фото из существующих публикаций, современное и древнее название, страна нахождения, периодизация, авторы-исследователи, а так же ссылки на актуальные статьи, книги и интернет ресурсы. (Рис. 5)

Третий этап — визуальная составляющая, дизайн и устройство самого сайта. Было разработано несколько вариантов эскизов и компоновок.

В ходе работы над ними, а так же за счет особенностей устройства работы веб-страницы, был выбран вариант, где большая часть сайта отводится под раздел с представленными документами и где будет отображена вся информационная часть по данному интересующему объекту. Кнопки с подразделами на двух языках располагаются слева, а по центру мы видим основное поле — саму карту — для поиска интересующих объектов.

По предварительно созданной карте, все точки, с сохранением своих координат, были экспортированы для дальнейшей работы по наполнению сайта.

Воплощение проделанной и описанной выше работы можно посмотреть по ссылке ниже <https://syrusuwe.com/>.

Конечно, это еще только начало начальный этап большой задуманной работы, ведь данную карту можно и нужно будет дополнять по мере новых исследований и получения новой информации, предоставляя доступ к опубликованным работам и собранным материалам. Такой формат подачи

представляется более наглядным и значительно облегчает поиск и анализ информации для пользователей любого уровня знаний в данной сфере истории и науки.

Литература

1. Танабе С. Раскопки затонувшего корабля, найденного у берегов Сирии: промежуточный отчет. Киото: Оперативный комитет сирийских прибрежных археологических раскопок. 1989.
2. Фрост Х. Руад, его рифы и якорные стоянки. Археологические анналы Сирии: Главное управление древностей Сирии. Дамаск, 1964. 14. С. 67–74.
3. Фрост Х. Планы Арвада, 1964. Фотограмметрическая съемка морских объектов. Археологические летописи Сирии: Главное управление древностей Сирии. Дамаск, 1966 год.
4. Хусейн Хейджази. Отсюда пошла цивилизация — древние порты, якорные, стоянки, берег Сирийско-арабской республики. Дамаск: ДарАльАмана, 1992.
5. Лебединский В. В., Татарков Д. Б., Двухшерстнов В. И., Марван Хассан, Алаа Хаммуд Подводные археологические исследования совместной сирийско-российской археологической экспедиции в акватории г. Тартус и острова Арвад Сирийской Арабской Республики в 2019 году / Отв. ред. Пронина Ю. А. Пер. на англ. яз.: Лезя Н. А., пер. на араб. яз.: Алаа Хаммуд.— М.: ФГБУН ИВ РАН, 2020.— 200 с.: ил.
6. В. В. Лебединский, Д. Б. Татарков, В. И. Двухшерстнов. Результаты исследований совместной сирийско-российской археологической экспедиции в акватории г. Тартус и острова Арвад Сирийской Арабской Республики в сезон 2019 года // Материалы по истории и археологии Крыма. Симферополь. 2020
7. Холдейн Д. На перекрестке истории: морская археология в Сирии. Ежеквартальный журнал Института морской археологии. Техас, 1993 г. 20.3. Стр. 7–11.
8. Паркер А. Дж. Древние кораблекрушения Средиземноморья и римских провинций. Британские археологические отчеты в сер. DLXXX. Оксфорд: Tempus Reparatum, 1992.
9. Карайон Н. Финикийские и пунические порты. Геоморфология и инфраструктуры. Страсбург: Страсбург II — Университет Марка Блоха, 2008.
10. References.
11. Tanabe S. Excavation of a Sunken Ship Found off the Syrian Coast: An Interim Report. Kyoto: Operation Committee for the Syrian Coastal Archaeological Excavation. 1989.
12. Frost H. Rouad, ses récifs et mouillages. Annales Archéologiques de Syrie: Direction Générales des Antiquités de Syrie. Damascus, 1964. № 14. Pp. 67–74.
13. Frost H. The Arwad Plans 1964. A Photogrammetric Survey of Marine Installations. Annales Archéologiques de Syrie: Direction Générales des Antiquités de Syrie. Damascus, 1966. № 16. Pp. 13–28.

14. Hussein Hejazi. From here came civilization — ancient ports, anchorage, anchorages, the coast of the Syrian Arab Republic. Damascus: Dar Al Amana, 1992. (in Arabic).
15. Lebedinski V. V., Tatarkov D. B., Dvukhshorstnov V. I., Marwan Hassan, Alaa Hammoud Underwater archaeological research of a joint Syrian-Russian archaeological expedition in the waters of Tartous and the islands of Arwad of the Syrian Arab Republic in 2019 / Edited by Pronina J. A. English translation: Lezhya N. A. Arabic translation: Alaa Hammoud.— Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2020.— 200 p. : ill.
16. Lebedinski V. V., Tatarkov D. B., Pronina J. A. Underwater Archaeological Research off the Coast of the Syrian Arab Republic: History and Modern Research. Vostok (Oriens). 2020. No. 5. Pp. 68–81
17. Haldane D. At the Crossroads of Hystory: Nautical Archaeology in Syria. The Institute for Nautical Archaeology Quarterly. Texas, 1993. 20.3. Pp. 7–11.
18. Parker A. J. Ancient Shipwrecks of the Mediterranean and the Roman Provinces. British archaeological reports int. ser. DLXXX. Oxford: Tempus Reparatum, 1992.
19. Carayon N. Les port phéniciens et puniques. Géomorphologie et infrastructures. Strasbourg: Université Strasbourg II–Marc Bloch, 2008.

ХАФИРЫ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО СУДАНА¹

Башиер Нижуд Хассан

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
negoodh@yahoo.com

Аннотация. Основная цель — изучение роли хафиров в хозяйственной жизни Древнего Судана. С этой целью исследуются хафиры региона Бутана (Мусавварат эс Суфра, Нага, Баса, Аулиб и Абу Эртейла), чтобы проанализировать способ строительства, его расположение, использование и роль в экономике древней суданской цивилизации.

На основе собранных сведений от коренного населения Судана автор пытается оценить роль хафиров на «острове Мероэ» и в наше время, а также сопоставить значение хафиров в Судане в древности и современности.

Ключевые слова: Судан; Мероитское царство; Абу Эртейла; Хафиры; Эль-Хавад; Шенди; Атбара; Рахад.

HAFIRS OF ANCIENT AND MODERN SUDAN

Bashier Negood Hassan

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
negoodh@yahoo.com

Abstract. The main goal of the communication is studying the role of hafirs in the economic life of the ancient Sudan. For this purpose, hafirs of the Butana region (Musawwarat es Sufra, Naqa, Basa, and Aulib/Abu Erteila) are examined in order to analyze the mode of construction, its disposition, using, and role in

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект N 20-09-00266 «Мероэ — древняя цивилизация в сердце Африки».

the economy of ancient sudanese civilization. Basing on the collected information from the native population in Sudan the author try to estimate the role of hafirs within the «Meroe Island» in modern time as well and to compare the significance of hafirs in Sudan in antiquity and modern time.

Keywords: Sudan; Meroitic kingdom; Abu Erteila; Hafirs; El hawad; Shandi; Atbara; Rahad.

Судан — одно из крупнейших государств северо-востока Африки с богатыми традициями и насыщенной событиями историей. На его обширной территории тысячелетиями сменяли друг друга и уживались вместе древние цивилизации и пришедшие им на смену христианская и мусульманская культуры, что способствовало формированию уникальных верований, обрядов, традиций и обычаев этой удивительной страны. Многие ценнейшие объекты глубинной африканской цивилизации до настоящего времени оставались вне внимания специалистов.

Так случилось с суданской деревней Абу Эртейла, находящейся на расстоянии менее километра от руин древнего поселения периода Мeroитского царства (VII–VI вв. до н.э.— VIII–IX вв. н.э.). До недавнего времени этой деревни не было даже на географической карте. С 2009 г. в Абу Эртейле работает российско-итальянская археологическая экспедиция, в составе которой мне довелось работать. Ее находки и открытия послужили основой для написания этой статьи.

В древности, как и в наши дни, сельское хозяйство и жизнь страны в целом напрямую были связаны с доступными водными ресурсами. В среде раннеземледельческих обществ создавались различные рациональные хозяйственные системы, основой которых было поливное земледелие. К таким хозяйственным областям, несомненно, относилось и царство Мероэ. Древнегреческий историк Плиний писал, что «в окрестностях Мероэ более зеленая трава и кое-какие леса» [Pliny. Natural History (VI-185)];, а в Ниле «единственно пригодная для питья» [Pliny. Natural History (VI-166)] вода.

Раскопки археологов подтверждают, что район центрального Судана в древности был очень плодородным и имел возможности для ведения пастбищно-лугового хозяйства [1, с. 66].

«Живущие ниже Элефантины* и пьющие нильскую воду» [Herodotus. History (II, 18)]. — так Геродот характеризовал население древнего Судана. Именно на этой территории находилась столица древнего суданского царства — Мероэ, хорошо известного тогда далеко за его пределами. Город возник на образуемом руслами притоков Белого и Голубого Нила «острове Мероэ», являвшемся, судя по дошедшим до нас произведениям античных авторов, южной границей страны. (Сегодня древний город Мероэ, находящийся в 45 км к северо-востоку от современного города Шенди, признан ЮНЕСКО памятником Всемирного наследия человечества).

В Центральном Судане осадки выпадали крайне неравномерно, и обрамлявшие «остров Мероэ» реки Атбара (приток Белого Нила) и Рахад (приток Голубого Нила) к началу летнего разлива пересыхали до состояния отдельных озер; мелел и сам Голубой Нил. Вследствие этого одним из главных источников воды в засушливое время года были *хафиры* — искусственно построенные площадки с высокими земляными насыпями, обычно округлой формы, открытые в направлении стока дождевой воды с холмов. *Хафиры* предназначались для сбора и хранения дождевой воды с целью ее дальнейшего использования в хозяйстве [2, с. 24].

Проблема водоснабжения поселений пустынных районов, удаленных от Нила, по сей день решается за счет двух факторов: наличия вادي — эпизодически текущих ручьев, впадающих в Нил, и скопления дождевой воды на твердом грунте в период выпадения осадков. С этой целью строятся дамбы и своеобразные искусственные резервуары, дно которых выкладывается камнем, препятствующим просачиванию воды в землю, — те самые *хафиры* — миниатюрные озера, заполненные дождевой водой.

Абу Эртейла, населенная в основном семьями скотоводов, находится к юго-востоку от главного города крупного административного центра Судана — Шенди, на расстоянии 9 км от столицы древнего суданского царства Мероэ и в 5 км от восточного берега русла Нила. По ее западной границе проходит дорога, которая соединяет Хартум и Атбару.

* Элефантина (др.-греч.) — название древнего города (III в. до н.э.) на одноименном острове на р. Нил после первых порогов, на южной границе египетского государства, играл в древности ту же роль, что и современный город Ассуан. Это был оживленный пункт египетской торговли с Югом (прим. ред.).

Во время сезона дождей, с июля по сентябрь, территория русла бывшего вади, питавшего когда-то поселение на месте деревни Абу Эртейла и соседние территории, переполняется водой настолько, что жители деревни вынуждены на плечах переносить детей до дороги, по которой можно добраться до школы. Границы заполнения древнего вади можно увидеть сегодня и в сухое время года.

В период засухи жители Абу Эртейлы используют древний *хафир*, сделанный еще на рубеже нашей эры. Али, один из жителей деревни, рассказал нам, что старый *хафир* неплохо сохранился и местные жители пригоняют к нему поить скот. Диаметр *хафира* около 230 м, изнутри дно выложено черным камнем, который и сегодня добывают неподалеку, в горах Гебель Макбор.

Хафир находится между поселениями Абу Эртейла, где сейчас ведет раскопки российско-итальянская археологическая экспедиция, и Хор Аулиб (территория раскопок польских археологов), вдоль течения Вади эль-Хавад, на восточной стороне Нила (Рис. 1)

Сегодня фильтрованная нильская вода поступает в деревенские дома в специально оборудованные цистерны только несколько часов в день. Для повседневных нужд жителей окрестности был сделан другой *хафир*, большего размера на значительном расстоянии от старого.

Немного о быте жителей Абу Эртейлы, потомков цивилизации, практически на руинах которой они живут сегодня, пользуясь изобретением своих древних предшественников для собирания и сохранения воды.

Многие суданские деревни говорят на собственном диалекте арабского языка. Да и свою деревню жители Абу Эртейлы называют по-своему — Ритейла, по названию опасных кровососущих насекомых, которые водятся в этой местности и очень досаждают и людям, и скоту.

Жители деревни ежегодно участвуют в раскопках экспедиции. Они с нетерпением ждут, когда приедут хаваджи (белые), которые дают им возможность хоть немного заработать. Территорию раскопок они называют «территорией неверных» [3, с. 329–330] и не строят там свои дома. Однажды пастух нашел там золотую статуэтку, которую обменял на мариссу, местное легкое пиво из сорго — излюбленный напиток суданцев.

Ближе к 11 часам, когда становилось очень жарко, в работе наступал перерыв, и местные жители часто приглашали нас в гости на завтрак, поскольку рано утром они пьют только чай. Завтрак состоял из кисры (хлеба из сорго) или его разновидности — дурра (по форме напоминает толстые русские блины) и малухиа — густого соуса, приготавливаемого из местных растений. На сладкое — забади — кефир из козьего молока. Едят руками, обмакивая кисру в соус. Деревня живет бедно, в глинобитных домах почти у всех жителей только кровати, ложе которых сплетено из пластмассовой бечевки, и табуретки, крайне редко — столы или шкафы.

Древние обычаи соблюдаются строго. Не все родственники могут есть вместе. Так, например, отец жены не имеет права есть вместе с мужем своей дочери, ему подают еду отдельно. Во многих домах мужчины и женщины едят в разных помещениях. Загоны для скота (коз, баранов) есть почти у всех, некоторые держат верблюдов и ослов — основное транспортное средство. Верблюжья шерсть используется для изготовления простой одежды. В зимнее время в Судане очень холодные ночи, а даже самое простое верблюжье одеяло в деревне — роскошь. Ближайшая школа для детей находится на расстоянии более 5 км, часто дети ходят туда и обратно пешком, поскольку нет регулярного транспорта. Несмотря на бедность, жители Абу Эртейлы щедро делились с членами экспедиции тем, что имели.

В древности *хафиры* на территории современной провинции Шенди были широко распространены и, как уже говорилось, предназначались для собирания и хранения воды вне периода Нильских разливов, ее употребления для питья людей и животных, а также орошения сельскохозяйственных угодий (Рис. 4). И, конечно, древний *хафир* вблизи Абу Эртейлы далеко не единственный, сохранившийся до наших дней (Рис. 2.) Правда, далеко не все из них могут использоваться для повседневных нужд сегодня.

Хафиры были характерны только для Мeroитского царства, в древнем Египте таких мелиоративных сооружений не было. (Рис. 5, 6). Это позволяет считать их одной из важнейших технологических инноваций царства Мероэ и важным свидетельством его высокого культурного развития [4, с. 40–42]. С их помощью в районе 4–6 порогов Нила даже при его обмелении увеличивались площади земель, пригодных для посева сельскохозяйственных

культур. *Хафиры* используются вплоть до настоящего времени, но теперь при их строительстве применяют цемент и другие современные материалы.

Типично суданский феномен приспособления человека к окружающей среде демонстрирует удивительный образец наследия и эволюции достижений древней культуры, принцип единства природы и человека, осознанный много тысячелетий тому назад опытом выживания в пустыне и дошедший до наших дней практически без изменений, если не считать достижений технического прогресса в области строительных материалов.

Литература

1. Sadr Karim. The Medjay in Southern Atbai., Archeologie Du Nil Moyen. vol. 4., 1990. p. 66.
2. Arkell A. J. A History of Sudan from the earliest times to 1821. 2 ed., London, 1961, p. 166; Addison F. An Archeological Survey of The Sudan, Anglo-Egyptian Sudan from Within, ed. by J.A. de C. Hamilton, London., 1935. p. 24.
3. Hakem Ali A.M. Meroitic Architecture, a background of an African Civilization. Khartoum., 1988, p. 329–330.
4. Naser Cludia. The Great Hafir at Musawwarat Es-Sufra. Fieldwork of the Archaeological Mission of Humboldt University Berlin in 2005 and 2006. Between the Catracts, Proceedings of the II the Conference of Nubian Studies, Warsaw University. 27 Aug.— 2 Sept. 2006, Warsaw 2006, p. 40–42.

ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ГОНЧАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ СУДАН (ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ)¹

Башиер Нижуд Хассан

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
negoodh@yahoo.com

Аннотация. В данной статье исследуются древние и современные керамические изделия, методы производства, используемые в них материалы и методы обжига. Керамическая посуда всегда использовалась в суданских домашних хозяйствах с древних времен независимо от уровня их достатка. Это определяло постоянный спрос на ручные гончарные изделия, который сейчас заметно снижается в силу трудоемкости процесса и старые традиции умирают и вытесняются более быстрым способом производства за счет изготовления посуды из современных материалов.

Ключевые слова: Древняя история Судана; Мероэ; деревня Салмаб; Абу Эртейла; Омдурман

ANCIENT AND MODERN POTTERY TRADITIONS IN THE REPUBLIC OF SUDAN (TRADITIONS AND INNOVATIONS)

Bashier Negood Hassan

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
neogoodh@yahoo.com

Abstract. This article examines ancient and modern ceramic products, production methods, materials used in them and firing methods. Ceramic dishes have always been used in Sudanese households, regardless of their

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект N 20-09-00266 «Мероэ — древняя цивилизация в сердце Африки».

level of wealth. This determined the constant demand for pottery, which is now noticeably reduced due to dishes made of modern materials.

Keywords: Ancient history of Sudan; Meroe; the village of Salmab; Abu Erteila; Omdurman

Развитое в древнем Судане керамическое производство испытывало значительное влияние египетских традиций, однако, сходство материала и в какой-то мере форм во много объяснялось одинаковыми природными условиями, в частности, составом глин, минералов, используемых для окраса.

Задачей выполненных исследований в рамках работы Российской археологической экспедиции в Абу Эртейла и Западном Драгабе (Мероэ) под руководством профессора Элеоноры Кормышевой в Северном Судане, провинция Шенди — в деревнях Салмаб и Абу Эртейла, а также в Северном Хартуме — в Омдурмане, было получение информации о современном состоянии ручных традиционных способов изготовления керамики и на основании полученного материала сделана попытка выявления сохранившихся традиций.

Для этого была разработана специальная анкета², опрос проводился на арабском языке, с разрешения мастеров были сделаны видео-записи и фотофиксация.

Керамическое производство в древнем Судане

С III тыс. до н.э. в археологических культурах эпохи неолита Судана было найдено большое количество керамических изделий. За длительную историю своего существования развивалось керамическое производство, был накоплен значительный опыт, о чем свидетельствуют дошедшее до нас обилие различных форм сосудов, разнообразной окраски,

² Благодарим Ю. Б. Цейтлина за консультации и предоставление в наше распоряжение материалов аналогичной анкеты, использовавшейся для полевого опроса с целью выявления керамической традиции в Индии.

украшенных самобытным орнаментом и совершенных в технике исполнения с учетом возможностей древнего мастера [26, с. 45–53]. Сосуды разнообразной формы чаще всего для воды или иных жидкостей помещали в погребения [14, с. 249–257], традиция, которая исчезла с распространением ислама.

Необходимость использования керамических емкостей в повседневной жизни населением всех социальных групп привело к возникновению гончарных мастерских в самых разных населенных пунктах — от столицы страны до мелких поселений. Важнейшими центрами гончарного производства в древности в Судане были Кустул, Баллана, Фарас, Каср Ибрим, Мусавварат эс-Суфра, [2, с. 415–420]; [6, с. 138]; [17, с. 266–267], где для изготовления керамики использовали белую каолиновую глину, содержащую природный кремний, а также аллювиальную глину. [16, с. 107–135].

Древние суданские гончарные изделия представляли собой полностью сложившийся вид расписной круговой (сделанной на гончарном круге) керамики. [21, с. 111–114]; [23, с. 3–9]; [29, с. 10–17, 164–165]. Так, на раскопках в Каср Ибриме была найдена расписная керамика разных цветов: синего, зеленого, белого, желтого, пурпурного. [12, с. 21]; [29, с. 10–17, 164–165]. Краски изготавливали из природного материала — охры разных оттенков из минералов, зеленая краска имела растительное происхождение. Пурпурный окрас был дорогим (как и в других районах древнего мира), сырье для него было импортным. Опрос современных мастеров в Абу Эртейла показал, что те же минералы используются и сейчас для придания цвета.

В качестве декора древней керамики использовался геометрический или растительный орнамент. Нередки были изображения людей и животных. [11, с. 64–69]; [30, с. 153]. Форма сосудов культуры Кермы, была обнаружена в ранних археологических слоях Мероэ дворца М 750, а также в в Каве, Седеинге, Летти [15, с. 232]. Кроме круговых сосудов на памятниках Мероитского периода встречаются многочисленные лепные изделия для повседневных нужд — как лощеные, отличающиеся высоким качеством изготовления, так и более грубые горшки и миски [31, с. 164–165], кувшины, амфоры и вазы [4, с. 45, 366]; [17, с. 249–273, 266–267].

Согласно классификации У. Адамса, древнюю суданскую керамику можно разделить на пять основных групп. I группа — тонкая керамика, II — круговая повседневная керамика, III — лощеная керамика, V — лепная кухонная керамика. В группы I, II и III входит керамика средиземноморского стиля, изготовленная на гончарном круге. [1, с. 71–84]; [3, с. 57–59]; [18, с. 199]. К группе IV относится импортная греко-римская керамика.

Керамика I группы, изготавливавшаяся из белой каолиновой глины, стала индикатором мероитских слоев на археологических памятниках Судана. Она отличается не только цветом, но также высоким качеством формовки и обжига, и самобытным стилем рисованного или штампованного орнамента. Подобные керамические изделия найдены не только на территории Судана (Фарас, Караног, Мероэ, I–III вв. н. э.) [8, с. 254–257]; [10, с. 105–110], но и севернее — в Египте, (19, с. 306–307). Последнее свидетельствует как о продолжительных и тесных контактах Египта и Судана, как и о дарении или приобретении в обмен, или за плату. Для Мероэ это были уже предметы экспорта. Длительные связи и контакты на различных уровнях, вне сомнения, предполагали обмен опытом, заимствования и претворения форм и декора.

Керамика группы V совершенно отличается от всех других подобных изделий. Эти отличия касаются, прежде всего, способа ее производства, так как она лепилась руками без применения гончарного круга. Также она отличается составом включений в тесто, содержащего частицы слюды и большое количество резаной соломы и сухой травы. Эта керамика менее прочна. Обжигалась она при невысокой температуре, скорее всего, не в специальных печах, как более тонкие круговые изделия, а простым способом, использующимся до наших дней, — сосуды помещаются в вырытое в земле углубление, заваливаются кизяком и другими горючими материалами, которые затем поджигаются. Подобная керамика обычно черного цвета или имеет большие черные пятна и прослойки, небольшие сосуды часто делают лощеными; порой их декорируют небольшой полосой красного цвета, которая затем шлифуется. Такие гончарные изделия часто украшают выдавленными до обжига узорами, заполняемыми белой или черной краской с геометрическими узорами и сценами повседневной

жизни [13, с. 113, fig. 135]. Их форма повторяет калёбасы и бурдюки — обычные емкости из растительных и животных материалов, распространенные в большей части Африки, которые в основном и были предшественниками гончарных изделий. Они до сих пор используются кочевыми племенами, поскольку они менее хрупки и удобны для кочевой жизни. В редких случаях некоторые из небольших керамических сосудов имеют форму, близкую металлическим емкостям.

Появление большого количества новых керамических изделий получило дальнейшее развитие ко II веку н.э. в связи с широким распространением торговли вином. Во время археологических раскопок в Керме [9, с. 1–17]; [20, с. 41–69] были найдены керамические амфоры и вазы, украшенные изображениями виноградной лозы с гроздьями плодов. Здесь прослеживаются тесные связи с Египтом и районами Средиземноморья в связи с развитием культа вина [7, с. 83, fig. 90, 91]. Фрагменты винных амфор были найдены и идентифицированы Малых в ходе работ российской группы археологов в Абу Эртейла, которые являлись предметом импорта через Египет из Средиземноморского региона [32, p.175, 196]. Различные формы сосудов с декором винной лозы были тесно связаны с мотивом Диониса и широко распространены как в северных, так и в южных областях древнего Судана, [22, с. 202–203; 33, с. 239–247, fig. 4].

Собранный и подвергнутый анализу материал позволил выявить особенности состава теста, формовки и декора, что в свою очередь позволило предпринять попытку после сбора полевого материала и попытку выявить древние традиции в работе современных мастеров. выявить традиции, сохранившиеся сегодня. Поставив задачу в рамках работы российской археологической экспедиции Абу Эртейла и Западном Драгабе собрать материал по современному состоянию ручного производства в Судане, мы столкнулись с тем, что на большом пространстве района Шенди, практически невозможно было найти информаторов. Ныне традиция ручного изготовления керамики практически умирает. Остались только старики, молодежь не хочет заниматься это трудоемкой и неприбыльной работой.

Первый опрошенный мастер была гончар Айша, которая научилась гончарному ремеслу от своей бабушки. Айша живет в деревне Салмаб,

которая находится примерно в 5 км к востоку от Драгаба. Для изготовления гончарных изделий Айша использует аллювиальную нильскую глину, которая тысячелетиями служила основным материалом мастеров тех поселений, которые находятся в долине Нила. Ее рассказ позволил ретроспективно восстановить действия древних мастеров, работавших с этим же материалом и использовавшим примитивную технику (Рис. 1).

По словам Айши на первом этапе она очищает нильскую глину от гравия, т.к. по ее словам «любой маленький камешек в дальнейшем расколется глиняную посуду». После этого гончар добавляет к нильской глине с ослиный навоз. Смесь глины и навоза с водой оставляют на один — два дня для впитывания, а затем мастер приступает к изготовлению глиняной посуды руками, которыми лепит тесто. В настоящее время таким способом изготавливают сосуды для воды, курильницы для благовоний, посуду.

Для придания сосудам нужной формы, чего невозможно было достигнуть при ручной лепке, используется специальный инструмент из коровьей кости, которым оббивают внешнюю поверхность изделия. С целью выравнивания поверхности гладкой формы после ручной лепки современный мастер, как и в древности, использует ракушку, которой аккуратно проводит по всей внутренней и внешней поверхности глиняного сосуда вплоть до его полного разглаживания (Рис. 2). Для обработки внутренней поверхности используется специальная ступа, сделанная из глины. После изготовления глиняных изделий гончар оставляет их под открытым солнцем до полного высыхания.

Обжиг высушенных на солнце керамических изделий производится в специальной яме, вырытой за пределами дома (как объясняла женщина-гончар, так она предотвращает распространение неопрятного запаха навозного дыма). Стремление уйти от жилища связано еще и с тем, что яма выкладывается коровьим навозом, на который укладываются готовые керамические изделия. Сверху их покрывают опять коровьим навозом. Для обжига выбирают безветренные дни (Рис. 3) Для убыстрения процесса обжига используют сухие маленькие ветки. После того как костер прекращает гореть, керамику на один день оставляют томиться под горячим навозом до того момента пока она полностью не охладится. Данный процесс очень похож на технику, использовавшуюся в древности.

Путем опроса местных жителей, которые в один голос говорили, что никто этим уже не занимается, мы нашли еще одного мастера гончара Эльхади, которому уже 73 года. Он работает вместе с сыном (хотя сын просто помогает отцу из уважения) в свободное от сельскохозяйственных работ время (Рис. 4). Они живут в деревне Западная Абу Эртейла и используют такую же технику для обжига керамики, как и женщина-гончар из деревни Салмаб. Важность полученных данных обусловлена местонахождением работы гончала в Абу Эртейла, где ведет работу совместная российско-итальянская археологическая экспедиция. При исследовании керамических образцов эпохи древности (дата открытого экспедицией археологического комплекса археологического комплекса 1–3 веков до н.э.), который переиспользовался более поздними насельниками вплоть до XV века, были найдены образцы посуды не только из аллювиальной и каолиновой глины, но и глины древнего Вади Хавад [32]. Средства для окраски, как и сам материал, добывали скорее всего, поблизости. Таким образом для выбора материала и формы значение имело местонахождение комплекса — Нил или Вади.

Для того, чтобы керамическое изделие получило красные оттенки для розжига, использовали короткие ветки, которые увеличивают температуру нагрева. Для посуды насыщенного красного цвета в тесто добавляют красные камни охры, которые они находят в близлежащих горах. Точно также получали красные образцы и в древности. Для изготовления посуды черного цвета используется коровий навоз. Из глины Эльхади и его сын делают также заготовки суданского народного музыкального инструмента «делюка» (аналог барабана), который мы приобрели у них. Кроме того, они в настоящее время делают небольшого размера плошки, в которые кладут сладости, когда отмечается свадьба или еще какой-то праздник. Наружная сторона таких плошек отполирована ручным способом.

Как рассказал гончар Эльхади, для своих изделий он использует смесь глины с ослиным навозом. Для сглаживания поверхности изделия и вытягивания сосуда вверх гончар использует специальный инструмент из коровьей кости и ракушку, а для отбивания внутренней поверхности сосуда применяется специальная глиняная ступка. Гончар показал

различные готовые керамические сосуды, в т. ч. сосуд для хранения воды (зир), плошки для еды, в которых подается суданская каша или десерт. Форма последних широко известна в различных археологических культурах древнего Судана.

Гончар Абдурахман использует один из древних методов изготовления сосудов из глины без использования навоза (Рис. 5). Глину оставляют в яме с водой, через специальный слив большая часть воды перетекает в другую яму, а глина остается лежать в яме день или два, после чего ее употребляют для изготовления изделий. При этом, если мастер замечает брак в изделии, то пока они не прошли обжиг, он вновь выбрасывает в яму и смешивает с глиной для повторного использования материала. Для получения красной посуды нильская глина замешивается в яме с водой вместе с красным камнем (охрой). Для того чтобы было легко добывать глину и достаточно большое количество воды гончарная мастерская Абдурахмана располагается прямо на берегу Нила.

В мастерского гончара также имеется большая печь для обжига глиняных сосудов: внизу печи укладываются дрова и вверху печи глиняные сосуды (Рис. 6). Аналогичные печи для обжига использовались еще в период царства Мероэ. Несколько таких печей были обнаружены и расчищены вблизи храма Солнца в Мероэ. [16, с. 107–135].

Из Нильской аллювиальной глины и глины вади (со значительной примесью каолиновых зерен и кварцевого песка) местные гончары путем равномерного обжига при высоких температурах изготавливали тонкостенные сосуды с тщательно сглаженной, иногда лощеной поверхностью, покрытой ангобом (чаще всего красного цвета), препятствующим просачиванию воды через стенки сосудов.

В древнем Судане повседневная керамическая утварь изготавливалась в различных районах не только вручную, но и с помощью гончарного круга [4, с. 45–366]; [18, с. 199]; [28, с. 129–134]. Эти традиции сохраняются до наших дней. Вращение гончарного круга осуществляется с помощью ног. Именно так изготавливает свои изделия гончар Абдурахман из Омдурмана. Большинство его изделий это, сосуды для хранения воды (зир) и горшки для цветов разных размеров. (Рис. 5) Это уже в определенной

мере массовое производство, чем и объясняется выбор форм — сосуды зир и цветочные горшки наиболее востребованные формы керамики в сельской местности, да и в городском ландшафте, хотя современная техника быстрее и надежнее охлаждает и фильтрует воду. Если в древности керамические изделия, предназначенные для храмовой утвари или царского дворца как правило, были орнаментированы определенной символикой, то современные керамические изделия утратив магический смысл древнего орнамента, чаще всего продаются без росписей. По словам гончаров, раскрашивание изделий выполняется только по просьбе покупателей.

В заключение следует отметить, что секреты гончарного ремесла передаются в Судане как по мужской, так и по женской линии. И в том, и в другом случае методы изготовления изделий практически идентичны. Различия в изготовлении изделий — с использованием навоза животных или без него определяются только воспринятой с древности региональной методикой и материалом — аллювий или каолин. При этом по количеству выбракованных изделий можно предположить, что посуда, в изготовлении которой использовался навоз является более прочной и устойчивой к механическим воздействиям, однако, различные включения в тесто для керамики.

В настоящее время гончарное ремесло становится все менее и менее популярным. В деревнях говорят, что, молодежь не хочет изучать технику гончарного дела, потому что не хочет возиться с навозом, грязной глиной и вдыхать неприятный запах дыма. Кроме того, гончарное ремесло перестало проносить хороший доход. Если раньше людей использовали сосуды для воды (зир) для охлаждения и фильтрации воды, то теперь эту задачу выполняют холодильники и специальные очистительные фильтры, а чаши для разжигания благовоний заменили электрические курильницы. Тем не менее, как показывает проведенное исследование, традиции и техника изготовления керамических изделий Судана восходит к опыту эпохи древней цивилизации.

Литература

1. Мони Р. Западный Судан. // Железный век Африки. / перевод с английского Цыпкина Г. В. (Shinnie P. L. The African Iron Age. Oxford. 1971). М.: «Наука», 1982. С. 71–84
2. Adams W. Y. The 1980 Excavation at Qasr Ibrim: Implications for the History of Kush. // Meroitica. 7. Berlin.: Akademie — Verlag, 1984. P. 415–420
3. Adams et al. Qasr Ibrim 1980 and 1982. // JEA LXIX., 1983. P. 57–59
4. Adams W. Y. Nubia: Corridor to Africa. London. 1977. P. 45, 366
5. Adams W. Y. Reflections on the Archaeology of Kerma. Agypten und Kush. Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients 13. Berlin.: Akademie – Verlag, 1977.
6. Adams W. Y. Author's Response. // Meroitica 2. Berlin.: Akademie Verlag, 1976. P. 138.
7. Baud M. Culture d'Afrique. Modèles Egyptiens et Influences Méditerranéennes. // Méroé un empire sur le Nil. Milan.: Officina Libraria, 2010. P. 83
8. Arnold D. (ed.) Meisterwerke Altägyptischer Keramik. 5000 Jahre Kunst und Kunsthandwerk aus Ton und Fayence. Katalog. Westerwald, 1978. P. 256–257
9. Bonnet Ch. The Funerary Traditions of Middle Nubia. // Recent Research in Kushite History and Archaeology Proceedings of the 8th International Conference for Meroitic Studies. / [ed.] Welsby D. A. London.: British Museum, 1999. P. 1–17
10. Bourriau J. Umm El-Gaàb. Pottery from the Nile Valley before the Arab Conquest. Catalogue. Cambridge, 1981. P. 105–110
11. David E. N. La forteresse de Qasr Ibrim. // La Nubie. № 196. / September 1994 / 45. France. 1994. P. 64–69
12. Driskell B. N. Nettie K. Adams and French P. G. A Newly Discovered Temple at Qasr Ibrim, Preliminary Report. // ANM. Vol. 3. 1989. P. 21
13. Evina M. Une Jarre A Décor «Africain». // Méroé un empire sur le Nil. Milan.: Officina Libraria, 2010. P. 113
14. Francigny V. Necropoles, Tombes et Au-Dela. // Méroé un empire sur le Nil. Milan.: Officina Libraria, 2010. P. 249–257
15. Grzymski K. Recent Research at the palaces and Temples of Meroe: A Contribution of the study of Meroitic Civilization. // Between the Cataracts. Vol. 2. Part 1. Poland.: Warsaw University Press, 2008. P. 232
16. McCann E. A Fresh look at the site of Faras: Important findings concerning local and regional ceramic industry in north Sudan during the Meroitic period (CA. 350 B.C.-A/D/350). // Beiträge zur Sudanforschung II. Wien.: Österreich, 2012. P. 107–135.
17. Nordstrom H. Pottery Production. // Sudan Ancient Treasures. London.: The British Museum. 2004. P. 249–273, 266–267
18. Pamela J. Rose. The Qasr Ibrim Hinterland Survey: New Evidence for the Roman Presence., Etudes Nubiennes Conférence de Genève., Actes du VII Congrès international d'études nubienes, 3–8 septembre 1990. Vol. II communication. / [ed.] Bonnet Ch. 1994. P. 199

19. Pierrat-Bonnefois G. La céramique dynastique et ptolémaïque des fouilles du Louvre à Tôd, 1989–1991 // *Cahiers de la Céramique Égyptienne*, Institut français d'archéologie orientale. Vol. 6. Le Caire, 2000. P. 306–307
20. Privati B. Le céramique de la nécropole oriental de Kerma (Soudan): essai de classification. // *Sociétés urbaines en Egypte et au Soudan. Cahier de Recherches de L'Institut de papyrology et d'Égyptologie de Lille*. № 20. Ouvrage publié avec le concours du Conseil Scientifique de l'Université de Lille III. France. Université Charles-de-Gaulle-Lille III, 1999. P. 41–69
21. Robertson J. H. and Hill E. M. The meroitic pottery industry. // *Meroitica* 20. Wesbaden. 2004. P. 111–114
22. Sackho-Autissier A. Un Aspect de la Religion Meroitique: Vin et culte Dionysiaque. // *Méroé un empire sur le Nile*. Milan.: Officina Libraria, 2010. P. 202–207
23. Strouhal E. Further Analysis of the Fine Handmade Pottery of Egyptian Nubia in 3rd — 5th cent. A. D. Coptic and Nubian Pottery. International Workshop, Nieborow, August 29–31, 1988. Part II. № 2. // *Occasional paper*. National Museum in Warsaw. Warsaw.: Inwestdruk, 1991. P. 3–9
24. Török. L. Meroe City an ancient African capital. John Garstange's excavations in the Sudan. Part two: Figures and Plates / James T. G. [ed.]. London.: The Egypt Exploration Society, 1997.
25. Török L. Meroe City an ancient African Capital. John Garstange's excavations. Part one: text / [ed] James T. G. London.: The Egypt Exploration Society, 1997.
26. Vincentelli I. Some Remarks on Burial Customs at Hillat El Arab. // *Recent Research in Kushite History and Archaeology Proceedings of the 8th International Conference for Meroitic Studies*. / [ed] Welsby D. A. London.: British Museum, 1999. P. 45–53
27. Wenig St. Ten years of excavation at Musawwarat es Sufra. 1995–2004. // *Between the Cataracts*. Vol. 2. part 1. Poland.: Warsaw, 2008. P. 242
28. Wenig St. Meroitic Painted Ceramics. // *Meroitica* 5. Berlin.: Akademie — Verlag, 1979. P. 129–134.
29. Welsby D. Pottery production and supply at Soba East. Coptic and Nubian Pottery. International Workshop, Nieborow, August 29–31, 1988. Part II. № 2. // *Occasional paper*. National Museum in Warsaw. Warsaw.: Inwestdruk, 1991. P. 10–17, 164–165
30. Welsby D. Kawa. // *Sudan Ancient Treasures*. AT. London.: The British Museum, 2004. P. 153
31. Welsby D. The Kingdom of Kush. The Napatan and Meroitic Empires. London.: British Museum, 1996. P. 164–165
32. Malykh in: Kormysheva E., Lebedev M., Malykh S., Vetokhov S. Abu Erteila. Excavations in Progress. Moscow IVRAN, 2019
33. Wenig, St. Ten years of excavations at Musawwarat es Sufra, 1995–2004. *Between the Cataracts*. Vol. 2. Part 1. Poland.: Warsaw University Press, 2008. P. 239–247.

О НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ К САРТ-КАЛМЫКАМ

Босха Халгаевна Борлыкова¹

Меняев Бадма Викторович²

Басанова Татьяна Владимировна³

¹ Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», Элиста, Россия
borlboskha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9264-3430>

² Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», Элиста, Россия
bmeyaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9205-4537>

³ Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», Элиста, Россия
tatianabasanova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1024-4231>

Аннотация. В статье описывается история и современность сарт-калмыков, проживающих в Иссык-Кульской области Киргизии. Показано, что сарт-калмыки — ойратоязычная этноконфессиональная группа, исповедующая ислам суннитского толка. Материалом для статьи послужили личные полевые материалы авторов, собранные в ходе экспедиции по Иссык-Кульской области Киргизии, а также опубликованные и архивные источники, хранящиеся в библиотечных и архивных фондах России и Казахстана. В настоящей работе представлен обзор экспедиций отечественных и зарубежных учёных (с 1920 по 2017-е гг.) к сарт-калмыкам, рассматривается история, численность, родоплеменной состав, религия, фольклор и этноязыковая ситуация сарт-калмыков в иноэтническом окружении. В ходе экспедиции 2021 года авторы статьи оцифровали значительное количество материалов о сарт-калмыках, хранящихся в частных коллекциях и фондах музеев, архивов и библиотек Иссык-Кульской обла-

сти. Уникальным из оцифрованных материалов можно считать рукопись «Киргизско-сарт-калмыцко-русского словаря» Санджи Насынбатова, которая на сегодняшний день является единственным лексикографическим источником сарт-калмыцкого языка. Актуальность настоящей работы диктуется недостаточной изученностью сарт-калмыков в отечественном и мировом монголоведении.

Ключевые слова: экспедиция; сарт-калмыки Иссык-Кульской области Киргизии; история; численность; родоплеменной состав; религия; фольклор; язык; словарь; материалы

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00537 А «Лингвофольклорное и историко-культурное наследие сарт-калмыков Кыргызстана глазами российских ученых: история и современность (по архивным и полевым материалам)».

ABOUT THE SCIENTIFIC EXPEDITION TO THE SART-KALMYKS

Boskha Kh. Borlykova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov»,
Elista, Russian Federation
borlboskha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9264-3430>

Badma V. Menyayev

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov»,
Elista, Russian Federation
bmeyayev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9205-4537>

Tatiana V. Basanova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov»,
Elista, Russian Federation
tatianabasanova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1024-4231>

Abstract. *The article describes the history and modernity of the Sart-Kalmyks living in the Issyk-Kul region of Kyrgyzstan. It is shown that the Sart-Kalmyks are an Oirat-speaking ethno-confessional group professing Sunni Islam. The material for the article was the personal field materials of the authors, collected during the expedition to the Issyk-Kul region of Kyrgyzstan, as well as published and archival sources stored in the library and archival funds of Russia and Kazakhstan. This paper presents an overview of the expeditions of domestic and foreign scientists (from 1920 to 2017) to the Sart-Kalmyks, examines the history, population, tribal composition, religion, folklore and ethno-linguistic situation of the Sart-Kalmyks in a foreign ethnic environment. During the expedition of 2021, the authors of the article digitized a significant amount of materials about the Sart-Kalmyks, stored in private collections and funds of museums, archives and libraries of the Issyk-Kul region. The manuscript of the “Kyrgyz-Sart-Kalmyk-Russian Dictionary” by Sanji Nasynbatov, which today is the only lexicographic source of the Sart-Kalmyk language, can be considered unique among the digitized materials. The relevance of this work is dictated by the insufficient study of the Sart-Kalmyks in domestic and world Mongolian studies.*

Keywords: expedition; Sart-Kalmyks of the Issyk-Kul region of Kyrgyzstan; story; number; tribal composition; religion; folklore; language; dictionary; materials

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00537 A «Language, folklore, historical and cultural heritage of Sart-Kalmyks in Kyrgyzstan from the perspective of Russian researchers: historical background and current situation (on basis of archive and field materials)».

Введение

Сарт-калмыки относятся к числу наименее изученных ойратоязычных народов. Вплоть до 1920-х гг. они оставались малоисследованной во всех отношениях и даже загадочной группой населения Киризии. Как отечественная, так и зарубежная историческая наука долгое время не располагала какими-либо данными, которые давали бы более или менее целостное представление о сарт-калмыках.

Исторических документов о сарт-калмыках в настоящее время сохранилось очень мало, в основном они хранятся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан. В материалах настоящего архива описывается процесс переселения калмыков из Синьцзяна в Семиреченскую область, в частности, олётов из зурган сомона (текесских олетов) в Иссык-Кульский уезд, а также создание отдельного аула сарт-калмыков в составе Джетыюгузовской волости¹. В «Обзоре Семиреченской области за 1885 год» опубликована перепись кибиток Семиреченской области, где в Иссык-Кульском уезде отмечены два особых аула: сарт-калмыцкий, состоящий из 241 кибитки (1056 душ) и калмыцкий — 139 кибиток (632 душ) [1, с. 87]. В «Материалах по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранных под руководством П. П. Румянцева» (1916) содержится программа сплошной подворной переписи хозяйства всей Семиреченской области, включая Сарт-калмыцкую волость, в которую входило 366 хозяйств (35 зимовок) [2].

В 1928 году Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока командировало в Каракольский кантон А. Д. Гагарина, Т. И. Меллера и переводчика К. Д. Хаджихунова. Целью их поездки было ознакомление с сарт-калмыками в этно-бытовом и медико-санитарном отношении [3, с. 186–187]. В этом же году у сарт-калмыков с лингвистической экспедицией побывал известный тюрколог, составитель «Киргизско-русского словаря» К. К. Юдахин. Им было выполнено более 20 фотоснимков, отражающих быт, одежду сарт-калмыков с. Бёрю-Баш и г. Каракол² (Рис. 1).

В научный оборот сарт-калмыков ввёл известный монголовед А. В. Бурдуков в 1929 году. Именно благодаря его трудам, российское востоковедение пополнилось новыми данными об истории, этнографии, культуре, языку и фольклору сарт-калмыков. Им было записано «5 былин, эпос “Джангар”, сказание о Зюнггар-хане, автобиографическое повествование былинщика Бакхи Сарпекова, около десятка разных рассказов и сказок, до 120 пословиц и поговорок, до 50 загадок, до 60 песен и благопожеланий», собраны «исторические сведения о каракольских калмыках» и т.д. [4, с. 47].

¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4876. Л. 5; Л. 71 об.

² См. сайт Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН <http://collection.kunstkamera.ru> (accessed 01.11.2021)

В 1933 г. Калмыцкий областной комитет КПСС по просьбе исык-кульских калмыков направил в Киргизию Р. Л. Дедееву и К. Э. Эрендженова для работы в школах с преподаванием калмыцкого языка. К. Э. Эрендженов за время пребывания среди сарт-калмыков, записал их фольклор. Некоторые фольклорные образцы он опубликовал в газете «Улан хальмг» [5].

Начиная с 1960-х гг. возобновились научные экспедиции, командировки отечественных ученых: С. М. Абрамзон (1960), Н. Л. Жуковская (1969), У.-Ж.Ш. Дондуков (1975), Э. Р. Тенишев (1976), Молдобаев (1992) и др., в том числе калмыцких исследователей языка и фольклора: А. Ш. Кичиков (1964), Т. Б. Бадмаева (1979), Б. Б. Оконов (1979), Д. А. Павлов (1982) и др.

В июне 1999 г. венгерский учёный Д. Кара во время двухмесячной экспедиции по Средней Азии, записал в селе Челпек речь и образцы фольклора сарт-калмыков. По результатам экспедиции исследователь опубликовал краткий очерк «Сарт-калмыки — калмыки Исык-Куля» [6]. В очерке описывается быт, этнография, культура и язык сарт-калмыков. Выявлены некоторые фонетические и лексические особенности сарт-калмыцкого языка.

В 2000-е годы сарт-калмыки стали вновь объектом внимания российских и зарубежных исследователей. Были проведены научные экспедиции: Б. В. Меняевым в 2009, 2012, 2015, 2017 гг., Т. Тёрмёнке в 2012 г., Б. З. Нанзатовым, М. М. Содномпиловой в 2013 г., Н. В. Балиновой, В. Н. Хониновым в 2014 г., А. Алимой, Д. Мягмарсуреном и др. в 2017 г. и др.

Экспедиция к сарт-калмыкам. 2021 г.

Сведения, почерпнутые из материалов предыдущих экспедиций, активизировали наши усилия по дальнейшему изучению сарт-калмыков Киргизии. Летом 2021 г. в рамках проекта РФФИ № 20-012-00537 А «Лингвофольклорное и историко-культурное наследие сарт-калмыков Кыргызстана глазами российских ученых: история и современность (по архивным и полевым материалам)» нам представилась возможность побывать в Исык-Кульской области Киргизии, где состоялось личное знакомство с живущими там сарт-калмыками, их повседневной жизнью, бытом и культурой. Они сосредоточены на территории Исык-Кульской области; основная их часть проживает в Ак-Суйском районе в городе Каракол и селах Челпек, Бёрю-Баш, Таш-Кыя и Бурма-Суу (Рис. 2).

В Киргизии сарт-калмыков называют «калмаками», в литературе они также известны как иссык-кульские, или каракольские, калмыки (калмаки), сами себя они называют — *хальмгмс (хальмг)* ‘калмыки’ (ранее они себя называли *өөлд* ‘олёты’ (улан залата *өөлд* ‘олёты с красной кистью’³), *хар хальмг* ‘кара-калмаки’, *хотн хальмг* ‘хотон-калмаки’ [7, с. 98]). У сарт-калмыков есть предположение, название *сарт-калмак* изначально было дано окружающими их тюркоязычными народами в качестве прозвища, которое после закрепилось за ними [8, с. 14]. А. В. Бурдуков пишет, что олётов «сарт-калмыками» первыми назвали и записали в книги русские в 1882 году, когда те отделились от своих сородичей на Хабхаках [4, с. 54]. Этноним сарт-калмыки ‘калмыки-торговцы’ состоит двух слов *сарт* в значении ‘торговец’ + *калмак* ‘кочевые племена, которые не были обращены в ислам’ [6, р. 199].

Вопрос о численности киргизских сарт-калмыков оказался одним из самых сложных и запутанных, так как многие сарт-калмыки в паспорте записывают себя киргизами. По официальным данным за 2009 год в Иссык-Кульской области Киргизии насчитывалось 3801 человек. Однако, по мнению самих сарт-калмыков, их численность достигает от 10000 человек до 20000 человек. Часть сарт-калмыков проживает среди киргизов в Или-Казахской автономной области Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая⁴, но они не имеют никаких контактов с сарт-калмыками Киргизии.

У киргизских сарт-калмыков устойчиво сохраняется традиционное деление на родовые группы и подгруппы (сарт-калм. *ясн* ‘род, племя’ (кирг. — уруу)). *байымбахы* (*байын-бахы*, *баян-баха* ‘богатый Бакха’), *сатылбалды* / *карабаатыр* (*хар баатр* ‘чёрный батыр’), *шонкур* (*шоңхр* ‘сокол, кречет’), *солто*, *кыпчак*, *жедигер*, *манкыш* / *монкуш*, *хөдөн* (*ходон*), *керем* (род, произошедший от Абдай уулу Керем 1824 г.р.), *сарыпалды* (*сарыбалды*), *жарын өркү* ‘шестьдесят семей’, *чирик* (*черек* < калм. *цERG* ‘войн, войско’), *монголдор* ‘монголы’, *таван талх* (‘пять поджаренной муки’),

³ Бурдуков А. В. Калмыки и сарт-калмыки для народов СССР / А. В. Бурдуков // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 165, Оп. 1, ед. хр. 2. Л. 3.

⁴ В 1903 году подполковник генерального штаба Туркестанского военного округа Д. Я. Фёдоров, описывая Илийский край, отмечает, что в составе зурган сомонов олётов, кочующих по берегам р. Текес, имеются сарт-калмыки, исповедующие ислам [Фёдоров 1903, с. 263].

тавн хар ('пять чёрных'), *ошур баатырдан* ('Ошур богатырь'), *шивэ 'сибо'* (в этот род входят *чаганакас* (*цаһанкс* от слова *цаһан* 'белый')) и др. Названия родов произошли от личных имен родоначальников, которые первыми переселились из Синьцзяна в долину реки Каракол. Также нужно отметить, что среди сарт-калмыков имеются названия родов схожие с наименованиями родовых подразделений текесских олётов. К примеру, у сарт-калмыков есть род *куйкун уулу*, а у текесских олётов — *куүкнәнкн*. В некоторых семьях хранятся генеалогические древа их родов. Генеалогические древа составлялись сарт-калмыками, так как каждый род боялся кровосмешения и должен был знать свои семь поколений *долан эчкэ* 'семь отцов'. Из содержания генеалогических древ видно, что среди мусульманско-тюркских имён встречаются и имена ойратского происхождения (*Шууна*, *Шуна* — имя младшего сына ойратского Хунтайджи Цеван Рабдана), *Балчын* (*балчин* 'величественный'), *Хар Хотун* (*хар хотн* 'чёрный хотон (*хотн* этн. 'мусульмане-туркестанцы из разных племен (уйгуры, узбеки и др.)'), *Монко* (*Мөнкө* < *мөңк* 'вечность, вечный') и др.

Сарт-калмыки Киргизии живут в многоязычной среде, поэтому по мере необходимости свободно переходят с одного языка на другой. Из языков окружающих их народов они достаточно хорошо владеют киргизским, казахским, татарским, уйгурским, узбекским и русским. В экспедиционных материалах 1920-е гг. (А. Гагарин и Т. Меллер (1928), А. В. Бурдукова (1929)) было отмечено, что уже в то время калмыцкий язык у сарт-калмыков преимущественно употреблялся в семье. В настоящее время сарт-калмыцкий язык относится к числу исчезающих монгольских языков, носителей практически не осталось⁵, а на речь тех, кто немного помнит язык, большое влияние оказывает доминирующий киргизский» [9, с. 60]. Последнее поколение сарт-калмыков, которое владеет родным языком это люди, рожденные в 1950-е гг.

Язык сарт-калмыков, в целом, совпадает с языком ойратских народов (калмыки России, ойраты Монголии и Китая), особенно с языком текесских олётов (так как они являются самыми ближайшими их сородичами), хотя

⁵ Последнее поколение сарт-калмыков, которое владеет родным языком — это люди, рожденные в 1957 году.

его фонетике, грамматики, лексике речи присуще некоторое своеобразие. Так, ярким фонетическим отличием от речи текесских олёт и других ойратских народов является чаканье, когда вместо фонемы «ц» слышится звук «ч». К примеру, сарт-калм. *чаг* ‘время’ — олёт. *цаг* ‘время’, сарт-калм. *ча* ‘время’ — олёт. *цэ* ‘чай’, сарт-калм. *чевр* ‘чистый’ — олёт. *цевр* ‘чистый’, сарт-калм. *чаһан* ‘белый’ — олёт. *цаһан* ‘белый’ и др. Такое же чаканье наблюдается в речи торгутов, проживающих в местности Хар Зо (букв. Чёрный хребет) уезда Текес Или-Казахской автономной области Синьцзяна, торгутов-цаатанов Баянгол-Монгольской автономной области Синьцзяна и Лаганского района Калмыкии [ПМА]. Современный сарт-калмыцкий язык это смешанный язык «калмыцко-киргизский», который возник в результате территориального и культурного контакта сарт-калмыков с киргизами. Приведем несколько примеров: сарт-калм. *бурудча келх* ‘говорить на киргизском языке’ — кирг. *кыргызча сүйлөп* ‘говорить на киргизском языке’ — калм. *бурудар келх* ‘говорить на киргизском языке’; сарт-калм. *азр йовнав* ‘сейчас пойду’ — кирг. *азр барам* ‘сейчас пойду’ — калм. *ода йовнав* ‘сейчас пойду’; сарт-калм *хонг ирвэ* ‘приехал гость’ — кирг. *конок келди* ‘приехал гость’ — олёт., калм. *гиич ирвэ* ‘приехал гость’ и др. Выявленные нами некоторые особенности сарт-калмыцкого языка не удивительны, так как носители его на протяжении более ста двадцати лет живут изолированно от ойратоязычных народов и не имеют никакого общения с сородичами, текесскими олётами Китая. В ходе нашей экспедиции собран значительный лексический материал: топонимы: *Дулан нур* ‘Иссык-Куль’ (букв. ‘Тёплое озеро’), *Хар хол* ‘Каракол’, *Киисэн бөөрг* ‘сопка Кисы’ (на правой стороне за речкой Чельпек), *Ачи булг* ‘родник Ачи’ (за сопкой Кис), *Хөөткин зо* (за сопкой Кисы), *Чонхр* ‘сокол, кречет’ (за сопкой Кисы), *Нойна дава* ‘Перевал нойона’ (в верховье реки Челпек), *Чон ташин дава* ‘перевал большого камня’, *Актан зо* ‘Хребет Акты’ и др.; антропонимы: *Бат-Насн*, *Нүүдлчү*, *Джимбэ*, *Чимид*, *Очир-Бат*, *Төр-Бат*, *Өлжөбат*, *Мөңкэ*, *Мөңк-Насн*, *Бөк-Төмр*, *Зуслң*, *Сэн-Байр*, *Насн-Бат*, *Бор Маңна*, *Хар Баатр* и др.; термины родства: *ээжи* ‘бабушка’, *аавы* ‘дедушка’, *эдэ* ‘отец, дедушка’, *төрүлмүс* ‘родственники’, *наһцмыс* ‘родственники по материнской линии’, *хадм эчке* ‘свёкор’, *зее* ‘племянник по женской линии’, *күргүн*

көвүн ‘зять’ и др.; наименования домашних животных: *үкүр* ‘корова’, *чар* ‘вол’, *элжгн* ‘осёл’, *бүрү* ‘телка’, *мөрүн* ‘лошадь’, *гүн* ‘кобылица’, *ажрһы* ‘жеребец’, *унһун* ‘жеребенок’, *дааһын* ‘жеребенок-двухлетка’, *жора* ‘иноходец’, *темән* ‘верблюд’, *хөн* ‘овца’, *хучы* ‘баран’, *теке* ‘козел’ и др.; наименования, связанные со скотоводческой лексикой: *терген* ‘телега’, *эмал* ‘седло’, *дөрә* ‘стремя’, *туша* ‘путы’, *жзола* ‘поводья’, *майа* ‘кнут’, *тахы* ‘подкова’ и др.; наименования, относящиеся к растительному миру: *өвсүн* ‘трава, сено’, *харһа* ‘сосна’, *нэатг* ‘молодая ель’, *эрвә* ‘ячмень’, *бурһсун* ‘ива’, *айм* ‘яблоня’ и др., наименования жилища, его частей, хозяйственно-бытовых строений и утвари: *бор гер* ‘юрта’, *терзе* ‘окна’, *үүдүн* ‘дверь’, *хөөмр* ‘почётное место для гостей’, *шаазң*, *ааһ* ‘пиала’ др.; наименования пищевых продуктов и готовых блюд: *чә* ‘чай’, *зөөкә* ‘сметана’, *махын* ‘мясо’, *боорсыг* ‘хлеб’ и др. (Рис. 3).

Для познания сарт-калмыцкого языка в целом нами были привлечены фольклорные тексты. Из традиционного их фольклора в экспедиции 2021 года нами были записаны топонимические предания о местности (*Хальмгин зо* ‘Калмыцкий хребет’ (между Чельпеком и Караколом), *Челтек* (от слова сарт-калм. *челвг* ‘жареная на масле круглая и плоская лепешка’), *Хальмг арг* (*Калмак арык*) ‘оросительная система построенная ойратами в XVII–XVIII вв.’), *Тамга* (от калм. *тамһ* ‘клеймо, печать, знак’), *Сары камыш* (*Шар Хулсн* букв. ‘Жёлтый камыш’ и др.), значительное число *төв үг* (букв. ‘меткое слово’) ‘пословиц и поговорок’ (о труде, дружбе, родственных отношениях, воспитании, праздности, глупости, невежестве и др.), *йөрәл* ‘благопожеланий’ (благопожелания гостям), *дуд* ‘песен’ («*Мөңгн тахта жора бор*» (‘Серый иноходец с серебряной подковой’), («*Тавр-тувр тавн хасг*» (‘Пять казахов’), «*Бумбржсан*» (‘Бумбуржан’), *би* ‘танцы’ («Сэврдң» (‘Саврдинг’), «Шивә Сэврдң» (‘Сибинский саврдинг’), «Жора хар» (‘Черный иноходец’), «Доһлң шаазһа» (‘Хромая сорока’), «Чичрә би» (‘Тряска’) и др.). В настоящее время в связи с утратой сарт-калмыцкого языка все записанные фольклорные образцы являются бесценными источниками для изучения языка, фольклора и культуры сарт-калмыков. Ниже приведем несколько сарт-калмыцких пословиц, записанных нами в экспедиции.

<i>Сар хотахна⁶ — саван белд, Нар хотахна — түләһән белд</i>	Когда вокруг луны гало — готовь ёмкость (для сбора дождевой воды), Когда вокруг солнца гало — готовь топливо (наступление холодов)
<i>Һунндан орлго Һучндан орна</i>	Если третьего не выпадут [осадки], То тридцатого выпадут.
<i>Ууяад-ууяад күм болна, Маяад-маяад мал болна</i>	[Ребёнок] плача-плача, становится человеком, [Молод- няк] бляя-бляя, скотиной становится.
<i>Малын чоохр — һазад, Күмнә чоохр — дотрвийд</i>	Пестрота скота — снаружи, Пестрота человека — внутри.
<i>Элжсгн мал биш Хотн күн биш</i>	Осёл не скотина, Хотон не человек ⁷ .

Потерю языка сарт-калмыки понимают, но не в силах что-либо изменить, так как у них нет школ с обучением родного языка, учебных пособий, программ, печатных изданий и др. Следует отметить, что сарт-калмыки для сохранения родного языка часто приглашали учителей калмыцкого языка из Калмыкии (в 1930–1940-е гг. — Р. Л. Дедеева, К. Э. Эрендженов, Курбанов; в 1980–90-е гг. — В. С. Нимгирова, В. О. Бамбышева и др.). Сарт-калмыки не имеют своей письменности. А. В. Бурдуковым отмечено, что сарт-калмыки при переходе на русскую сторону во второй половине XIX века пользовались вертикальным ойратским письмом «тодо бичиг» ('ясное письмо'), позже перешли на арабский и русские алфавиты [Бурдуков, 1935, с. 71; с. 73]. Копия письма на калмыцком языке русскими буквами опубликована в газете «Улан хальмг».

В ходе экспедиции в частных коллекциях нами обнаружены и оцифрованы фотодокументы, письма, генеалогическое древо сарт-калмыков и др.: в доме Мелиса Исламова (1941 г.р.) — фото А. В. Бурдукова, письма учёных Т. А. Бурдуковой, Н. Л. Жуковской, генеалогическое древо родов ошур, керем, личные документы Ташбая Исламова, который учился в 1929–1932 гг. на курсах нацменов Советского Востока при Институте им. Герцена), в доме Санджи Насынбатова — фото Султана Насынбатова (1925–2003), составителя «Киргизско-сарт-калмыцко-русского словаря»; в доме краеведа Бектура Мансурова — устав ООО сарткалмыков «Бурут халмик» (с. Чельпек, 2001), письмо послу России в Кыргызской республике господину В. С. Власову

⁶ У текесских олётгов вместо глагола *хотах* «гнуться» применяется глагол *хотлх* «окружать».

от 13.08.2007 № 465–1/16, видео с интервью Б. Н. Мансурова (2007), книги о сарт-калмыках на киргизском языке: Ш. Эгембердиев «Мушла Чоң энемдин санжырасы» («Родословная бабушки Мушла») (2006), Ш. Осмонов «Азан» (1996), Б. Мансуров «Инсандар дөөлөтү» («Выходцы сёл Таш-Кыя, Челпек, Бурма-Суу») (2004), газета «Чельпек» («Сарт калмактын тарыхы» «История сарт-калмаков») (1997) и др.

Уникальным из оцифрованных материалов можно считать рукопись «Киргизско-сарт-калмыцко-русского словаря», составленная С. С. Насынбатывым в 1990-е годы. Это единственный рукописный источник сарт-калмыков на родном языке. О составлении словаря упоминает Д. Кара (1991): «старый калмык, свободно говоривший на родном языке, начал составлять «Калмыцко-киргизский словарь» на своем местном диалекте» [Кара, 2012, р. 201]. Рукопись словаря зафиксирована на кириллице, представлена в виде листов А4. Листы расчерчены пополам, на каждой половине имеются слова на киргизском, сарт-калмыцком и русском языках. Сарт-калмыцкие слова представлены с учётом их произношения и сохранением неясных гласных как в ойратской письменности «тодо бичиг» (1648). К примеру, кирг. *адам* — сарт-калм. *күмүн* — рус. человек, кирг. *абышка* — сарт-калм. *көкишүн* — рус. старик, кирг. *адал* — сарт-калм. *чебир* — рус. чистый, кирг. *адам* — сарт-калм. *күмүн* — рус. человек, кирг. *кубанычтуу күн* — сарт-калм. *байрылта өдүр* — рус. радостный день, кирг. *кыргыз, кыргыздар* — сарт-калм. *бурут, бурутмус* — рус. киргиз, киргизы, кирг. *ашкана* — сарт-калм. *хот уудук гер* — рус. столовая, кухня и др. Рукопись словаря была передана сыном Султана Насынбатыва Санджи участникам экспедиции (Рис. 4).

В ходе экспедиции выяснилось, что в Джети-Огузском районе Иссык-Кульской области Киргизии сохранились материальные памятники джунгарского периода, имеющие непосредственное отношение к предкам сарт-калмыков. Возникла необходимость выехать в Джети-Огузский район (с. Тамга) для исследования данных объектов. Это камни-валуны с буддийской молитвенной формулой на тибетском языке «Ом мани падме хум» («Ом, ты сокровище на лотосе!»). Камни находятся в ущельях Тамга (калм. *тамһ* «клеймо, тавро, печать», кирг. «клеймо, тавро, знак, буква») и *Заука / Жукуу* (калм. *зуух* «яма, глинобитный очаг», кирг. *жуука* «теснина, тесное ущелье»).

Иллюстрации к статье Башенковой А.А. Интерактивная карта и общая база данных древних портов и якорных стоянок побережья Сирийской Арабской Республики

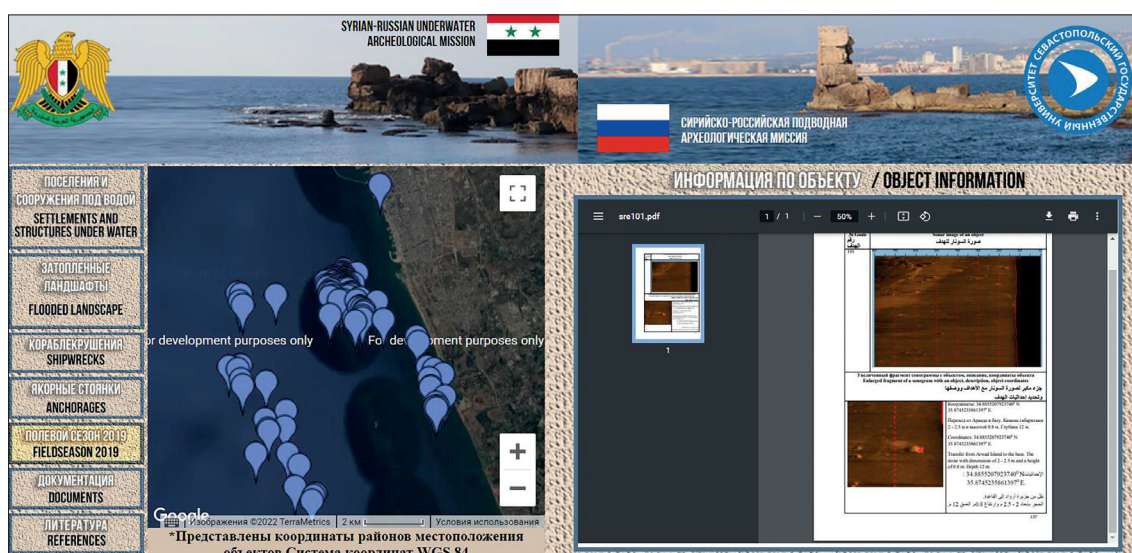

Рис.1. Интерфейс сайта, раздел «Полевой сезон 2019» <https://syrusuwe.com/>

Fig.1. Site interface , part «Field season 2019» <https://syrusuwe.com/>

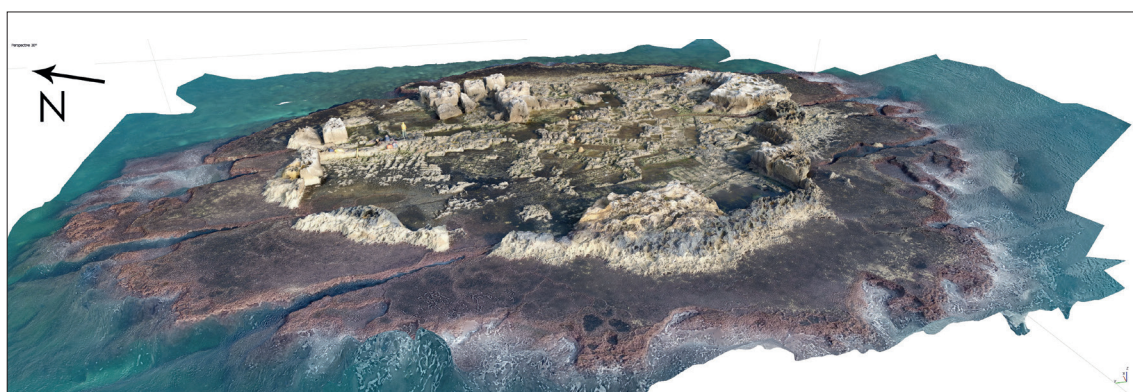

Рис.2. Снимок 3D модели острова Макруд. (автор: Башенкова А.А.)

Fig.2. Shot of 3D model of Makrud island. (author: Bashenkova A.A.)

Рис.3. Ортофото план острова Макруд (автор: Башенкова А.А.)
Fig.3. Ortho-photo plan of Makrud island (author: Bashenkova A.A.)

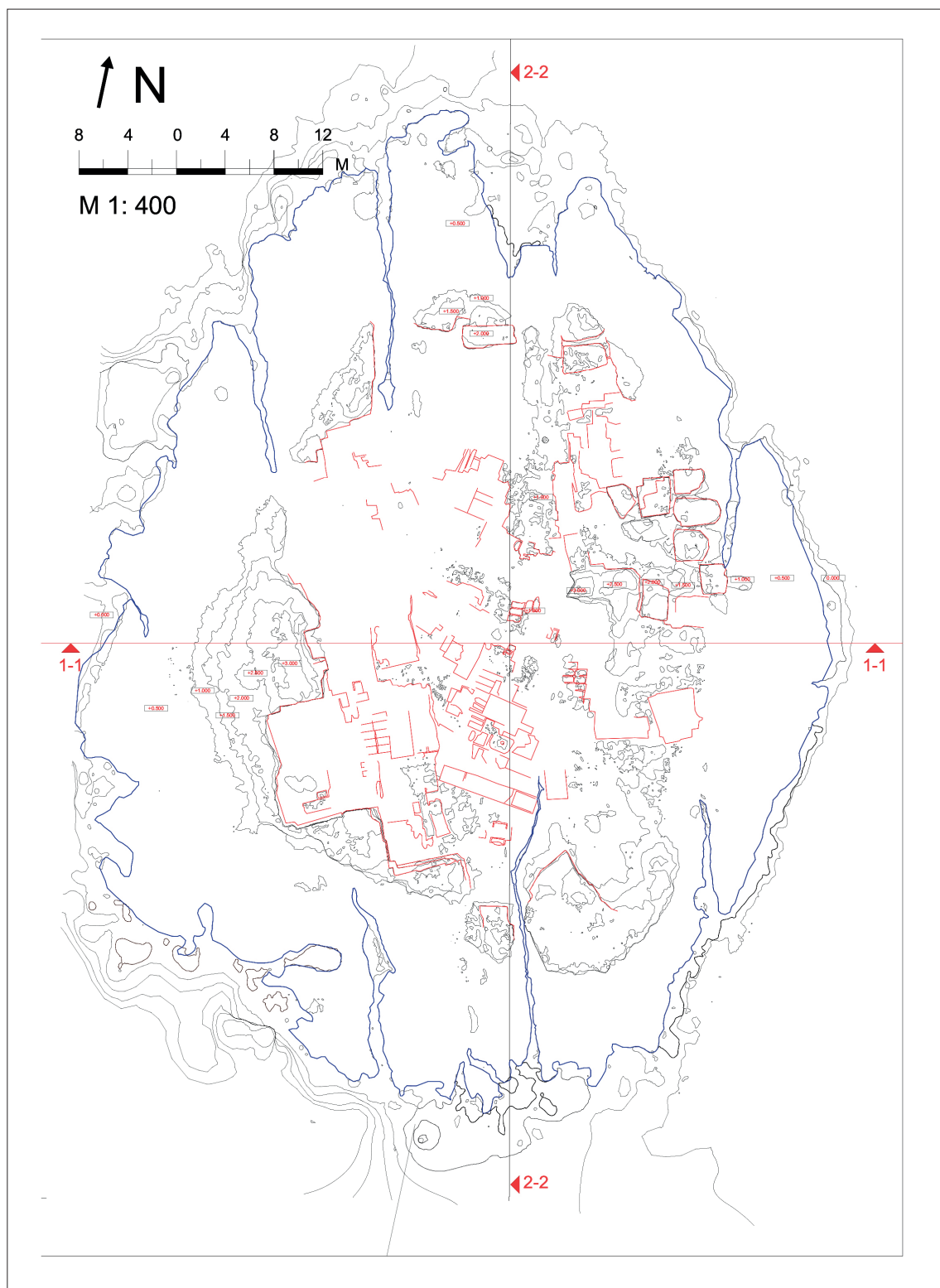

Рис.4. Чертеж-план острова Макруд (автор: Башенкова А.А.)

Fig.4. Blueprint of Makrud island. (author: Bashenkova A.A.)

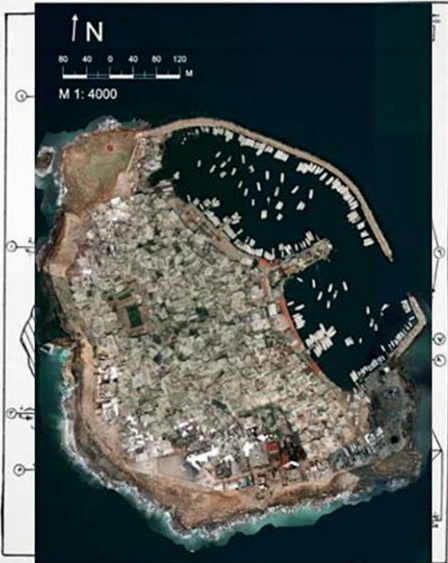
Номер объекта на карте Item number on the map	12	Изображение объекта морской инфраструктуры The image of the object of Maritime infrastructure
	Описание изображения объекта/ Description of the object image Стр. 75 План острова Арвад (рис 4-5); 16 – остатки причала (пирса), 19 – фундаменты под водой, 15 – остатки причала (пирса), 18 – строения под водой у острова Дочь Арвада, 17 – остатки пирса.	
	* Port-structure remains still visible in 2018 * Persistence of ancient port, if a modern port/wharf/landing beach still exists within a radius of 1500 m of the ancient place * Breakwater, sometimes also called mole	
	* Quay (masonry with berthing on one side), pier or jetty (masonry with berthing on two sides), and landing stage (jetty on piles)	
	* Coastal quarry, mine (minerals, metals)	
	Древнее название/ Ancient name Современное название/ Modern name	
Страна нахождения объекта/ Country where the object is located		Сирия/Syria
Координаты места нахождения объекта/ Coordinates of the location of the object		N 34,858745° E 35,861896°
Периодизация/ Periodization		Финикийское / Пуническое поселение (ca. 3000-64 BC) Phoenician / Punic settlement
Древние исследователи, авторы, упоминающие объект/ Ancient researchers, authors who mention the object		Tiglath-Pileser, Broken obelisk, Col VI ; Assur-Nasir-Pal, Annals, Col III ; Esarhaddon's Annals ; Amarna Letters, 101 & 105 & 149 ; Scylax, Peripl ; Strabo, Geogr, 16, 2 ; Stadiasmus, 128
Современные исследователи, авторы, упоминающие объект/ Modern researchers, authors who mention the object		Dussaud, Carayon, Lehmann, Pauly, Markoe, Sauvage, Heijazi H.
Ссылки на документы, упоминающие объект/ Links to documents that mention the object		Pfaelzner (2012) Flemming (1980) Nicolas Carayon. Les ports phéniciens et puniques.
Интернет-ресурсы / WEB sites		https://en.wikipedia.org/wiki/Amarna_letters http://pleiades.stoa.org/places/668197 http://dare.ht.lu.se/places/21568 https://topostext.org/place/349359PAra

Рис.5. Карточка объекта с сайта. <https://syrusuwe.com/>Fig.5. The card of the object from the site. <https://syrusuwe.com/>

Иллюстрации к статье Башиер Нижуд Хассан Хафиры древнего и современного Судана

Рис. 1. Хафир находится между поселениями Абу Эртейла, где сейчас ведет раскопки российско-итальянская археологическая экспедиция, и Хор Аулиб (территория раскопок польских археологов), вдоль течения Вади эль-Хавад, на восточной стороне Нила. (Фото: 2020)

Fig. 1. Hafir is located between the settlements of Abu Erteila, where the Russian archaeological expedition is currently excavating, and Khor Aulib (excavation area of Polish archaeologists), along the Wadi el-Hawad, on the east side of the Nile. (Photo: 2020)

Рис. 2. Хафир находится в поселениях Абу Эртейла. Фотография сделана дроном. (Фото: 2020)

Fig 2. Hafir is located in the Abu Erteila settlements. Photo taken by drone. (Photo: 2020).

Рис.3. Хафир изображен сверху с дрона, а рядом виден жилой поселок. (Фото: 2020)

Fig. 3. Hafir is pictured from above with a drone, and the residential village is visible near it. (Photo: 2020)

Рис. 4. Хафир в Мусаварат эс-Суфра. (Фото автора. 2012).

Fig.4. Hafir in Musavarat es-Sufra. (Photo by the author. 2012).

Рис. 5. Остатки древнего хафира в Нага. (Фото автора. 2012).

Fig.5. Remains of an ancient Hafir in Naga. (Photo by the author. 2012).

Рис. 6. Остатки древнего хафира в Нага. (Фото автора. 2012).

Fig.6. Remains of an ancient Hafir in Naga. (Photo by the author. 2012).

Иллюстрации к статье Башиер Нижуд Хассан Древние
и современные традиции гончарства в Республике Судан
(традиции и инновации)

Рис. 1. Гончар Айша из деревни Салмаб.
(Фото автора. 2020).

Fig. 1. Potter Aisha from the village of
Salmab. (Photo by the author. 2020).

Рис. 2. В руке инструмент из коровьей кости для обработки глиняной поверхности. (Фото автора. 2020).

Fig. 2. In the hand is a tool made of
cow bone for processing a clay surface.
(Photo by the author. 2020).

Рис. 3. Процесс обжига. (Фото автора. 2020).

Fig. 3. Firing process. (Photo by the author. 2020).

Рис. 4. Гончар Эльхади с его сыном из района Западного Абу Эртейлы. В руке сына инструмент из коровьей кости для обработки глиняной поверхности. (Фото автора. 2020).

Fig. 4. Potter Elhadi with his son from the West Abu Ertela region. In the son's hand, a cow bone tool for processing a clay surface. (Photo by the author. 2020).

Рис. 5. Гончар Абдурахман из Омдурмана с гончарным кругом, который он вращает ногами. (Фото автора. 2020).

Fig. 5. Potter Abdurakhman from Omdurman with a potter's wheel, which he rotates with his feet. (Photo by the author. 2020).

Рис. 6. Печь для обжига гончарных изделий. В качестве топлива используют дрова. (Фото автора. 2020).

Fig.6. Furnace for firing pottery. Wood is used as fuel. (Photo by the author. 2020).

**Иллюстрации к статье Борлыковой Б.Х., Меняева Б.В.,
Басановой Т.В. О научной экспедиции к сарт-калмыкам**

Рис. 1. Сарт-калмыки: групповой портрет мужчин, женщин и детей. Киргизская АССР. 1928. Собиратель К.К. Юдахин

Fig. 1. Sart-Kalmyks: a group portrait of men, women and children. Kirghiz ASSR. 1928. Collector K.K. Yudakhin

Рис. 2. Встреча с семьёй Бейшебая Ахметова. с. Берю-Баш, июль 2021 г.

Fig. 2. Meeting with the family of Beishebay Akhmetov. Village Beryu-Bash, July 2021.

Рис. 3. Токтобек Джолдошев с внуком, 1938 г.р., с.Таш-Кыя, июль 2021 г.

Fig. 3. Toktobek Djoldoshev with his grandson, born in 1938, Tash-Kiya village, July 2021

Рис. 4. Камень с текстом мантры «Ом мани падме хум». с. Тамга, июль 2021.
Fig. 4. Stone with the text of the mantra «Om mani padme hum». Tamga village, July 2021.

Иллюстрации к статье Вергазова Р.Р.

Открытие археологической живописи в Эребуни.

Хронология, изучение и атрибуция

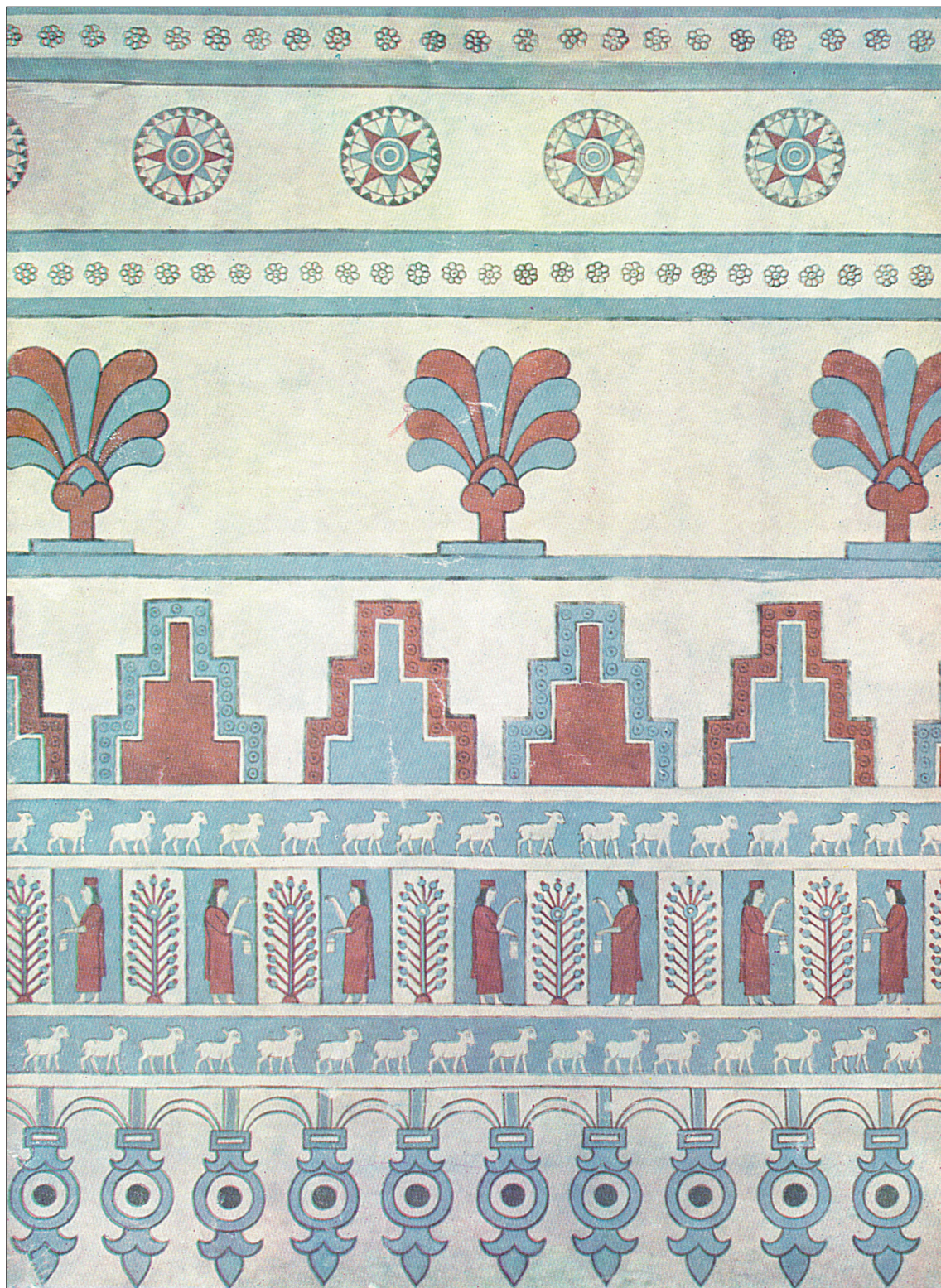

Рис. 1. Реконструкция многоярусной росписи из храма Халди в Эребуни. Источник: [5, табл. 45]

Fig. 1. The reconstruction of multi-tiered wall painting from the Haldi temple at Erebuni. After: [5, tabl. 45]

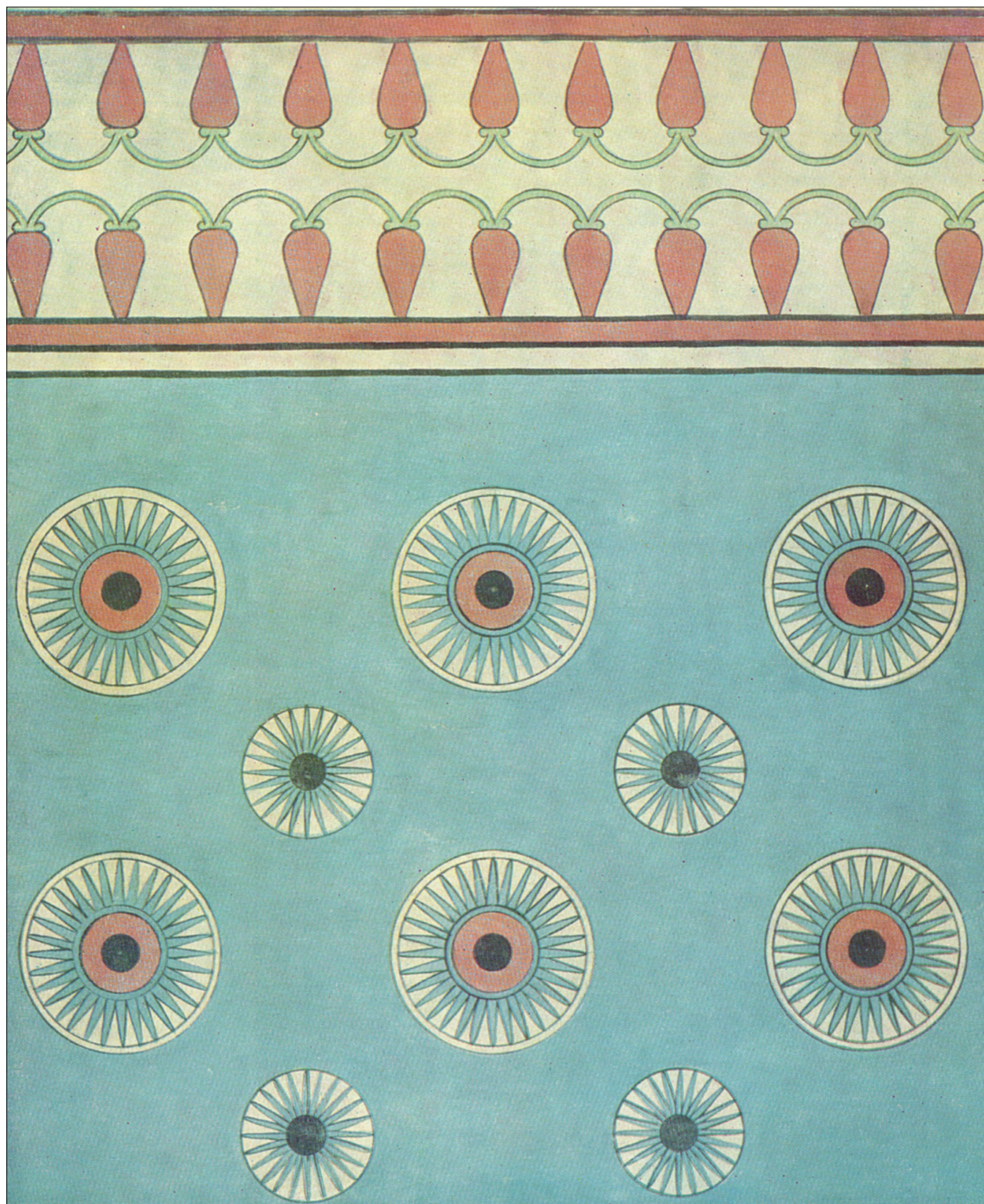

Рис. 2. Реконструкция декоративной росписи с многолучевыми звездами и гирляндой бутонов из храма Халди в Эребуни. Источник: [5, табл. 47]

Fig. 2. The reconstruction of decorative wall painting with multibeam stars and a garland of buds from the Haldi temple at Erebuni. After: [5, tabl. 47]

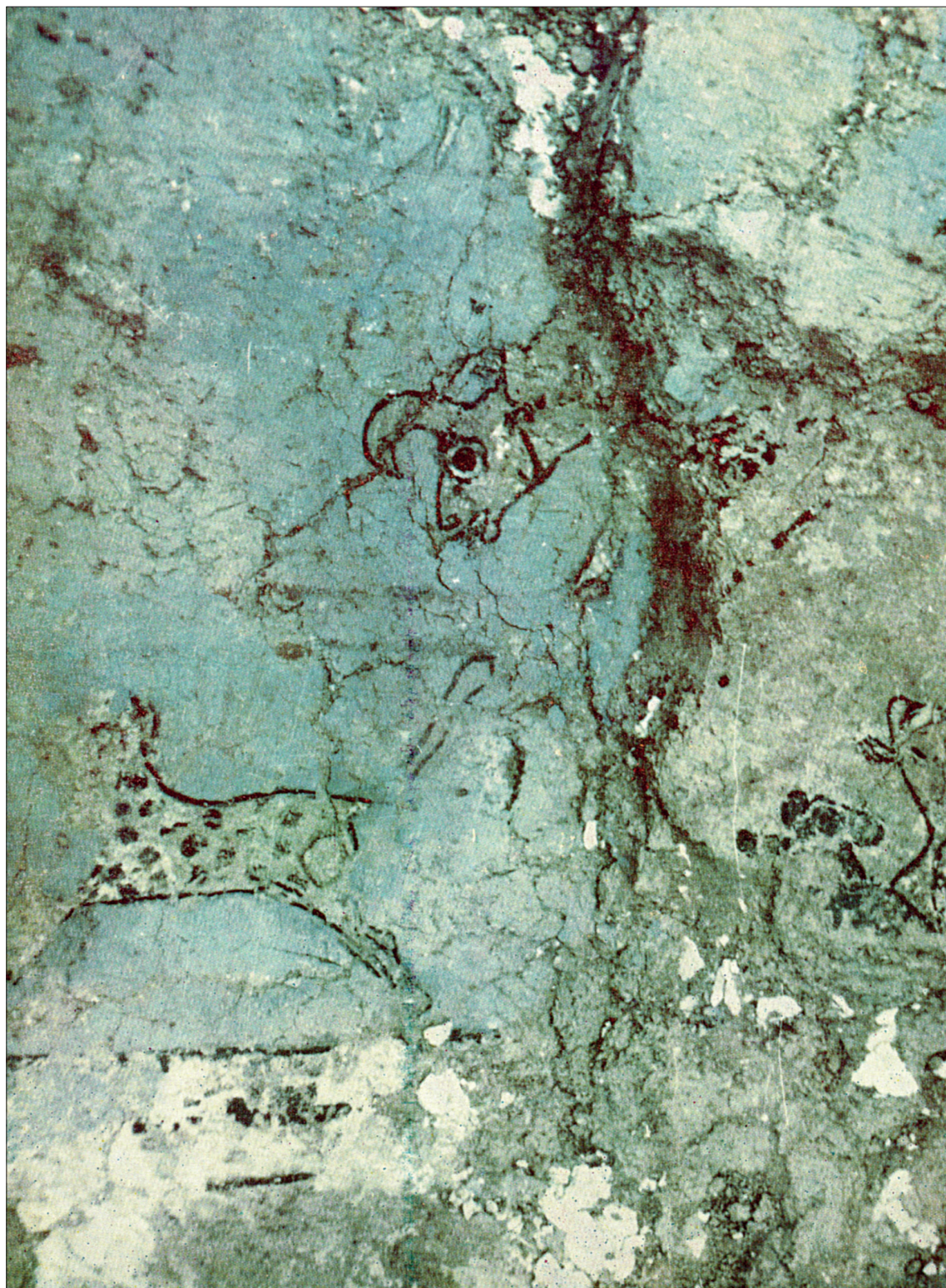

Рис. 3. Многослойный завал из группы «светских росписей» с изображением животных из «помещения № 15» в Эребуни. Источник: [5, табл. 31]

Fig. 3. The multi-layer blockage with the group of “secular wall paintings” with the image of animals from “room No. 15” at Erebuni. After: [5, tabl. 31]

Иллюстрации к статье Виноградовой Н.М., Бобомуллоева С., Бобомуллоева Б., Ломбардо Дж. Исследования могильника Фархор — памятника эпохи ранней и средней бронзы на юге Таджикистана осенью 2021 года

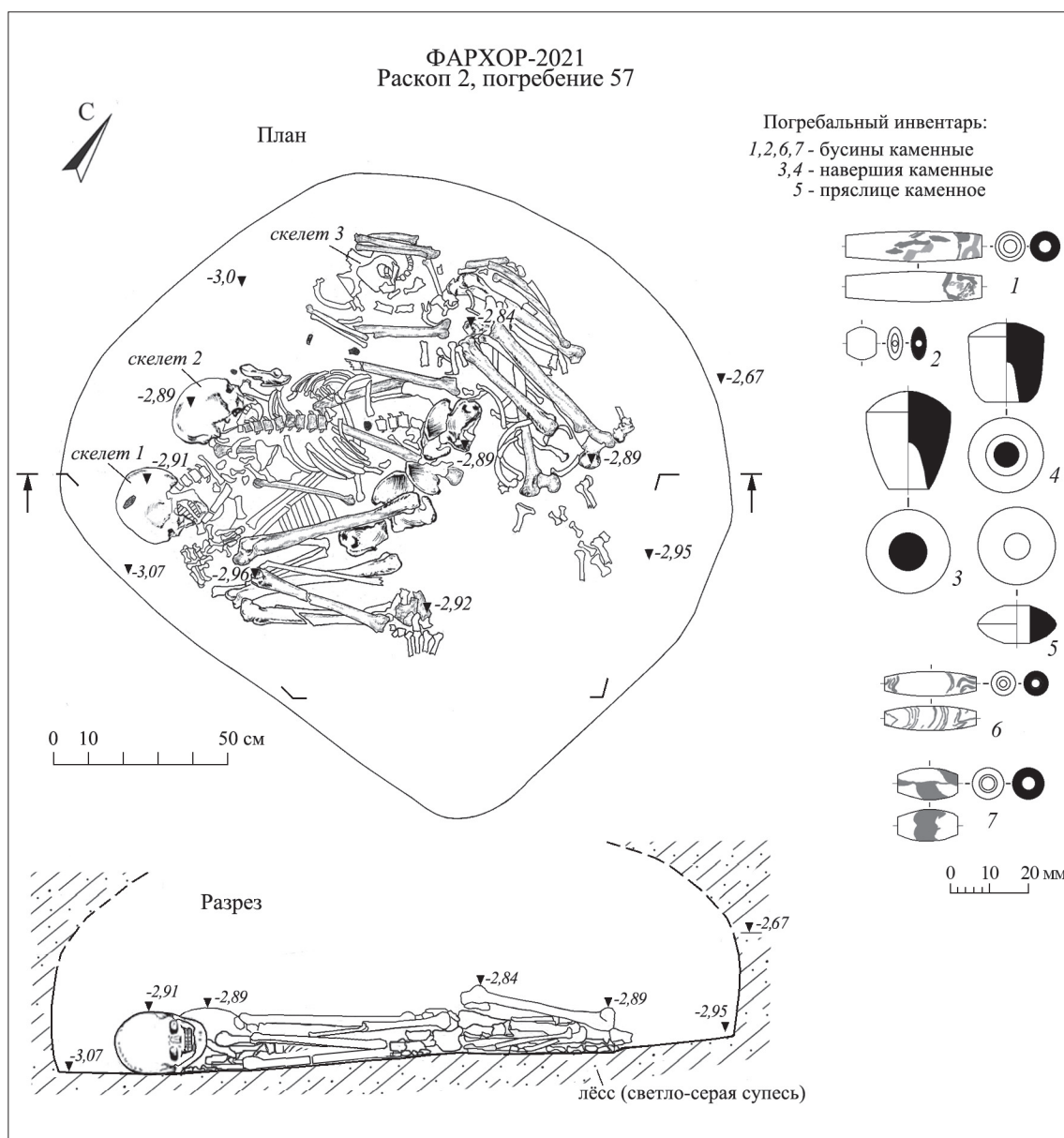

Рис. 1 – Могильник Фархор, раскоп 2, погребение 57

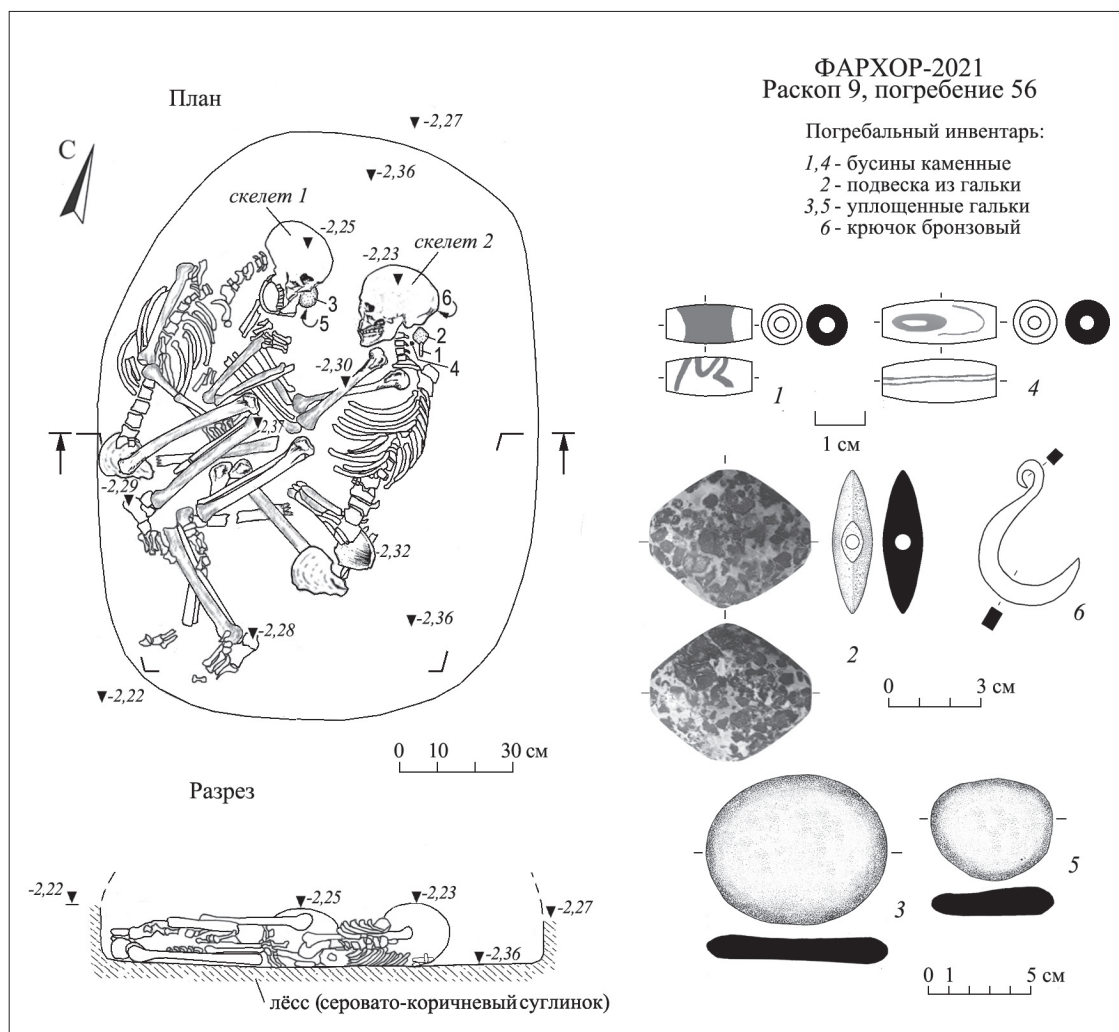

Рис. 2 - Могильник Фархор, раскоп 9, погребение 56

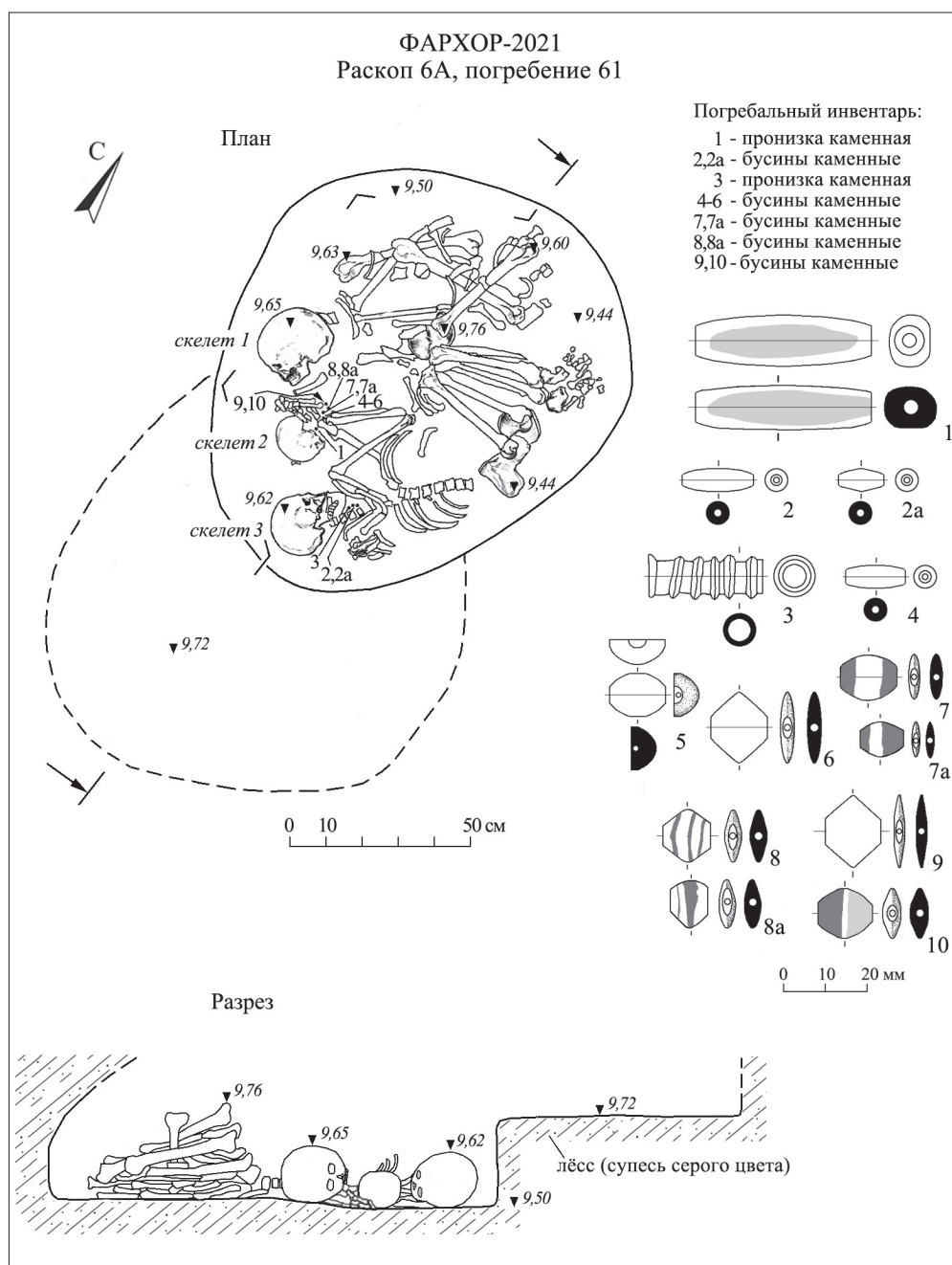

Рис. 3 - Могильник Фархор, раскоп 6А, погребение 61

Иллюстрации к статье Мингью Гао Полевые исследования в Шанхае (по следам русской рекламы)

Рис. 1 Шанхай. Интервью. 13 декабря 2021 с Михаилом Дроздовым. Фото автора

Fig. 1 Shanghai. Interview. December 13, 2021 with Mikhail Drozdov.
Photo by author

Рис. 2 Шанхай. Свято-Николаевский Храм-Памятник. Фото автора

Fig. 2 Shanghai. St. Nicholas Church. Photo by author

Рис 3. Шанхай. Здание бывшего Русско-Азиатского банка. Фото автора

Fig. 3 Shanghai. The building of the former Russian-Asian Bank. Photo by author

Иллюстрации к статье Закарияева З.Ш.

Арабская эпиграфика дагестанского селения Ухул

Рис. 1. Надпись 1811-12 г. о строительстве дома. Фото автора.

Fig. 1. The inscription of 1811-12 about the building of a house

Рис. 2. Строительно-актовая надпись о ремонте мечети в 1852-53 г. Фото автора.

Fig. 2. The construction and act inscription on the repair of the mosque in 1852-53.

Рис. 3. Надпись о ремонте мечети в 1919-20 г. Фото автора.

Fig. 3. Mosque repair inscription in 1919-20

Рис. 4. Надпись о ремонте моста в 1854-55 г. Фото автора.

Fig. 4. Bridge renovation inscription in 1854-55

Рис. 5. Надпись о ремонте моста в 1901 г. Фото автора.

Fig. 5. Bridge renovation inscription in 1901

Оба ущелья отмечены на Карте Джунгарского государства 1738 г.», они находились на трассе древнего караванного пути в Кашгарию. Выбитые на больших валунах тибетские надписи в 1964 году были изучены известными российскими тибетологами А. Н. Зелинским и Б. И. Кузнецовым по рекомендации профессора Ю. Н. Рериха. Топонимическое предание о местности Тамга было записано от краеведа и геолога Н. И. Лубенцова.

Сарт-калмыки в Семиреченской области (ныне в Иссык-Кульской области Киргизии) появились 1860-е годы в результате бурных политических событий в Синьцзяне, войны между мусульманами и китайцами. В разных источниках встречаются утверждения о том, что сарт-калмыки живут в долине реки Каракол более ста шестидесяти лет. В письме Ороза Курбанкулова, опубликованном в газете «Улан хальмг», написано, что калмыки переселились в Каракол в 1860 году в результате войны между мусульманами и китайцами.

Результаты наших исследований, которые основывались на автобиографии Бакхи Сарпекова (1872 г.р.), а также на воспоминаниях Султана Насынбатова (1925 г.р.) и Бейшебая Ахметова (1941 г.р.), показали, что предки сарт-калмыков олёты переселялись из Синьцзяна в долину реки Каракол в разные годы 1863, 1876, 1884, 1894 годы. Первые олёты (*хотон-калмыки*) будучи мусульманами, переселились со стороны Урумчи, их потомки ныне проживают в селе Бёрю-Баш (кирг. 'Волчья голова'). Остальные три группы олетов (кара-калмыки), исповедовавшие буддизм, переселились позже с долины реки Текес.

В настоящее время все сарт-калмыки исповедуют ислам суннитского толка, соблюдают исламские традиции и обряды, связанные с жизненным циклом (рождение, свадьба, похороны и др.). По воспоминаниям стариков их предки исповедовали буддизм. До построения мечети в селе Челпек в 1889 г., они молились на возвышенности Хальмгин зо 'Калмыцкий хребет'. В сарт-калмыцком языке до сих пор обнаруживаются слова, относящиеся к буддийской лексике. К примеру, слово *мачг* (калм. *maɟ*) 'буддийский пост' используются в сарт-калмыцкой речи по отношению к мусульманскому посту «ураза». Первые кара-калмыки, прибывшие в Каракольский кантон, поначалу отличались похоронным обрядом. Они тела покойников

кремировали (сжигали трупы на масле), а иногда оставляли в открытом месте, где их поедали дикие звери и хищные птицы. Это было знаком, что человек был безгрешен.

Заключение

В городе Каракол участники экспедиции провели встречи с представителями сарт-калмыцкой интеллигенции: заслуженный деятель культуры Киргизии, преподаватель «вокального искусства» Д. А. Ильязов (записаны сарт-калмыцкие народные песни в сопровождении фортепьяно «Бог-шурһа» («Воробей»), «Бахтаяла баячудын көвүд-күүкд» («Счастливые дети богачей»), «Шаглыр-шаглыр моднднь» («На раскидистом дереве»), протяжная песня «Эн холд часын орва...» («На этой реке пошёл снег...»)), преподаватель русского языка и литературы, автор книги «Род Сусө и его потомки (Иссык-Кульские калмыки)» (2016) Н. А. Мочоева, преподаватель кафедры русского языка и литературы Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова А. Э. Жабаров, директор средней школы пос. Черик Бюри-Башской айыльной управы Ш. Э. Куланбаев.

В рамках экспедиции исследованы фонды Историко-краеведческого музея города Каракол, Иссык-Кульской областной библиотеки им. Т. Сыдыкбекова, Иссык-Кульского областного библиотечного центра для детей и юношества им. К. Эсенкожоева, Иссык-Кульского областного государственного архива (Коллекция документов по истории г. Пржевальск (Каракол), Коллекция документов по истории Иссык-Кульской области, Численность населения, промышленность, образование, культура, здравоохранение г. Пржевальск и др.), Музея Н.М Пржевальского. Оцифрованы книги, периодические издания, архивные материалы об Иссык-Кульской области, г. Каракол, статистические данные о сарт-калмыках.

Экспедиционные материалы (2021) участниками проекта расшифрованы, систематизированы и классифицированы. Составлен банк данных знатоков фольклора исследованной нами отдельной локальной территории. Каждый записанный текст «паспортизован». Наиболее яркие образцы фольклора вошли в базу данных электронного каталога «Историко-культурное наследие сарт-калмыков Кыргызстана».

Литература

1. Ведомость о результате переписи кибиток Семиреченской области в 1885 год // Обзор Семиреченской области за 1885 год. Верный: Тип. Семиреч. обл. правления. С. 86–87.
2. Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева / Переселенч. упр. Г.У.З. и З. Том 8, Пржевальский уезд: Киргиз. хоз-во, 1. Таблицы. Санкт-Петербург, 1916. 603 с.
3. Гагарин А. Д., Меллер Т. И. Сарт-калмаки // Северная Азия. 1928. № 5–6. С. 186–188.
4. Бурдуков А. В. Каракольские калмыки (сарт-калмаки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–79.
5. Эрендженов К. Сарт-хальмгин фольклор // Улан хальмг. 1936. 26 января.
6. Kara D. Sart-Kalmyk — Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan) // Oirad and Kalmyk Linguistic Essays. Budapest: ELTE Eötvös Kiadó, 2012. Pp. 197–210.
7. Молдобаев И. Б. Калмаки (Сарт-Калмаки) // Этнос и его подразделения. Москва: Институт этнологии и антропологии, 1992. Ч. 1. С. 95–105.
8. Мочоева Н. А. Род сүсө и его потомки (Иссык-Кульские калмыки). Бишкек: Калем, 2016. 94 с.
9. Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В. О некоторых фонетических особенностях сарт-калмыцкого языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 58–66.

Информация об авторах

Борлыкова Босха Халгаевна — научный сотрудник Научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия; <https://orcid.org/0000-0001-9264-3430>, borlboskha@mail.ru

Меняев Бадма Викторович — специалист Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-9205-4537>, bmeyayev@mail.ru

Басанова Татьяна Владимировна — старший преподаватель Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия; [https:// orcid.org/ 0000-0002-1024-4231](https://orcid.org/0000-0002-1024-4231), tatianabasanova@yandex.ru

References

1. Statement of the result of the census of wagons of the Semirechensk region in 1885 // Review of the Semirechensk region for 1885. True: Type. Semirech. region board. pp. 86–87. (in Russ.)
2. Materials on the survey of the native and Russian old-timer economy and land use in the Semirechensk region, collected and developed under the guidance of P. P. Rummyantsev / Resettlement. ex. G.U.Z. and Z. Volume 8, Przhevalsky district: Kirghiz. economy, 1. Tables. St. Petersburg, 1916. 603 p. (in Russ.)
3. Gagarin A. D., Meller T. I. Sart-Kalmaks // Northern Asia. 1928. No. 5–6. pp. 186–188. (in Russ.)
4. Burdukov A. V. Karakol Kalmyks (Sart-Kalmaks) // Soviet Ethnography. 1935. No. 6. S. 47–79. (in Russ.)
5. Erendzhenov K. Sart-khalmgin folklore // Ulan khalmg. 1936. January 26. (in Russ.)
6. Kara D. Sart-Kalmyk — Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan) // Oirad and Kalmyk Linguistic Essays. Budapest: ELTE Eötvös Kiadó, 2012. Pp. 197–210.
7. Moldobaev I. B. Kalmaki (Sart-Kalmaki) // Ethnos and its divisions. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, 1992, part 1, pp. 95–105. (in Russ.)
8. Mochoeva N. A. Rod suso and its descendants (Issyk-Kul Kalmyks). Bishkek: Kalem, 2016. 94 p. (in Russ.)
9. Borlykova B. Kh., Menyayev B. V. On some phonetic features of the Sart-Kalmyk language // News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series. 2020. V. 79. No. 4. S. 58–66. (in Russ.)

Information about the authors

Boskha Kh. Borlykova — researcher of the scientific department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov», Elista, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-9264-3430>, borlboskha@mail.ru

Badma V. Menyayev — specialist at the International Research Center «Oirats and Kalmyks in the Eurasian space», Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-9205-4537>, bmeyayev@mail.ru

Tatiana V. Basanova — senior tutor of Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-1024-4231>, tatianabasanova@yandex.ru.

СОВРЕМЕННЫЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ г. ДЕРБЕНТА (Р. ДАГЕСТАН) С ЖИТЕЛЯМИ АЗЕРБАЙДЖАНА¹

Брусина О. И.

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук
ORCID: 0000-0003-0134-975X
brusina@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются современные трансграничные связи азербайджанской шиитской общины Дербента, включая экономические и деловые контакты с азербайджанцами Азербайджана, взаимодействие в сферах культуры и религии, родственные отношения. Рассматриваются тенденции трансграничных браков, значение родственных связей с жителями соседнего государства. Исследование основано на полевых материалах автора 2020 и 2021 г. в г. Дербенте, работа велась методом открытых бесед с информантами и опросов экспертов, собирались статистические и архивные данные.

Азербайджанцы Дербента составляют сплоченную этно-религиозную группу, которую объединяют (и отделяют от других жителей города) особая вера, родной азербайджанский язык, многочисленные родственные связи внутри общины. Этническая, языковая и религиозная идентичность сближает азербайджанцев Дербента с жителями соседнего Азербайджана, между ними поддерживаются разнообразные культурные, родственные и деловые отношения. Большинство браков заключается внутри дербентской общины, однако не редки браки с единоверцами из Азербайджана и азербайджанских диаспор других регионов.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке по проекту «Население пограничных территорий России: динамика групповых идентичностей, отношение к гражданству, миграционные риски» в рамках ПФИ «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление российской идентичности» 2021–2022 гг.

В целом дербентские азербайджанцы отличаются от других групп населения города и всего Южного Дагестана гораздо большей вовлеченностью в трансграничные отношения с соседним Азербайджаном. Отношения с родственниками и друзьями из Азербайджана престижны для дербентских азербайджанцев и способствуют улучшению социальных и экономических возможностей их семей. Вместе с тем дербентские азербайджанцы лишь частично ассоциируют себя с населением соседней страны, поддерживая высокую самооценку себя как шиитской общины с многовековой историей. Таким образом, дербентские азербайджанцы являются трансграничной группой, которая способствует осуществлению культурного и экономического взаимодействия России с соседним Азербайджаном.

Ключевые слова: азербайджанцы; шииты; Дербент; Азербайджан; трансграничные связи

CONTEMPORARY CONNECTIONS AND RELATIONS OF THE AZERBAIJANIS OF DERBENT (DAGESTAN, RUSSIA) WITH THE POPULATION OF AZERBAIJAN

Brusina Olga, PhD (in history),
Senior Research Fellow of the Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academic of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0134-975X
brusina@inbox.ru

Abstract. *Modern cross-border relations of the Azerbaijani Shiite community of Derbent are analyzed in this article, including economic and business contacts with the Azerbaijanis of Azerbaijan, interaction in the spheres of culture and religion, as well as family ties. The tendencies of cross-border marriages and the importance of relative connections with the inhabitants of Azerbaijan are considered. The study is based on the author's field materials 2020 and 2021 collected in Derbent. The work was carried out by the methods of open conversations with informants and surveys of experts; statistical and archival data were collected too.*

The Azerbaijanis of Derbent are a ethno-religious group, united by a special religion, the native Azerbaijani language, and numerous family ties. Ethnic, linguistic and religious identity brings the Azerbaijanis of Derbent closer to the inhabitants of Azerbaijan, and various cultural, relative and business relations are maintained between them. Marriages with co-religionists from Azerbaijan and Azerbaijani Diasporas in other regions are not rare.

In general, the Azerbaijanis of Derbent differ from the other population of the Southern Dagestan because of their greater involvement in the cross-border relations with Azerbaijan. Relations with relatives and friends in Azerbaijan are prestigious for the Azerbaijanis of Derbent and contribute to the improvement of social and economic opportunities for their families. However, the Azerbaijanis of Derbent associate themselves with the population of Azerbaijan only partially, as they maintain a high self-esteem as a Shia community with a long history. Thus, the Azerbaijanis of Derbent are a cross-border group that contributes to the implementation of cultural and economic interaction between Russia and Azerbaijan.

Keywords: the Azerbaijanis; the Shiites; the city of Derbent; Azerbaijan; cross-border relations

Введение

В августе-сентябре 2020 г. и в марте 2021 г. сотрудники ИЭА РАН О. И. Брусина и Э. М. Сеитов проводили полевые исследования среди азербайджанцев-шиитов г. Дербента. Первый выезд в поле (2020 г.) был приурочен к шиитским траурным мероприятиям в месяц мухаррам, а второй (2021 г.) — к дням празднования Навруза. Соответственно, основное внимание было сосредоточено на различных аспектах религиозной и обрядовой жизни в старой части древнего города, однако исследование затрагивало и многие другие проблемы, волновавшие информантов. Работа велась методом открытых бесед с информантами, опроса экспертов, представителей местных органов власти, образовательных учреждений, собирались статистические данные, изучались различные материалы из местных и областных

архивов. Помимо азербайджанцев в ходе экспедиции приходилось беседовать и с другими горожанами, представляющими различные народы и народности, на основании чего сложилась определенная картина современной жизни Дербента. Местные обычаи предполагают раздельное проведение большинства религиозно-обрядовых практик мужчинами и женщинами, причем существуют закрытые для представителей противоположного пола особые черты ритуальной жизни, как и бытовой. Соответственно, среди женской части азербайджанского сообщества работала О. И. Брусина, а мужской — Э. М. Сеитов.

Особое внимание в ходе экспедиции было уделено контактам дагестанских азербайджанцев с титульным населением Азербайджана, с которым издавна существуют исторические, экономические, языковые, религиозные отношения, а также с Исламской республикой Иран — в большей степени это религиозные и культурные связи.

В этой статье анализируются связи азербайджанской шиитской общины Дербента с азербайджанцами Азербайджана, включая экономические и деловые контакты, взаимодействие в сферах культуры и религии, родственные отношения. Исследуются причины и тенденции трансграничных браков, способы знакомства и установления контактов, обычаи сватовства и бракосочетания, нормы поведения приезжей жены и приобщение ее к религиозной жизни в Дербенте, значение родственных связей с жителями соседнего государства.

Азербайджанцам Дербента и Южного Дагестана посвящено лишь несколько публикаций. Вопросам современных трансграничных связей с жителями соседнего Азербайджана не уделялось специального внимания, авторы упоминали лишь отдельные эпизоды в контексте своих исследований. В книге С. Ш. Гаджиевой «Дагестанские азербайджанцы. XIX — начало XX в.: Историко-этнографическое исследование» (М., 1999) описаны, в частности, история формирования тюркоязычного населения Дербента и проникновения шиизма в Южный Дагестан, религиозные практики шиитов. Автор отмечает, что в советский период специальных исследований дагестанских азербайджанцев не проводилось [1, с. 19].

Научный работник из Дербента Г. Н. Сеидова защитила диссертацию на тему «Шиизм в Дагестане и его особенности» в 2000 г. [2], а в 2007 г.

выпустила книгу «Шиизм в Дагестане» [3]. Помимо исторических и религиозных сюжетов, она описывает основные шиитские мероприятия и практики дербентских азербайджанцев, популярные места поклонения и паломничества, в том числе на территории Азербайджана.

В основанной на своих полевых материалах статье Е. Л. Капустина и М. В. Солоненко пишут о влиянии шиитской религиозной обрядности на идентичность и сплоченность азербайджанской общины Дербента, о процессах «исламского возрождения» в общине и роли религиозных авторитетов из Ирана и Азербайджана [4].

Формирование и идентичность азербайджанской шиитской общины

Многие века древний Дербент был важнейшим торговым центром, в город съезжались купцы с территорий нынешних Азербайджана, Ирана, Туркменистана, Астраханской области и многих других регионов. Одна из старейших групп населения города — азербайджанцы-шииты, в прошлом они составляли основную часть жителей и расселялись в магалах (кварталах), расположенных под стенами Дербентской крепости Нарын-кала. Тюркские народности (племена) издавна составляли значительную часть жителей Южного Дагестана. В XVI–XVIII вв. иранские шахи с целью укрепления своего положения несколько раз переселяли в Дербент по 400–500 и более семей из иранского Азербайджана. В начале XIX века большинство жителей города говорили на тюркских языках [1, с. 26–41]. Помимо них в Дербенте проживали евреи, армяне, русские, персы. До начала XX века предки азербайджанцев составляли большинство населения Дербента, ныне азербайджанцы считают себя самой старой частью горожан. Со второй половины XX века и особенно с 1990-х гг. в город стали массово переселяться лезгины, агулы, табасаранцы и представители других народов Дагестана. Подавляющее большинство азербайджанцев — мусульмане-шииты, в отличие от дагестанских народов, которые исповедуют ислам суннитского толка. По переписи 2002 г., в Дербенте проживало 101 тыс. человек, из них 31,6% — азербайджанцы, от 80 до 90% которых составляют шииты [4, с. 32–33]. По данным переписи 2010 г. азербайджанцев

насчитывалось 38,5 тыс. человек — 32,3% населения города (всего было зафиксировано около 120 тыс. человек). В 2021 г. число жителей Дербента достигло 126,6 тыс. человек. Большинство жителей города ныне составляют представители дагестанских народов.

Представления о своей истории, о себе, как об одной из наиболее древней, автохтонной части населения, осознание своего места и значения в жизни г. Дербента поддерживают высокую самооценку азербайджанской шиитской общины, способствуют укреплению внутренних связей и выживанию как этно-религиозной группы. В отличие от других жителей Дербента, азербайджанцы по-прежнему занимают старинные магалы (кварталы) под стенами древней крепости Нарын-кала, хотя из-за большой плотности населения некоторые стали переселяться и в нижнюю часть города. Между собой члены общины говорят на одном из диалектов азербайджанского языка, однако некоторые представители молодого поколения порой лучше знают русский язык, на котором ведется обучение в школах, хотя кое-где факультативно преподается и родной язык. В Дербенте выходит газета на азербайджанском языке (кириллицей), однако проблема воспроизводства письменной и устной традиций родного языка остается. Впрочем, большинство дагестанских азербайджанцев не считают эту проблему острой.

Азербайджанцы Дербента составляют достаточно сплоченную этно-религиозную группу, которую объединяют (и отделяет от других жителей) особая вера, родной азербайджанский язык, многочисленные родственные связи внутри. Жители магалов Дербента отчетливо ощущают свою особую этно-религиозную идентичность, которая связана с культурной близостью к Азербайджану. Образуя особую группу со своей многовековой историей, они лишь отчасти ассоциируют себя с населением соседней страны, причем близко к сердцу принимают происходящие там события, будь то политические или спортивные, сопереживая «своим». Так, 10 ноября 2020 г. они бурно отмечали «победу Азербайджана в Карабахской войне»: на улицах магалов устроили массовые шествия, автопробег с азербайджанскими флагами, пускали салют; повсюду гремела азербайджанская музыка. Административные органы г. Дербента (где, кстати, азербайджанская община представлена минимально, несоизмеримо с долей в составе населения

города) были недовольны этими несанкционированными мероприятиями, некоторых участников подвергли штрафам.

Экономические и культурные связи

Между южным Дагестаном и Азербайджаном исторически сложились разнообразные торговые и экономические отношения. В советский период граница между союзными республиками (РФСР и АзССР) носила условный характер и не была препятствием к воспроизводству и развитию таких отношений. И ныне этническая, языковая и религиозная идентичность сближает азербайджанцев Дербента с жителями соседнего Азербайджана, между ними поддерживаются разнообразные культурные, родственные и деловые связи, несмотря на государственную границу. Большинство опрошенных информантов имеют родственников или друзей, знакомых в Азербайджане, неоднократно там бывали. До пандемии было постоянное взаимодействие в культурной сфере, деятели культуры из Азербайджана выступали в Южном Дагестане, а дербентские мастера посещали соседнюю страну.

Дагестан относится к тем регионам, где люди привыкли рассчитывать на собственные силы в поисках заработка и ресурсов выживания, где устанавливаются неформальные, но необходимые для само обеспечения социальные, деловые и родственные связи — в условиях, когда многие промышленные и сельскохозяйственные предприятия не справляются с экономической ситуацией. Значительная часть жителей Дербента, особенно представители молодого поколения, выезжают на заработки в другие регионы РФ. Среди дербентских азербайджанцев преобладают временные сезонные миграции. Трудовая миграция в Азербайджан практически отсутствует, поскольку в этом государстве есть свои проблемы с рабочими местами. В соседнюю страну ездят по торговым делам, закупают более дешевые товары, в основном турецкие — мануфактуры, одежду, утварь, предметы быта и т. п. для перепродажи и пользования. Сами жители Азербайджана порой приезжают в Дербент на заработки — в основном в качестве строителей. Некоторые остаются здесь жить, женятся на дербентских азербайджанках; информанты сообщали, что за последние десятилетия в Дербент переехали несколько семей из соседнего государства.

До пандемии 2020–2021 гг. было постоянное взаимодействие в культурной сфере, деятели культуры из Азербайджана выступали в Южном Дагестане, а дербентские мастера посещали эту страну. Так, Зийнаб, 45–50 лет, жительница Дербента, народная поэтесса и исполнительница, тесно сотрудничает с коллегами из Азербайджана. Она пишет на азербайджанском языке лирические стихи светского содержания: о любви, природе, своей Родине. Есть переводы ее произведений на русский язык. Азербайджанские композиторы кладут на музыку ее стихи. Зийнаб исполняет песни собственного сочинения на концертах, с которыми выступает и в Дагестане, и в Азербайджане, и во многих других странах. Эксклюзивный дизайн и пошив концертных нарядов она заказывает бакинским модельерам, для чего регулярно ездит в этот город [5].

Религиозные связи

Многое в жизни шиитской общины связано с религией. Считается, что дербентские азербайджанцы особо ревностно относятся к соблюдению шиитских традиций и обычаев [4]. Единение общины особенно заметно в дни Ашуры в первой декаде месяца Мухаррам, когда происходит главное для шиитов ежегодное религиозное событие. На протяжении десяти дней в Джума-мечети и других магальских мечетях, на улицах магалов и по домам жителей устраиваются траурные мероприятия, посвященные трагическим событиям, связанным с внуком Пророка имамом Хусейном, его семьей и близкими, по преданиям, зверски убитым в битве с халифом Язидом при Кербале в 680 г.

По словам наших информантов, мероприятия месяца Мухаррам за последние пять лет становятся все более массовыми и насыщенными. Этому способствует как рост активности со стороны простых жителей, так инициативная финансовая помощь ряда организаций, ведущих гуманитарную, социальную работу среди жителей магалов. Рост религиозной активности в последнее десятилетие повлек за собой усиление связей с шиитами соседнего Азербайджана именно на почве религии.

В дни Ашуры воссоединяются не только шииты, живущие в разных концах Дербента, но и те, кто уехал за его пределы. Информанты неодно-

кратно рассказывали Е. Л. Капустиной и М. В. Солоненко, что даже живущие в «шиитском» Баку дербентцы приезжают отмечать Ашуру в Дербент [4].

Среди шиитов очень распространено посещение святых мест и мазаров. В самом Дербенте и его окрестностях находится множество пиров, наибольшей популярностью пользуется захоронение Кырляр Гейги пири, Араб-хан-пири и пир Дюль-дюль Али на Южном Дербентском кладбище, а также объект поклонения — группа могил «Сейид Зеки» в верхней части Дербентского кладбища [2, с. 23], куда приезжают паломники, в том числе и из Азербайджана. В свою очередь, дербентские азербайджанцы регулярно совершают зийараты к священным для шиитов мазарам на территории соседнего государства. Активно по обету (назру) посещается могила сейида Мирмовсум-ага (Эт-ага) и Биби — Эйбатский пир близ Баку, Гёй имамы в Гяндже («Имам-заде»), Али аягы и Эт ага в Баку [2, с. 23], а также зиараты в Губе и других местах Азербайджана [5; 6].

Шиизм как религиозная система предписывает своим последователям неукоснительное соблюдение главных религиозных обязанностей «аркан ад-дин». Основными культовыми обрядами, помимо намаза, является соблюдение поста Оруджлуг (ураза), праздник жертвоприношения Курбан-байрам, хадж в Мекку, паломничество (зийарат) к мавзолеям имама Хусейна в Кербале (Ирак), халифа Али в Наджафе, имама Резы в Мешхеде (Иран) и святой Фатимы Масумы в Куме (Иран) [2, с. 22].

В постсоветский период на волнах «исламского возрождения» и роста религиозной активности шиитов значительно возрос масштаб паломничества по святым для шиитов местам. Дербентские шииты совершают зийараты в Ирак, Иран, Сирию и в хадж в Мекку. Как правило, группы паломников организуются из Баку, оттуда они отправляются на автобусах в дальние зийараты и в хадж. Практика такова: жители Дербента собираются по несколько человек, будь то члены семьи, родственники или, к примеру, подруги, знакомые, самостоятельно доезжают до столицы соседнего государства и там присоединяются к группе азербайджанцев для совершения дальнего паломничества. Многие из наших собеседников совершали паломничества и хадж по многу раз и стремятся еще и еще посетить святые места.

«Три раза была в хадже, восемь раз — в Мешхеде, и в Иерусалиме была, там ведь есть и мусульманская, и иудейская части. Несколько раз совершала паломничество в Азербайджан — там много знакомых друзей по сети «одноклассников» и других сетевых групп. В паломничество в Мешхед ехали через Баку, собрались с подругами 11 человек группа, в Баку нас встретили, организовали, полный порядок. В Азербайджане есть места для паломников. Мирмовсум-ага Сеид шейх, он умер в 1960 году, там организовано святилище рядом с Баку» [5; 6, Хаджи Эльмира, около 60 лет, азербайджанка, учитель].

«В Азербайджан тоже заезжали. Там есть святые места. Есть дочери седьмого имама Казима мавзолее Биби-Эйбат. За ней гнались, ее тайком привели в Азербайджан, чтобы никто не знал, ее знакомый туда привел, парень Хейбетен, его приставили к ее тете. Там много потомков шиитских имамов похоронено — могила Мурмурсун ага. В Баку много раз были в зийарате. В Кербале три раза была. В Мешхеде пять раз были по пути в зийарат, с дочкой» [6, Хаджи Хошкеден, около 60 лет, азербайджанка].

Из-за карантина все паломничества за пределы республики в 2020 и 2021 годах пришлось отменить, о чем информанты, некоторые из которых совершают зийараты почти ежегодно, горячо сожалели: «Семь раз была в хадже, двадцать раз в Кербале, тридцать раз в Мешхеде, а в этом году не удалось, хотя душа рвется туда» [6, Хаджи Эмина, около 60 лет, азербайджанка].

С 1990-х гг. дербенцы смогли реализовывать свое стремление к получению теологического образования в области шиизма: молодые люди отправлялись на учебу главным образом в Иран, а в Дербент приглашались религиозные авторитеты из этой страны и Азербайджана. Е. Л. Капустина и М. В. Солоненко пишут, что в 1990-е гг. несколько лет ахундом дербентской общины был бакинец, которого уважали за хорошее религиозное образование. В 2007 году на Ашуру были приглашены два известных роузехани, читавшие мерсия в Джума-мечети всю траурную декаду. В последние годы, отмечают авторы, бакинцы, получившие религиозное образование, по-прежнему имеют в Дербенте большой авторитет. В то же время, информанты отмечали большую секуляризацию бакинцев, не такое эмоциональ-

ное и насыщенное, как в Дербенте, отмечание Ашуры азербайджанцами Азербайджана. То есть дербентская община соревнуется с Баку за пальму первенства в деле соблюдения и сохранения шиитских традиций [4].

Брачные связи

Большинство браков заключается внутри дербентской шиитской общины, однако не редки браки с единоверцами из Азербайджана, и азербайджанских диаспор других регионов. Многие из опрошенных информантов имеют родственников или знакомых в Азербайджане, неоднократно там бывали, в том числе в качестве гостей на семейных мероприятиях. Именно в такой обстановке, во время гостевания сам жених или его родители могут разузнать о подходящих девушках, познакомиться с будущей невестой. В последнее десятилетие все чаще для выбора супруга используются социальные сети.

Девушкам не принято проявлять активность в знакомствах, инициатива в подборе невесты и в сватовстве принадлежит стороне жениха, чаще всего — родителям жениха. У дербентских азербайджанцев именно мать обычно заботится о поисках подходящей невесты для сына. Причем девушка и молодой человек могут быть едва знакомы друг с другом до сватовства, могут встретиться пару раз до этого или прямо в этот день — если поружились по интернету.

Свадебное торжество устраивают в два этапа: сначала — на родине невесты «девочкина свадьба» с присутствием нескольких близких родственников со стороны жениха, потом в доме жениха в Дербенте, куда он привез молодую жену. Постепенно девушка вовлекается в жизнь дербентской шиитской общины и становится ее полноправным членом. Дербентские азербайджанцы проявляют активность в следовании своей вере, их спланирует участие в общих шиитских мероприятиях и молодые женщины из других краев при желании могут достаточно быстро включиться в религиозную деятельность, что повышает их статус и авторитет в общине. Историй наших информантов подтверждают эти выводы.

Роза Алиева, 60–65 лет, родом из г. Губа, Азербайджан. Вышла замуж за жителя Дербента в 1977 г. Знакомство с родней будущего мужа

состоялось в Губе, когда его родня гостила там, будучи приглашенной на свадебное торжество. Роза понравилась будущей свекрови. «К нам моя будущая свекровь приехала, так как деверь (брат будущего мужа) засватал одну девочку, мы пошли на свадьбу, они нас там видели — свекрухе из Дербента я понравилась, она сыну сказала, что там, в Губе, девочка есть. Он приехал, увидел меня, так и посватались. Свадьба у азербайджанцев проводится раздельно. В Губе была девочкина свадьба, один день, потом сюда, в Дербент приехала, у соседки ночь провела. Свадьба была здесь в Доме торжества». Ныне у Розы 4 сына, 4 невестки, 8 внуков. В 2020 г. до карантина Роза как раз жила у родных в Азербайджане из-за болезни ее отца, потом пришлось вернуться. «Баку красивый город, но сейчас все закрыто, ничего не работает, свадьбы, похороны не разрешают. Здесь много людей из Азербайджана, связи хорошие. У нас с Азербайджаном язык одинаковый, но акцент есть» [6].

Севич, 42–45 лет, из г. Хырдалан, Азербайджан. «До 35 лет жила в Хырдалане. Сидела без мужа, работала медсестрой. Уже не думала, что замуж выйду. Женихи приходили, смотрели, но не сватались. Потом один приехал из Дербента к нам в Азербайджан погостить, мы разговаривали друг о друге, я подумала, что человек на мне не остановится и махнула рукой. Вскоре поехала в паломничество в Ирак через Иран, в Кербалу ходили в хадж. Вернулась из зийарата и тут оказалось, что я этому мужчине понравилась, потом мы второй раз увиделись, разговаривали, а на третий раз он посватался. Я даже не знала, что ему понравилась, из хаджа вернулась, а мне сказали, что он посватался, потом увез меня сюда, и я тогда в Дербент переехала. Все хорошо в семье. Дочке нашей уже 5 лет, так что Всевышний помог». Севич считает, что обрела счастье благодаря молитвам в ходе зийарата: «Я ходила в паломничество, после этого замуж вышла». Эта скромная и религиозная женщина в декаду Мухаррама регулярно приходила в Джума-мечеть вместе с дочкой. Она часто ездит на родину в Азербайджан «там моя мама, там все родственники. «Мы ездим к родственникам и они сюда приезжают» [6].

Гуля, 30–35 лет, азербайджанка, учитель, родилась и выросла в Дербенте. Вышла замуж за азербайджанца из г. Хырдалан. Муж — строитель, приехал в Дагестан на заработки. Познакомились, когда Гуля наняла его

ремонттировать дом, «он меня заметил, видимо, понравилась, поженились». Муж — суннит, поэтому Гуля соблюдала все суннитские правила и обряды, свадьбу справляли по-суннитски, хотя у суннитов и шиитов разные свадьбы. Родилась дочь, но у этой пары что-то не сложилось, разошлись. Бывший муж по-прежнему живет в Дербенте, ремонтирует дома, хорошо зарабатывает, видится с Гулей и девочкой, помогает им. После развода Гуля вновь обратилась к шиизму, регулярно ходила в дни мухаррама в Джума мечеть, иногда с пятилетней дочкой. Гуля пока по молодости не очень хорошо знает молитвы, «надо, чтобы это в душу пришло. Сама еще не молюсь, этому надо учиться, еще не созрела, это приходит с возрастом» [6].

Сабина, 27–30 лет, азербайджанка, родилась Ростовской области. «В Таганроге у папы своя ферма разводит коров, баранов. Папа шиит, делает намаз. Там есть азербайджанская шиитская диаспора. Я сюда приехала замуж, познакомилась с будущим мужем по интернету, они приехали ко мне уже свататься, до этого не виделись. Переехала, а уже здесь, в Дербенте, когда вошла в религию, стала все изучать, все узнавать». У Сабины двое детей, работает в салоне красоты. Среди других процедур делает шугаринг — это «персидская эпиляция сахаром» и хиджама — кровопускание «очищаем кровь от шлаков, пускаем капиллярную кровь, выходит около 100 грамм. Так лечились по сунне Пророка, лет пять уже как это стало практиковаться в Дербенте».

Несмотря на молодость, занятость по работе и семейными делами, Сабина активно участвует в религиозной жизни. Она — своего рода волонтер, помогает вместе с другими молодыми женщинами в организации и проведении шиитских мероприятий, что является благим делом «савоб». «В Джума мечеть ходим, делаем здесь благое дело соваб — чай разносим, следим за порядком, помогаем, здесь и библиотека есть».

Сабина серьезно и искренне стремится расширять свои знания в сфере шиизма. «Я все перечитываю, обновляю знания, даты запоминаю. Старшему мальчику 8 лет, они пока в религии не разбираются, пусть еще подрастут, а есть дети, которые с рождения включены в религию. У нас это не обряды, а испокон веков идет, чтобы мы не забывали, мы стараемся соответствовать нашим непорочным имамам, они не думали о мирском, а только о духовном.

Мы изучаем все это и запоминаем, за каждую пролитую слезу, кровь мы будем вознаграждены. У нас на 40 день после Ашуры едут в паломничество в Ирак, Кербалу, ездят с каждым годом все больше и больше, очень много народа, начиналось все с пожилых, а сейчас и молодежь ездит. Кто раньше побывал, тот хочет еще и еще поехать, каждый год, если финансы позволяют. Потому что там такая атмосфера особая, что туда хочется возвращаться и возвращаться. Кому не позволяют финансы, один-два раза всего совершают зийрат. У нас есть гид, собирает группу, оформляет все документы, визу, собираются мужская или семейная группы, едут через Баку, через Иран на автобусе. В Баку присоединяются к группе, а в Иране уже не присоединяются. В Иране тоже посещаем храмы. В Ираке много разных храмов, например, Храм Аль-Аббаса. На 40 день гибели имама Хусейна приходят к месту, где паломники пешком идут 3 дня, все в черном и по всей дороге местные иранцы и иракцы (шииты) раздают еду, соки — это соваб им идет за еду для паломников» [4].

* * *

В целом азербайджанцы Дербента отличаются от других групп населения города и всего Южного Дагестана гораздо большей вовлеченностью в трансграничные отношения с соседним Азербайджаном, а также интенсивными связями на почве религии с другими государствами Ближнего и Среднего Востока: Ираком, Сирией, Ираном, Саудовской Аравией.

Исторически наиболее развитые и близкие связи у дербентской общины именно с жителями Азербайджана, и только с ними, в силу общности языка, большого круга общих родственников, друзей и знакомых, религиозной и этнической идентичности, а в последнее время — и за счет общения через социальные интернет-сети, в том числе благодаря актуализации религиозных интересов. Отношения с родственниками и друзьями из Азербайджана престижны для дербентцев и способствуют росту социальных и экономических возможностей их семей, в том числе трансграничного торгового бизнеса.

Наращивание связей с Ираком, Сирией, Ираном в последние десятилетия происходило почти исключительно на почве шиизма — из-за активизации

паломнических практик, появившейся возможности чуть ли не ежегодно совершать хадж и зийараты. В то же время общие религиозные интересы граждан разных стран ведут к увеличению круга общения, налаживанию контактов между ними — деловых, дружеских, культурных. При этом значительно расширяется кругозор людей, почти ежегодно выезжающих за границу. Дербентские азербайджанцы уже по-другому смотрят на окружающий мир, по-другому воспринимают процессы, происходящие в родной стране из-за возможности сравнения. Они считают, что в Азербайджане, особенно в его столице Баку «очень высокая культура, цивилизация, в отличие от Дагестана» [5, 6].

Однако дербентские азербайджанцы отнюдь не стремятся к слиянию с жителями Баку, наоборот они подчеркивают свою особость. Образуя этно-религиозную группу с многовековой историей, они лишь частично ассоциируют себя с населением соседней страны, при этом поддерживают высокую самооценку себя как шиитской общины. В смысле сохранения религиозного духа, приверженности истинным шиитским традициям дербентцы ставят себя выше жителей Азербайджана, что укрепляет их местную идентичность и сплоченность. Таким образом, дербентские азербайджанцы являются трансграничной группой, которая способствует осуществлению культурного и экономического взаимодействия с соседним Азербайджаном.

Литература

1. Гаджиева С. Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX — начало XX в.: историко-этнографическое исследование. М.: Восточная литература, 1999.
2. Сеидова Г. Н. Шиизм в Дагестане и его особенности: автореф... дис. канд. филос. наук. Махачкала, 2000.
3. Сеидова Г. Н. Шиизм в Дагестане. М.: Альфа-Принт, 2007.
4. Капустина Е. Л., Солоненко М. В. Ашура в Дербенте: специфика «исламского возрождения» и идентичность шиитской общины сквозь призму религиозного события. Труды Института Нико Бердзенишвили, VII. Батуми: Институт Нико Бердзенишвили, 2008. С. 32–39.
5. Полевые материалы автора (далее ПМА), Дербент, март 2021.
6. ПМА, Дербент, август 2020.

References

1. Gadzhieva S. Sh. The Dagestan Azerbaijanis. The 19th — early 20th century: the historical and ethnographic research. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999.
2. Seidova G. N. Shiism in Dagestan and its features. Candidate's thesis. Makhachkala, 2000. (in Russ.)
3. Seidova G. N. Shiism in Dagestan. Moscow: Al'fa-Print, 2007.
4. Kapustina E. L., Solonenko M. V. Ashura in Derbent: specifics of the “Islamic revival” and the identity of the Shiite community through the prism of a religious event. Proceedings of the Niko Berdzenishvili Institute. VII. Batumi: Institut Niko Berdzenishvili, 2008. P. 32–39.
5. The author's field materials, Derbent, March 2021.
6. The author's field materials, Derbent, August 2020.

ОТКРЫТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ В ЭРЕБУНИ. ХРОНОЛОГИЯ, ИЗУЧЕНИЕ И АТТРИБУЦИЯ

Рамиль Рафаилович Вергазов

Кандидат искусствоведения, научный сотрудник
Отдела Древнего Востока, Государственный музей
изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Москва, Россия,
vergazov-ramil@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8354-5940>

Аннотация. *Статья посвящена истории открытия археологической живописи в урартской крепости Эрбуну VIII–IV вв. до н.э. Многочисленные фрагменты монументальной росписи были найдены на холме Арин-берд в ходе совместной археологической экспедиции Академии Наук Армянской ССР, ГМИИ им. А. С. Пушкина и Управления по охране памятников Госстроя Армянской ССР в 1952–1977 годах. Для изучения и корректной атрибуции найденных росписей крайне важным является хронология находок, поскольку Эрбуну является многослойным памятником с урартскими (VIII–VII вв. до н.э.) и постурартскими строительными горизонтами (VI–IV вв. до н.э.). На основе рассмотрения хронологии открытий дана общая характеристика найденному материалу, а также предложен вариант атрибуции находок живописи согласно их стилистике и стратиграфии участков. Анализ истории изучения настенной живописи Эрбуну выявил общие тенденции в исследовании и реконструкции урартских росписей Арин-берда 1960–1980-х годов и их изменение с продолжением раскопок в Эрбуну уже в конце XX века. В статье рассматривается и актуальная проблема атрибуции нетипичной группы т.н. «светских росписей» из большого зала дворца (т.н. «помещения № 15») в Эрбуну, которые до сих пор вызывают дискуссию среди специалистов об их датировке. Опираясь на материалы Арин-бердского археологического архива отряда ГМИИ, автор приводит свою аргументированную точку зрения об атрибуции «светских росписей» позднеурартской группой живописи сер.— 2 пол. VII в. до н.э., основываясь на стратиграфии культурных слоев из полевых дневников и последних данных из раскопок Эрбуну.*

Ключевые слова: археологическая живопись; Эребуни; Арин-берд; искусство Урарту; история открытий росписей; вопросы атрибуции; «светские росписи» Эребуни; урартский и постурартский период; Ахемениды

THE DISCOVERY OF ARCHAEOLOGICAL WALL PAINTINGS AT EREBUNI. CHRONOLOGY, STUDY AND ATTRIBUTION

Ramil R. Vergazov

Ph. D. (Art crit.), Research Fellow, Department of Ancient Near East,
Pushkin State Museum of Fine Arts Moscow, Russia,
vergazov-ramil@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8354-5940>

Abstract. The article is devoted to the history of the discovery of archaeological wall paintings in the Urartian fortress of Erebuni in the 8th-4th centuries BC. Numerous fragments of murals were found at Arin-berd hill during the joint archaeological expedition of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, The Pushkin State Museum of Fine Arts and the Office for the Protection of Monuments of the Gosstroy of the Armenian SSR in 1952–1977. To understand the history of research and correct attribution of the found murals, the chronology of the finds is extremely important, since Erebuni is the complex multi-layered monument with Urartian (8th-7th centuries BC) and post-Urartian building horizons (6th-4th centuries BC). Based on the consideration of the chronology of discoveries, a general description of the found material is given, and a variant of attribution of the wall paintings according to their style and stratigraphy of the sites is proposed. An analysis of the historiography of Erebuni murals revealed general trends in the study and reconstruction of the Urartian wall paintings of Arin-berd in the 1960s-1980s and their change with the continuation of excavations at Erebuni already at the end of the 20th century. The article also deals with the actual problem of attribution of an atypical group of the so-called «secular paintings» from the large hall of the palace (the so-called «room No. 15») at Erebuni, which still cause discussion among experts about their dating.

Based on the materials of the Arin-berd archaeological archive of The Pushkin State Museum of Fine Arts, the author gives his point of view on the attribution of «secular murals» by the Late Urartian group of wall painting of the second half of the 7th century BC, based on the stratigraphy of cultural layers from field diaries and the latest data from the excavations at Erebuni.

Key words: archaeological wall painting; Erebuni; Arin-berd; Urartian art; history of discovery of murals; questions of attribution; “secular murals” of Erebuni; Urartian and post-Urartian period; Achaemenids

Введение

Древняя крепость Эребуни, заложенная урартским царем Аргишти I (786–764 гг. до н.э.) на холме Арин-берд в 782 году до н.э. [1, с. 5–7], служила важным укрепленным центром у северных границ царства Урарту (Ванское царство). Примечательно, что после гибели урартского царства примерно в кон. VII в. до н.э., Эребуни становится одним из важных центров сатрапии Армения в составе империи Ахеменидов [2, с. 22, 40, 91–95]. Этим объясняется и уникальность Эребуни, поскольку крепость является многослойным памятником с урартским и постурартским (ахеменидским) строительным горизонтом.

В 1952–1977 годах проводились систематические раскопки холма Арин-берд совместной археологической экспедицией Института Истории Академии Наук Армянской ССР и ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством К. Л. Оганесяна и И. М. Лосевой (с 1959 года отряд ГМИИ возглавила С. И. Ходжаш), при научной консультации Б. Б. Пиотровского. За это время в Эребуни был открыт целый комплекс сооружений, состоящих из двух храмов (храм бога Халди, храм “Susi”) и дворца Аргишти I с парадными залами (малым и большим) [2, с. 33–71, 91–114]. Многие урартские сооружения Эребуни были перестроены в эпоху Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.). Некоторые бывшие урартские постройки (как перестроенный в дворец-ападану храм Халди) имеют два персидских строительных горизонта [3, с. 51]. Раскопки показали, что стены дворцовых и храмовых построек Эребуни изначально были богато украшены монументальной живописью [2, с. 75–88].

Хронология открытия росписей Эребуни

По количеству и степени сохранности настенных росписей Эребуни является образцовым урартским памятником, который сопоставим с живописным материалом из всех остальных центров Ванского царства. Основные находки настенных росписей Эребуни сосредоточены в 6 участках крепости: это малый и большой залы дворца, перистильный двор, храм “Susi”, храм бога Халди и наружный портик. Большинство настенных росписей сохранились в виде отпечатков красочного слоя в археологическом завале, только отдельные фрагменты упали лицевой стороной вверх. В хронологии открытия росписей Эребуни можно выделить два этапа, каждый из которых обладает особой важностью для изучения урартской и постурартской монументальной живописи.

Первый этап находок живописи в Эребуни (1950–1961 гг.)

Первый этап открывают находки фрагментов живописи отрядом Кармир-блурской экспедиции во главе с К. Л. Оганесяном в верхних смешанных слоях урартского и постурартского периода из западного т.н. «помещения № 2» храма бога Халди (впоследствии в эпоху Ахеменидов перестроен во дворец-ападану с 30-ти колонным залом) в 1950 году. Судя по стилистике, найденные участки относились к классической многоярусной композиции эпохи Урарту (Рис. 1). Они состояли из фризов с геометрическим и растительным орнаментом (ряд пальметт, затем фриз из трехступенчатых башенок), а также характерной полосы с мотивом фигур жрецов в красных одеяниях у священных деревьев [4, с. 81, 85]. Единственное отличие от классических урартских многоярусных композиций VIII в. до н.э. — два ряда с изображением шествия белых коз (возможно, жертвенных животных?) на голубом фоне, которые располагаются сверху и снизу от полосы со жрецами [5, с. 52]. Также от классического урартского мотива розетт отличаются розетты с вписанными в центр восьмиконечными звездами в самом верхнем фризе найденной композиции.

В следующем сезоне 1951 года в смешанном слое «помещения № 2» храма Халди армянскими археологами были открыты фрагменты декоративной живописи в виде голубых полей с многолучевыми звездами в круге и завер-

шающих поясов из гирлянды бутонов (Рис. 2). Возможно, эта композиция изображала звездное небо [5, с. 51]. Большие и малые многолучевые звезды (розетты в круге) располагались в шахматном порядке. Эту сцену окаймляла полоса с парной гирляндой красных бутонов лотоса. Сам мотив гирлянды бутонов лотоса является одним из самых распространенных типов растительного орнамента в прикладном искусстве Урарту VIII–VII вв. до н.э. [6, илл. 39, 64–65, 78]. Однако сочетание многолучевых звезд с мотивом гирлянды бутонов лотоса больше не встречается в урартской монументальной живописи, как и в других видах искусства Ванского царства. Кроме того, эта орнаментальная композиция выбивается из общего изобразительного ряда многоярусных росписей храма Халди. Живописное панно с многолучевыми звездами также находит прямые аналогии в настенных росписях из наружного портика Эребуни [3, с. 50; 5, с. 40], что является существенным доводом в пользу его принадлежности к постурартской живописи VI–IV вв. до н.э. (см. раздел 1.2.). В этом отношении мы разделяем точку зрения Ф. И. Тер-Мартirosова о постурартской атрибуции данного вида орнаментальных росписей из перестроенного храма Халди и наружного портика цитадели Эребуни [3, с. 49–50].

Фрагменты живописи с многолучевыми звездами предоставили важные сведения о технике изготовления живописи Эребуни. Подобные орнаментальные росписи выполнялись методом нанесения на грунт вспомогательной сетки с помощью линейки и циркуля [5, с. 38]. Затем мастера в ячейки вспомогательной сетки вписывали контуры звезд и бутонов, после детально прописывая. Наличие разметки позволило К. Л. Оганесяну рассчитать систему пропорций этой композиции (сторона квадрата сетки — 4,4 см, взятая за модуль для диаметра звезд) [7, с. 60, рис. 29].

В том же 1951 году в храме Халди были найдены фрагменты росписи с изображением урартского божества (Халди или Тейшебы), стоящего на священном животном — льве [1, с. 57, илл. 41]. Фигура божества обладает характерными чертами урартской иконографии богов: культовое животное как постамент, рогатая тиара на голове (символ месопотамских божеств), сама поза фигуры — правая рука изображена с раскрытой ладонью, в левой руке — вероятно, ритуальный жезл. Изображение

этого божества из росписей Эребуни находит близкие аналогии в рельефе эпохи Русы II с изображением урартского бога на культовом быке из Адильджеваза [5, с. 50–51, рис. 5]. Это стилистическое родство свидетельствует об урартском происхождении этой открытой росписи из Эребуни, которая отражает иконографию божества на священном животном эпохи Урарту кон. IX–VII вв. до н. э. Это обстоятельство еще раз указывает на смешанный верхний культурный слой участка храма Халди, в котором находились и урартские и постурартские росписи, упавшие со стен перестроенного храма.

Во второй половине 1950-х годов армянские археологи открыли новую группу росписей на участке храма “Susi” и его внутреннего перистильного двора. Внешние стены храма “Susi” в верхней части были украшены росписью синего цвета по штукатурке с фризовой композицией, которая слабо сохранилась [7, с. 35, 72]. Судя по уцелевшим фрагментам, внутри стены небольшой целлы храма “Susi” были аналогично оформлены бордюром синего цвета и участком фризовой росписи [7, с. 31, 35]. При раскопках перистильного двора армянскими археологами были найдены фрагменты росписей на культовую тематику, которые относились к урартской многоярусной композиции [7, с. 29, 31]. Открытые участки живописи изображали верхний фриз из трехступенчатых башенок, следующий ярус утрачен (возможно, ряд пальметт), затем шел регистр с фигурами жрецов у священных деревьев, а завершали композицию гирлянды из стилизованных плодов граната [7, с. 65, 67, 72]. Все эти элементы обнаруживают сходство с классическими урартскими росписями из других центров Ванского царства — Алтын-тепе и Уч-кале в Чавуш-тепе [8, р. 182], что позволяет отнести их к урартской живописи VIII в. до н. э. (эпохи Аргишти I–Сардури II).

В 1959 году было сделано ключевое открытие для реконструкции урартской монументальной живописи. В малом зале дворца Эребуни у западной стены был найден крупный участок росписи. Это широкая полоса живописи (высота 1,28 м) изначально покрывала всю среднюю часть стены [5, с. 42, табл. 10–14]. Здесь представлена характерная урартская многоярусная композиция из фризов с пальметтами, ступенчатыми башенками; регистров с изображением священных деревьев и жрецов; рядов малых розетт.

Центральная часть композиции оформлена широким фризом с колено-преклоненным быком перед священным «вогнутым квадратом». Нижние части этой композиции образованы фризами жрецов у священных деревьев и завершающим регистром со стилизованными плодами граната. Эта многоярусная композиция становится каноном для урартской живописи VIII в. до н.э. [5, с. 39] и, вероятнее всего, символически отражает представления о мироздании древних жителей Урарту. Найденная в малом зале дворца многоярусная композиция восходит к новоассирийской живописи IX–VIII вв. до н.э., в частности к аналогичным сценам из ассирийских росписей в Кальху, Тиль-Барсипе и Дур-Шаррукине [9, Taf. 86–87, 93, 95–97]. Поскольку урартская культовая живопись выполнялась по единым канонам, находка из малого зала дворца Эрбунни стала образцом для реконструкции большинства урартских росписей не только в Эрбунни, но и в других центрах Урарту (Алтын-тепе, Азнавур-тепе и Чавуш-тепе) [1, с. 69–70; 5, с. 39; 8, р. 182]. Как и в случае росписей из перистильного двора, с большой долей уверенностью можно утверждать о принадлежности этой живописи к урартскому искусству VIII в. до н.э.

Таким образом, первый этап открытия росписей Эрбунни стал переломным для исследования настенной живописи Урарту, поскольку до этого времени об этом виде искусства было известно только по небольшим обгоревшим фрагментам росписей из «помещения № 25» в соседней урартской крепости Тейшебаини [10, с. 41–44]. Открытые росписи позволили изучить основы монументальной живописи Урарту, принципы построения композиций, общее решение колорита, творческий метод мастеров и создать первые реконструкции урартских живописных панно [7, с. 58–67]. Найденные в ходе первого этапа фрагменты многоярусной живописи из храма Халди, храма “Susi”, перистильного двора и малого зала дворца в Эрбунни составляют стилистически однородную группу. Все они изображают культовые сцены, относящиеся к классическому искусству Урарту VIII в. до н.э. Тогда как орнаментальные росписи с многолучевыми звездами и гирляндой бутонов из смешанного слоя участка храма Халди, скорее всего, принадлежат уже к постурартской живописи Эрбунни VI–IV вв. до н.э., которая отчасти продолжает урартские художественные традиции.

Второй этап открытия росписей в Эребуни (1963–1968 гг.)

Второй этап открытий росписей связан с раскопками отряда ГМИИ совместно с армянскими археологами в т. н. «помещении № 15» (большом зале дворца) Эребуни. В 1962–1963 годах была раскрыта вымостка пола «помещения № 15» из фрагментов венчиков урартских карасов. В нижнем слое забутовки под карасной вымосткой и была обнаружена самая большая группа настенной живописи в Эребуни — общим числом свыше 60 фрагментов росписей (сезоны 1962–1966 гг.). Поскольку корпус археологической живописи, открытый в большом зале дворца, значительно превышает все остальные находки росписей из других сооружений Эребуни, следует подробнее остановиться на рассмотрении этой постройки и стратиграфии участка.

Найденные в «помещении № 15» фрагменты настенной живописи обладают своей индивидуальной тематической программой, в которой можно выделить две группы. **Первая группа** представляет классические урартские культовые композиции VIII в. до н. э. (это многоярусные живописные панно с фризами жрецов у священных деревьев, культовыми животными — львами, быками и миксаморфными крылатыми человеко-львами перед священным «вогнутым квадратом», различными божества и орнаментальными ярусами) [5, с. 42–45, табл. 21–25, 27].

Вторая группа живописи из «помещения № 15» включает уникальные т. н. «светские росписи» (Рис. 3) (сцены охоты на колеснице, шествия воинов, мотивы из сельской жизни в пейзажном фоне и др.) [5, с. 38, табл. 17, 28–41], которые больше не встречаются в монументальном искусстве Урарту. Помимо нестандартных сцен (выпас скота, виноградарство) в «светских росписях» Эребуни появляется нетипичный для изобразительной традиции Урарту набор зооморфных образов (леопард и верблюды) [5, табл. 31, 34, 41; 1, илл. 46, 49, 52, 59]. Вместе с необычной тематикой группа «светской живописи» отличается и более свободной манерой исполнения рисунка [5, с. 38] без соблюдения строгих канонов. Но прежде, чем обратиться к истории изучения и проблеме атрибуции «светских росписей», необходимо рассмотреть стратиграфию этой постройки, приведенную в архивах Закавказской археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Арин-берд.

Благодаря полевым дневникам отряда ГМИИ удалось послойно восстановить стратиграфию «помещения № 15». Верхний слой представлял собой стены этой постройки из кирпича сырца. Во втором слое располагался каменное основание «помещения № 15» из блоков туфа, после него идет третий слой вымостки второго пола из повторно использованных фрагментов карасов (толщина ок. 10 см). Четвертый слой образует археологический завал — искусственно созданная забутовка из остатков стен, фрагментов росписей и перекрытий. И пятый слой соответствует первому полу карасной кладовой «помещения № 15», где были найдены вкопанные в земляной пол нижние части разбитых карасов. Судя по стратиграфии участка, «помещение № 15» было перестроено в ахеменидскую эпоху. Новый пол был приподнят на полтора метра, причем карасная кладовая большого зала оказалась ниже второго уровня пола [11, с. 73].

В верхних двух слоях над вторым полом «помещения № 15» росписи не были обнаружены. Основной материал находок в этих слоях представлен фрагментами керамики постурартского периода VI–IV вв. до н. э., которая продолжает традиции урартской керамики и в технике изготовления, и в формах сосудов [12, р. 205]. Однако в числе находок встречаются фрагменты сосудов из т. н. «мидийской керамической традиции» (в том числе, части двуручных кувшинов с зооморфными ручками) [12, р. 205, fig. 2–6]. Они являются маркером постурартской датировки открытой керамики в условиях схожести традиций. В результате и стратиграфия и найденная керамика позволяют отнести верхние два слоя «помещения № 15» к постурартскому периоду.

По данным полевых дневников отряда ГМИИ все фрагменты настенных росписей из «помещения № 15» были открыты в четвертом слое забутовки, т. е. ниже уровня второго пола эпохи Ахеменидов. Судя по характеру забутовки и расположению *in situ* открытых фрагментов живописи в «помещении № 15» на разных уровнях (иногда в несколько слоев), остатки стен урартской постройки вместе с росписями, вероятно, были намеренно сбиты в эпоху Ахеменидов для образования ровного слоя забутовки перед постройкой поверх нового сооружения.

В результате, полевые дневники отряда ГМИИ позволяют воссоздать стратиграфию большого зала дворца в Эрбунни, столь необходимую для корректной датировки культурных слоев и открытых росписей. По архивным сведениям, после перестройки большого зала дворца в эпоху Ахеменидов это сооружение было лишено какой-либо настенной росписи. Тем не менее, сбитые со стен участки живописи из «помещения № 15» усложнили их исследование и реконструкцию группы «светских росписей», поскольку часто фрагменты живописи находили единой грудой в несколько слоев, где вместе лежали и более ранние культовые композиции и необычные «светские сцены». Это обстоятельство и подтолкнуло первооткрывателей Эрбунни к рассмотрению всех фрагментов росписей из «помещения № 15» как единой группы живописи без какой-либо характеристики их датировки.

Завершает второй этап открытий находка в 1968 году армянскими археологами фрагментов настенных росписей в наружном портике, который находился на южной стороне стены крепости Эрбунни. Эта постройка представляет собой открытый 6-ти колонный портик, фланкированный стенами-антами. Первоначально росписи украшали пространство стен внутри портика. Важно отметить, что эта постройка полностью противоречит принципам фортификационной архитектуры Урарту [3, с. 49–50], так как фактически создает брешь в крепостной стене в случае осады. Скорее всего, портик и его живописная декорация принадлежит к постурартской перестройке Эрбунни в эпоху Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.), в дворцовой архитектуре которых портики играют ведущую роль в решении фасадов.

В наружном портике Эрбунни были найдены фрагменты декоративной композиции из больших и малых многолучевых звезд в шахматном порядке на голубом фоне [5, с. 40]. Эти фрагменты практически идентичны живописи с многолучевыми звездами из «помещения № 2» храма Халди, которые составляют единовременную группу постурартской живописи VI–IV вв. до н.э. Также в наружном портике были открыты участки более традиционной живописной многоярусной композиции с 6 полосами: фризами из розетт, пальметт, ступенчатых башенок и рядов жрецов у священных деревьев [5, с. 40–41, табл. 1–2]. Вероятно, эта многоярусная роспись также была выполнена в эпоху Ахеменидов. Скорее всего, постурартские

росписи Эребуни во многом основывались на предшествующей урартской традиции VIII–VII вв. до н.э.

Таким образом, второй этап открытий археологической живописи в Эребуни обогатил картину создания росписей Арин-берда за счет многочисленных и разнообразных находок в «помещении № 15». Они расширили представления о художественной программе урартских росписей, ввели новые т.н. «светские сцены» и в итоге позволили выявить, как минимум, два периода создания живописи Эребуни. Важно отметить, что росписи Арин-берда, открытые в 1960-х годах, до сих пор остаются перспективным и актуальным материалом для исследования монументальной живописи Урарту и ее дальнейшего развития в постурартскую эпоху.

Изучение настенных росписей Эребуни

Исследования археологической живописи Эребуни можно разделить на три периода: публикации материала из раскопок (1951–1960 г.); главные обобщающие труды (1961–1980 г.); проблемные статьи (2005–2019 гг.) с общей тенденцией к пересмотру общепринятой атрибуции «светских росписей» Эребуни, а также публикации новых открытых фрагментов живописи.

Работы первого периода (1951–1960 г.) открывают статья К. Л. Оганесяна о первых находках фрагментов живописи из «помещения № 2» в храме Халди в ходе разведок сезона 1950 г. [4, с. 85]. В этой статье также приводится первое описание реконструкции многоярусной композиции, благодаря хорошей сохранности открытых фрагментов. Далее следует публикация отчета о раскопках отряда ГМИИ на холме Арин-берд в 1955–1956 годах И. М. Лосевой [13]. В этой статье среди найденного материала в колонном зале ападаны («помещение № 1» в храме Халди) указаны небольшие фрагменты орнаментальной росписи и приведена фотография с фрагментом гирлянды бутонов лотоса [13, с. 183, рис. 8]. И завершает работы первого периода публикация К. Л. Оганесяна о результатах раскопок Эребуни за 9 лет. В этой статье кратко рассмотрены находки фрагментов росписей из храма Халди и малого зала дворца [14, с. 291, 294–295, рис. 6–8]. Кроме того, в этой статье Оганесяна приведены первые опыты реконструкций многоярусных композиций и сцены божества на льве с использованием оригинальных фрагментов росписей [14, рис. 7–8].

Публикации второго периода (1961–1980 г.) открывает монография К. Л. Оганесяна 1961 года, посвященная архитектуре Эрбуну. В этом труде настенным росписям отведена отдельная глава [7, с. 58–74], в которой рассматриваются фрагменты живописи, найденные в храме бога Халди и малом зале дворца Эрбуну. В этом труде впервые описывается техника изготовления многоярусных росписей, их цветовое решение, приводятся расчеты системы пропорций для сцены с многолучевыми звездами. Но самое главное — здесь рассматриваются уже целые композиции (сцена с многолучевыми звездами, несколько вариантов многоярусных панно), кропотливо собранные из разрозненных фрагментов росписи [7, с. 59–73].

Открытию фрагментов росписей отрядом ГМИИ в «помещении № 15» в 1960-х годах посвящена совместная статья Н. С. Трухтановой, С. И. Ходжаш и К. Л. Оганесяна 1968 года [15]. Эта публикация сочетает результаты изучения живописи К. Л. Оганесяна с исследованием новых фрагментов росписей из большого зала дворца Эрбуну из раскопок 1962–1966 годов. Фактически эта статья вводит в научный оборот часть уникальных «светских росписей» из Эрбуну. Особый акцент здесь сделан на рассмотрении 6 участков живописи, переданных в коллекцию ГМИИ им. А. С. Пушкина [15, с. 170, 172–174, рис. 2, 3, 6, 9–10]. Также в этой статье впервые приводятся результаты химического анализа штукатурной основы и пигментов [15, с. 165].

Главный труд второго периода представлен монографией К. Л. Оганесяна «Росписи Эрбуну» 1973 года, которая по сей день остается основной публикацией о живописи Арин-берда. Эта работа рассматривает большинство настенных росписей из Эрбуну, которые грамотно поделены по месту их находки (наружный портик цитадели; дворец Аргишти: перистильный двор, малый и большой зал; храм бога Халди). Для сопоставления также приведен краткий обзор фрагментов живописи из Тейшебаини и Алтын-тепе [5, с. 53–54, табл. 49, 51]. Во введении затронут исторический контекст, два периода существования Эрбуну, специфика техники изготовления росписей, их химический состав, стилистические черты, каноны и влияние ассирийского искусства [5, с. 33–40]. Автор старается избегать точных датировок и атрибуций фрагментов, ссылаясь только на урартские строи-

тельные надписи из Эребуни [5, с. 43, 50]. При рассмотрении живописи Эребуни К. Л. Оганесян выстраивает фрагменты в уже разработанные реконструкции композиций, что оправдано для каноничных многоярусных росписей VIII в. до н.э. [5, табл. 7, 10, 14, 45, 47–48]. Сильной стороной этой монографии является альбом с цветными фотографиями фрагментов росписей.

В монографию 1973 года не вошли некоторые фрагменты живописи Эребуни из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. Эту ситуацию исправил совместный труд С. И. Ходжаш, Н. С. Трухтановой и К. Л. Оганесяна о крепости Эребуни 1979 года, где настенным росписям посвящена целая глава [1, с. 53–95, илл. 40–74]. В этой главе представлен искусствоведческий очерк фрагментов живописи из «помещения № 15». Авторы рассматривают стилистику росписей Эребуни, их прямые параллели с ассирийской живописью из Тиль-Барсипа, а для описания сюжетов привлекаются письменные источники и урартские росписи из Алтын-тепе. И завершает вторую группу работ монография К. Л. Оганесяна о крепости Эребуни 1980 года. В ней живопись Арин-берда рассматривается в отдельной главе [2, с. 75–88], которая в сокращенном виде копирует текст монографии 1973 года.

Труды третьего периода (2005–2019 гг.) отчасти являются следствием новых раскопок Арин-берда с 1998 года. Ключевыми работами этого периода являются две публикации о проблеме атрибуции «светских росписей»: статья Ф. И. Тер-Мартirosова [3] и А. Нунн [17]. Эти статьи мы подробнее разберем в следующем разделе. К третьему периоду следует отнести и недавно опубликованные совместные статьи о новых находках росписей Эребуни. Первая коллективная статья 2018 года посвящена анализам пигментов открытого в 2009 году участка росписи с фигуративной композицией на голубом фоне [16, fig. 2–3]. Пробы из этого фрагмента (и других из запасника Историко-археологического музея-заповедника «Эребуни») были изучены с помощью разных методов, получены результаты анализов состава пигментов [16, р. 86–89]. Вторая совместная статья 2019 года рассматривает новый слой живописи с культовой сценой, открытый в результате реставрации фрагмента «светской росписи» с передней частью коня в галопе [8, р. 172–177]. Особая ценность этой публикации заключается

в доказательстве повторного нанесения «светских росписей» поверх слоя с более ранними культовыми композициями [8, fig. 5–8]. К достоинствам этой публикации следует отнести разделы с реконструкцией архитектуры «помещения № 15» и синопсисом всех известных открытий живописи Урарту [8, p. 177–178, 179–183, fig. 10–11].

Атрибуция «светских росписей» Эребуни

Уникальная группа «светских росписей» из Эребуни вызвала дискуссию среди специалистов по вопросу их атрибуции. Всего существует три точки зрения по этой проблеме. **Первая «традиционная» точка** зрения представлена работами первооткрывателей Эребуни: К. Л. Оганесяна, С. И. Ходжаш, Н. С. Трухтановой [1, с. 59–65; 5, с. 44–50]. В них «светские росписи» рассматриваются как часть единовременно созданной урартской живописи Эребуни эпохи Аргишти I–Сардури II (VIII в. до н.э.). Эта атрибуция преобладала вплоть до конца XX века.

Вторая «ахеменидская» точка зрения сформулирована армянским археологом Ф. И. Тер-Мартirosовым в статье 2005 года. Автор предлагает атрибутировать росписи со светскими сценами как постурартскую живопись из Эребуни, созданную в эпоху Ахеменидов [3, с. 48–63]. Главным аргументом Ф. И. Тер-Мартirosова является отличие стиля «светских росписей» от «теофорного» искусства Урарту с выраженным культовым характером [3, с. 46]. При сопоставлении «светских росписей» с официальным искусством Ахеменидов автор находит определенные параллели, указывая на синтез двух культур [3, с. 62–63]. И последняя третья «позднеурартская» точка зрения высказана немецким археологом А. Нунн в статье 2012 года [17, S. 327–331, 335–337]. А. Нунн относит вторую группу «светских росписей» Эребуни и некоторые сцены из живописи Алтын-тепе по своему стилю к позднеурартскому искусству эпохи Русы II (1 пол. VII в. до н.э.). К этому мнению автор пришла на основе близких аналогий «светских росписей» с новоассирийским искусством из Ниневии (VII вв. до н.э.) [17, S. 330–331]. В результате обе публикации изучают стиль «светских росписей» без опоры на археологический контекст, поэтому авторы приходят к разным выводам.

Изучение археологических дневников отряда ГМИИ позволяет нам однозначно решить вопрос атрибуции «светской живописи» Эрбунни. На основе анализа стратиграфии «помещения № 15» можно утверждать, что вся группа живописи из большого зала дворца, найденная в одном 4 слое забутовки, принадлежит к урартской эпохе. «Светские росписи» были повторно нанесены на изначальный слой многоярусной культовой живописи эпохи Аргишти I (VIII в. до н.э.). Поновление росписей в большом зале дворца, вероятно, произошло после землетрясения 1 пол. VII в. до н.э., следы которого зафиксировала в 2016 году армяно-французская экспедиция в Эрбунни [18, р. 134–135, fig. 2]. По своему стилю «светские росписи» принадлежат к позднеурартскому искусству VII в. до н.э., которое отражает заметное влияние ассирийского искусства эпохи Саргонидов. В этом вопросе мы согласны с атрибуцией А. Нунн. Но в отношении времени создания, на наш взгляд, «светские росписи» Эрбунни можно датировать концом правления Русы II или, более вероятно, эпохой Сардури III (ок. 639–625 гг. до н.э.), когда связи Урарту с Ассирией становятся самыми тесными, а Ванское царство *de facto* становится вассалом ассирийской империи [19, с. 31]. Что касается комплекса живописи Эрбунни в целом, то мы предлагаем свою «многоуровневую» точку зрения о его атрибуции. Ее суть заключается в выделении трех групп живописи, которые отражают основные фазы жизни Эрбунни VIII–IV вв. до н.э.: классической культовой живописи VIII в. до н.э. (храм Халди, храм “Susi”, перистильный двор, малый и большой залы дворца), позднеурартской «светской» росписи VII в. до н.э. (поновленный большой зал дворца) и постурартской живописи VI–IV вв. до н.э. (ахеменидские перестройки храма Халди, наружный портик). Эта «многоуровневая» атрибуция отражает археологический контекст находок росписей, приведенный в архивных материалах отряда ГМИИ.

Таким образом, на основании археологических данных можно констатировать, что настенные росписи из «помещения № 15» Эрбунни составляют разновременную группу живописи, где существуют и более ранние культовые многоярусные композиции эпохи Аргишти I и более поздние «светские росписи» 2 пол. VII века до н.э.

Подводя итог, важно отметить, что открытия росписей в Эребуни ознаменовали собой новый этап изучения монументальной живописи Урарту, ее художественных особенностей и иконографии. Особая ценность фрагментов росписи из Эребуни обусловлена возможностью проследить развитие этого вида искусства в урартский и постурартский периоды, выявить творческий метод и нововведения древних живописцев.

Литература

1. Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л. Эребуни. Памятник Урартского зодчества VIII–VI в. до н.э. М.: Искусство, 1979. 168 с.
2. Оганесян К. Л. Крепость Эребуни (782 г. до н.э.). Ер.: Айастан, 1980. 143 с.
3. Тер-Мартirosов Ф. И. Фрески Эребуни урартского и ахеменидского времени. Вестник общественных наук. 2005; (1): 40–65.
4. Оганесян К. Л. Арин-берд (Ганли-тапа) — Урартская крепость города Ирпуни. Известия АН АрмССР. Общественные науки. 1951; (8): 75–89.
5. Оганесян К. Л. Росписи Эребуни. Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1973. 83 с.
6. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. Альбом. Л.: Аврора, 1970. 38 с.
7. Оганесян К. Л. Арин-берд I, Архитектура Эребуни по материалам раскопок 1950–1959 гг. Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1961. 115 с.
8. Dan R., Keheyan Y., Hovhannisyan N., Petrosyan A., Atoyants Y., Vitolo P., Gasparyan B. A New Painting Fragment from Erebuni and an Overview of Urartian Wall Paintings. In: Dan R., Avetisyan P. S. (eds.) *Over the Mountains and Far Away: Studies in Near Eastern history and archaeology presented to Mirjo Salvini on the occasion of his 80th birthday*. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 171–186.
9. Nunn A. *Die Wandmalerei und der glasierte Wandschmuck im Alten Orient*. Leiden — New York — København — Köln, 1988. 257 p.
10. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. II. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Арм.ССР и Государственного Эрмитажа 1949–1960 гг. Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1952. 90 с.
11. Есаян С. А. Каталог археологических предметов Музея истории города Ереван. Вып. 2. Ер., 1967.
12. Kroll St. Notes on the Post-Urartian (Median) Horizon in NW-Iran and Armenia. In: Özfirat A. (ed.) *Scripta — Essays in Honour of Veli Sevin, a Life Immersed in Archaeology*. Istanbul, 2014. P. 203–210.
13. Лосева И. М. Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Арин-берд. Советская археология. 1958; (2): 179–191.
14. Оганесян К. Л. Раскопки урартского города Эребуни. Советская археология. 1960; (3): 289–296.

15. Трухтанова Н. С., Ходжаш С. И., Оганесян К. Л. Росписи Эребуни. Сообщения ГМИИ А. С. Пушкина. 1968; (4): 164–175.
16. Keheyan Y., Badalyan M., Dan R. Some Analyses of Pigments from Erebuni. *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*. 2018; Vol. XII, (2): 83–96.
17. Nunn A. Wandmalerei in Urartu. In: Kroll S., Gruber C., Hellwag U., Roaf M., Zimansky P. (eds.) *Biainili-Urartu. The Proceedings of the Symposium Held in Munich 12–14 October 2007*. Leuven: Peeters; 2012. P. 321–337.
18. Badalyan M. From Erebuni to Karmir blur: Some Remarks on the Establishment of the city of Teishebaini. *The Countries and peoples of the Near and Middle East*. 2020; Vol. XXXIII, (1): 131–140.
19. Дьяконов И. М. Ассиро-Вавилонские источники по истории Урарту. *Вестник древней истории*. 1951; (2): 29–39.

References

1. Hodzhash S. I., Truhtanova N. S., Oganessian K. L. Erebuni. *Pamyatnik Urartskogo zodchestva VIII–VI v. do n.e. [Erebuni. The monument of the Urartian architecture of 8th — 6th centuries BC.]*. M.: Iskusstvo, 1979. 168 p. (In Russ.)
2. Oganessian K. L. *Krepost' Erebuni (782 g. do n.e.) [The Erebuni fortress (782 BC)]*. Yerevan: Ajastan, 1980. 143 p. (In Russ.)
3. Ter-Martirosov F. I. Freski Erebuni urartskogo i ahemenidskogo vremeni [Erebuni frescoes of the Urartian and Achaemenid times]. *Vestnik obshchestvennyh nauk [Herald of the Social Sciences]*. 2005; (1): 40–65. (In Russ.)
4. Oganessian K. L. Arin-berd (Ganli-tapa) — Urartskaya krepost' goroda Irpuni [Arin-berd (Ganli-tapa) — Urartian fortress of the city of Irpuni]. *Izvestiya AN ArmSSR. Obshchestvennye nauki [Herald of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. Social Sciences]*. 1951; (8): 75–89. (In Russ.)
5. Oganessian K. L. *Rospisi Erebuni [Erebuni wall paintings]*. Yerevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1973. 83 p. (In Russ.)
6. Piotrovskij B. B. *Karmir-Blur. Al'bom [Karmir-Blur. The Album]*. Leningrad: Avrora, 1970. 38 p. (In Russ.)
7. Oganessian K. L. Arin-Berd I, *Arhitektura Erebuni po materialam raskopok 1950–1959 gg. [Arin-Berd I, The architecture of Erebuni based on excavations 1950–1959]*. Yerevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1961. 115 p. (In Russ.)
8. Dan R., Keheyan Y., Hovhannisyan N., Petrosyan A., Atoyants Y., Vitolo P., Gasparyan B. A New Painting Fragment from Erebuni and an Overview of Urartian Wall Paintings. In: Dan R., Avetisyan P. S. (eds.) *Over the Mountains and Far Away: Studies in Near Eastern history and archaeology presented to Mirjo Salvini on the occasion of his 80th birthday*. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 171–186.
9. Nunn A. *Die Wandmalerei und der glasierte Wandschmuck im Alten Orient*. Leiden — New York — København — Köln, 1988. 257 p.

10. Piotrovskij B. B. Karmir-Blur. II. Rezul'taty rabot arheologicheskoy ekspedicii Instituta istorii Akademii nauk Arm.SSR i Gosudarstvennogo Ermitazha 1949–1960 gg. [Karmir Blur. II. The results of the work of the archaeological expedition of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Armenian SSR and the State Hermitage in 1949–1960.]. Yerevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1952. 90 p. (In Russ.)
11. Esayan S. A. Katalog arheologicheskikh predmetov Muzeya istorii goroda Erevan [Catalog of archaeological objects of the Museum of the History of Yerevan.]. Issue 2. Yerevan, 1967. (In Russ.)
12. Kroll St. Notes on the Post-Urartian (Median) Horizon in NW-Iran and Armenia. In: Özfiat A. (ed.) Scripta — Essays in Honour of Veli Sevin, a Life Immersed in Archaeology. Istanbul, 2014. P. 203–210.
13. Loseva I. M. Novye arheologicheskie issledovaniya otryada GMII im. A. S. Pushkina na holme Arin-berd [New archaeological research of the team of the Pushkin State Museum of Fine Arts at the Arin-berd hill]. Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology]. 1958; (2): 179–191. (In Russ.)
14. Oganessian K. L. Raskopki urartskogo goroda Erebuni [Excavations of the Urartian city of Erebuni]. Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology]. 1960; (3): 289–296. (In Russ.)
15. Truhtanova N. S., Hodzhash S. I., Oganessian K. L. Rospisi Erebuni [Erebuni murals]. Soobshcheniya GMII A. S. Pushkina [Reports from the Pushkin State Museum of Fine Arts]. 1968; (4): 164–175. (In Russ.)
16. Keheyanyan Y., Badalyan M., Dan R. Some Analyses of Pigments from Erebuni. Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies. 2018; Vol. XII, (2): 83–96.
17. Nunn A. Wandmalerei in Urartu. In: Kroll S., Gruber C., Hellwag U., Roaf M., Zimansky P. (eds.) Biainili-Urartu. The Proceedings of the Symposium Held in Munich 12–14 October 2007. Leuven: Peeters; 2012. P. 321–337.
18. Badalyan M. From Erebuni to Karmir blur: Some Remarks on the Establishment of the city of Teishebaini. The Countries and peoples of the Near and Middle East. 2020; Vol. XXXIII, (1): 131–140.
19. D'yakonov I. M. Assiro-Vavilonskie istochniki po istorii Urartu [Assyro-Babylonian sources on the history of Urartu]. Vestnik drevnej istorii [Herald of ancient history]. 1951; (2): 29–39. (In Russ.)

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ФАРХОР — ПАМЯТНИКА ЭПОХИ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА ОСЕНЬЮ 2021 ГОДА

Виноградова Н. М.¹, Бобомуллоев С.²,
Бобомуллоев Б.³, Ломбардо Дж.⁴

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

^{2,3}Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
АН Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан

⁴Национальный музей восточного искусства и Фонд Леричи, Рим, Италия

Аннотация. *Археологические исследования на могильнике Фархор этого года дают новые данные для ритуала захоронения. В могилах зафиксированы коллективные погребения. Результаты исследований могильника Фархор значительно удревняют хронологическую таблицу культур Юго-Западного Таджикистана и свидетельствуют о заселении этой территории уже в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы.*

Ключевые слова: Южный Таджикистан, могильник Фархор, коллективные погребения, сосуды, хронология.

STUDIES OF THE FARKHOR BURIAL GROUND — A MONUMENT OF THE EARLY AND MIDDLE BRONZE AGE IN THE SOUTH OF TAJIKISTAN IN THE AUTUMN OF 2021

Vinogradova N. M.¹, Bobomulloev S.², Bobomulloev B.³, Lombardo G.⁴

¹Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russia

^{2,3}A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

⁴National Museum of Oriental Art and Lerici Foundation Rome, Italy

Abstract. *Archaeological research at the Farkhor burial ground this year provides new data for the burial ritual. Collective burials are recorded in the graves. The results of the research of the Farkhor burial ground significantly lengthen the chronological table of cultures of Southwestern Tajikistan and indicate the settlement of this territory already in the late eneolithic and early bronze Age.*

Keywords: Southern Tajikistan, Farkhor burial ground, collective burials, vessels, chronology.

Археологические работы на могильнике Фархор в 2021 году проводились международной экспедицией, в состав которой вошли ученые из России, Таджикистана и Италии¹. Раскопки на некрополе Фархор были начаты в 2013 и продолжаются по настоящее время. Результаты исследований на памятнике с 2013 по 2018 годы были опубликованы в монографии Н. М. Виноградовой и С. Бобомуллоева [5] и во многих российских и зарубежных статьях [1; 2, с. 47–66; 3, с. 534–552; 6, с. 78–127; 4, с. 9–20; 7, с. 635–664]. Могильник Фархор — самый ранний из всех известных погребальных комплексов на юге Таджикистана. Могильник находится на окраине г. Пархар, в южной части лессового массива Уртабоз на стрелке двух рек — Пянджа и Кызылсу, в 2 км от афганской границы. Самые интересные результаты были получены при обследовании возвышенности Уртабоз в местности Чилтанбобо на окраине г. Пархар. Все холмы в местности, где находится могильник, сплошь покрыты современными захоронениями. Во время устройства современных могил были затронуты древние погребения, в которых были найдены многочисленные предметы, датируемые эпохой ранней и средней бронзы (середина III — начало II тыс. до н.э.). Это изделия

¹ В экспедиции принимали участие сотрудники Института востоковедения РАН — Н. М. Виноградова, Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана — С. Бобомуллоев, Б. Бобомуллоев, Т. У. Худжагельдиев, М. Наврузбеков, Института Леречи (Рим) — Дж. Ломбардо. Согласно Договору о научном сотрудничестве между Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан и Институтом востоковедения Российской Академии Наук в Южном Таджикистане в течении нескольких лет проводятся археологические исследования на памятниках конца III — начала II тыс. до н.э.

из камня: мраморные гири, «жезлы, сосуды из оникса, глиняные модели «дома», серебряные браслеты и керамические сосуды.

В предыдущие годы с 2013 по 2018 гг. на могильнике, в местах, свободных от современных могил, было заложено восемь раскопов и раскопано 55 погребений. Могилы не перекрывают друг друга и находятся на расстоянии от 1 до 4 м друг от друга. Для некоторых захоронений была зафиксирована подбойная или катакомбная конструкция могильных сооружений. С уровня древнего горизонта холма вертикально или под углом копали входную яму. Затем в ее стенке, обращенной к повышению склона, устраивали нишу для погребальной камеры. Детские захоронения имеют ямную конструкцию и могилы находятся на небольшой глубине.

В 2021 году были продолжены работы на раскопах 2, 6А и разбит новый раскоп 9².

Раскоп 2. Работы на этом раскопе проводились с 2014 по 2018 гг. В этот раскопочный сезон к раскопу 2 с юго-восточной стороны была сделана прирезка 6 х 8 м. Во время археологических работ на раскопе 2 было открыто три захоронения эпохи ранней бронзы и шесть погребений мусульманского времени³.

Захоронения бронзового века

Погребение 57 открыто на глубине 1,7 м от дневной поверхности (рис. 1). Погребальная камера квадратно-овальной формы (1,5х1,4 м). Входная яма не обнаружена. Погребение коллективное. В северной части могилы кости лежат в анатомическом беспорядке, так как они были сдвинуты при подходе к захоронению других умерших. В центральной и южной части камеры находились еще два скелета в скорченной позе, головой на запад и спиной друг к другу. Первый скелет лежит на правом боку, обе руки согнуты в локте и находятся перед лицом. На черепе скелета найдена каменная бусина из сердолика (рис. 1,1). В районе шеи зачищена еще одна бусина из бирюзы (рис. 1,2). Второй скелет находился на левом боку. У черепа найдено каменное

² В 2019 и 2020 годах работы на могильнике не проводились.

³ В данной статье мы приводим результаты исследований только погребений бронзового века.

навершие (рис. 1,3) и в районе пояса — каменное пряслице (рис. 1,5). Еще одно каменное навершие (рис. 1,4) и бусина из сердолика (рис. 1,6) были обнаружены в центральной части могилы. По антропологическому определению кости первого скелета на правом боку принадлежали мужчине 25–35 лет⁴. Второй скелет на левом боку — женский 35–35 лет. Третий скелет, чьи кости лежали в анатомическом беспорядке, — мужской 24–30 лет.

Погребение 58 открыто на глубине 1,6 м. Скелет лежит в скорченном положении голой на северо-запад. Расчищены череп и несколько костей ног. Погребение безинвентарное.

Погребение 59 находилось на глубине 1,5 м. Скелет лежит на правом боку, головой на северо-восток. Сохранность скелета плохая, расчищен череп и кости рук и ног.

Раскоп 9 (6х6м) находится в 12 м к северу от раскопа 2. Раскоп был заложен на этом месте, так как рядом на современной могиле был найден каменный жезл. На раскопе открыты два погребения ранней бронзы, яма № 1 и несколько погребений мусульманского времени.

Захоронения бронзового века

Погребение 56 открыто на глубине 1,8 м (рис. 2). Входная яма не обнаружена. Могила (1,6х1,2 м) имеет округло овальную форму. В погребении лежали два скелета лицом друг к другу в скорченном положении, головой на север. Первый скелет погребен на левом боку. Левая рука согнута в локте, кисть перед лицом. Правая рука опущена вниз. Под черепом скелета обнаружены две гальки (рис. 2, 3,5).

Второй скелет лежит на правом боку, руки опущены вниз. Около шейных позвонков расчищена бусина из сердолика (рис. 2,1) и каменная пронизка (рис. 2,2). Около плечевой кости найдена еще одна бусина из сердолика (рис. 2,4). Под черепом в области ушной раковины обнаружена бронзовая серьга крюковидной формы (рис. 2,6). По антропологическому определению черепа скелетов — узколицые, долихоцефальные. Первый скелет на левом боку принадлежал женщине 35–45 лет и второй скелет на правом боку — мужчине 30–40 лет.

⁴ Все антропологические определения выполнены сотрудником Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша М. Наврузбековым.

Погребение 60 открыто на глубине 2,3 м. Входная яма не зафиксирована. Погребальная камера (1,2х0,8 м) имеет овально вытянутую форму. Скелет лежал на левом боку в сильно скорченном положении, головой на северо-запад. Руки согнуты в локте, кисти рук перед лицом. У восточной и западной стенки камеры расчищены две гальки. По антропологическому определению скелет принадлежит женщине 30–45 лет.

Раскоп 6А

Исследования на этом раскопе проводились в предыдущие годы. Раскоп находится в 500 м к северо-востоку от раскопов 2 и 9. В этом году к существующему раскопу была сделана прирезка 4х6 м. Во время археологических исследований было открыто три погребения эпохи ранней бронзы.

Погребение 61 расчищено на глубине 1,6 м. Входная яма не найдена. Погребальная камера (1,25х1 м) овальной формы. Захоронение коллективное, в могиле лежали три скелета — два взрослых и один детский. Кости скелета у северной стенки могилы были сдвинуты и находятся в анатомическом беспорядке. По антропологическому определению это был мужской скелет. В могиле находились еще два скелета. По определению антропологов, один из них женский и другой детский возрастом 6–7 месяцев. Повторное захоронение могло произойти через входную яму, которая находилась у южной стенки погребальной камеры. Женский скелет лежал на левом боку в скорченном положении, руки согнуты в локте и кисти рук положены на шею младенца (сохранился только череп и кости рук). Головой скелеты ориентированы на юго-запад. Бусы из алебаstra и камня расчищены у шейных позвонков и рук женского скелета: восемь бусин цилиндрической формы (рис. 3,2,2а,4), две шестигранные бусины (рис. 3,5,8), прониска составная из шести бусин (рис. 3,3), три бусины ромбовидной формы (рис. 3, 6,10) и две бусины бочковидной формы (рис. 3,7,7а). Одна подвеска и две бусины ромбовидной формы были найдены около шейных позвонков младенца (рис. 3,1,9).

Погребение 62 находилось в двух метрах к югу от могилы 61 на глубине 1,6 м. Скорее всего погребение было с входной ямой, так как сохранились куски пахсы от заклада в камеру. Захоронение парное. Здесь кости одного

из скелетов были сдвинуты к задней стенке погребальной ямы. По определению антропологов это был мужской скелет. Судя по костям, он лежал на правом боку. Другой скелет (женский) был положен на левый бок в скорченном положении головой на юго-запад. Руки согнуты в локте и кисти рук находятся перед лицом. Захоронение безинвентарное.

Погребение 63 открыто на глубине 1,7 м. Могила ограблена. Вход в погребальную камеру был заложен кирпичами (8х12 см) и кусками пахсы, которые были разбросаны по всей камере. Глубина могильной ямы 0,4 м. В могиле зачищены небольшие фрагменты костей человека, камушки и фрагменты керамики. Рядом с погребением на глубине 0,7 м найдена миска и каменная пронизка. Эти предметы скорее всего были выброшены из могилы при ограблении.

Археологические исследования на могильнике Фархор этого года дают новые данные для ритуала захоронения. В могилах зафиксированы коллективные погребения с подзахоронением в погребальную камеру. По данным радиоуглеродного анализа C14 погребения эпохи ранней бронзы на могильнике Фархор датируются временем 2800/2700–2300 гг. до н.э. Результаты исследований могильника Фархор значительно удревняют хронологическую таблицу культур Юго-Западного Таджикистана и свидетельствуют о заселении этой территории уже в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы.

Литература

1. Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б. Некрополь Фархор — новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана. Известия Академии Наук Республики Таджикистан. Отделение общественных Наук. № 3 (235). Душанбе, 2014: 39–47.
2. Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана. ЗИИМК. № 5. 2015: 47–66.
3. Виноградова Н. М., Бобомуллоев С. Предварительные результаты исследований могильника Фархор — памятника эпохи бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 г. Маргианская экспедиция. Труды. Т. 6. М.: Старый Сад, 2016: 534–552.
4. Виноградова Н. М., Бобомуллоев С. Этнокультурные процессы на территории Юго-Западного Таджикистана в эпоху ранней бронзы. Древность: историческое знание и специфика источника. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 21. М., 2019: 9–20.

5. Виноградова Н. М., Бобомуллоев С. Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. Москва: МБА 2020.
6. Bobomullov S., Vinogradova N., Bobomullov B. (with contributions, by M. Teufer and G. Lombardo). Preliminary results of research of the Burial Ground of Farkhor, the Middle Bronze Age Monument in the South of Tadjikistan / Материалы Фархорской экспедиции. Вып. I. Душанбе, 2017: 78–127.
7. Vinogradova N. The Formation of the Oxus civilization. ВМАК in Southwestern Tadjikistan, ed. B. Lyonnet, N. Dubova. The Word of the Oxus civilization. London, New York: Routledge, 2021: 635–664.

Сокращения

ЗИИМК — Записки ИИМК РАН. СПб.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ШАНХАЕ (ПО СЛЕДАМ РУССКОЙ РЕКЛАМЫ)

Мингью Гао

Аспирант департамента истории и археологии
Дальневосточного федерального университета, Владивосток,
остров Русский.

gao.mi@dvfu.ru, ORCID: 0000-0002-2836-4610

Аннотация. *Данная статья посвящена проблеме изучению «рекламы русских эмигрантов в Китае в первой половине XX века» с позиций полевых и исторических исследований, а также анализируется соответствующая российская архитектура. Шанхай является одним из основных мест жительства русских эмигрантов, поэтому проведение полевых работ в Шанхае имеет важное значение. Под руководством своего научного руководителя профессора ДВФУ А. А. Хисамутдинова с 11 по 21 декабря 2021 г. автор провела 10-дневные полевые исследования в Шанхае. Актуальность данной темы заключается в уникальности русской материальной культуры в Шанхае. Автор исследует материальную культуру русских эмигрантов Шанхая с точки зрения рекламы, сопоставляя прошлое с настоящим, описывая жизнь русских эмигрантов в Шанхае того времени и их влияние на развитие шанхайской культуры. Сегодня в Шанхае имеются здания, связанные с русскими: Здание Русско-Азиатского банка, театр Нанкина, театр Лайсеум, Свято-Николаевский Храм-Памятник, Кафедральный собор иконы Божией Матери «Споручница грешных. Они являются историческими свидетельствами пребывания русских эмигрантов в Шанхае. Посещение этих мест помогает исследователям расширить источниковую и материальную базу своих исследований. В ходе осмотра автор также взяла интервью в Шанхае у председателя Общества соотечественников в Китае М. В. Дроздова.*

Ключевые слова: русская эмиграция, Шанхай, русская реклама в Китае, китаеведение, востоковедение.

FIELD RESEARCH IN SHANGHAI
(EXPLORING RUSSIAN ADVERTISING)

GAO MINGYUE

Post-graduate student of the Department of History and Archeology
of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island.

gao.mi@dvfu.ru, Orcid: 0000-0002-2836-4610

Abstract. *This article is devoted to the problem of studying «advertising of Russian emigrants in China in the first half of the 20th century» from the standpoint of field and historical research, and also analyzes the corresponding Russian architecture. Shanghai is one of the main residences of Russian emigrants, so field work in Shanghai is important. Under the guidance of his supervisor, FEFU professor A. A. Khisamutdinov from December 11 to 21, 2021, the author conducted a 10-day field research in Shanghai. The relevance of this topic lies in the uniqueness of Russian material culture in Shanghai. The author explores the material culture of Russian emigrants in Shanghai from the point of view of advertising, comparing the past with the present, describing the life of Russian emigrants in Shanghai at that time and their influence on the development of Shanghai culture. Today in Shanghai there are buildings associated with the Russians: The building of the Russian-Asian Bank, Nanjing Theater, Liseum Theatre. St. Nicholas Church-Monument, Cathedral of the Icon of the Mother of God “Guide of sinners. They are historical evidence of the stay of Russian emigrants in Shanghai. Visiting these places helps researchers expand the source and material base of their research. During the inspection, the author also interviewed M. V. Drozdov, chairman of the Society of Compatriots in China, in Shanghai.*

Key words: Russian emigration, Shanghai, Russian advertising in China, sinology, oriental studies.

Введение

В первой половине 20 века в Шанхае проживало значительное количество иностранцев, среди которых особую группу составляли русские эмигранты (7–10 тысяч). После Октябрьской революции, в связи со строительством Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), Харбин, сформировавший «малороссийских эмигрантов», стал для этих людей идеальным пристанищем. Большое количество русских эмигрантов поселилось в Харбине, но многие продолжали путешествовать в Шанхай через различные китайские города и водные пути. Пребывание русских эмигрантов в Шанхае проходило в три этапа: 1917–1933, 1933–1941 и 1941–1949 годы [1, с. 60]. «Харбин известен как крупнейший в Китае центр размещения русских эмигрантов» [2, с. 68]. Шанхай пережил две волны роста российской эмиграции. В начале 1918 г. в Шанхай прибыла первая группа русских дворянских беженцев. Правительство Шанхая выступало против присутствия новых беженцев, однако несмотря на данный факт, недовольство местных властей не остановило поток русских эмигрантов. 5 декабря 1922 г. и 14 сентября 1923 г. генералы Г. К. Старк и Ф. Л. Глебов прибыли в порт Узун на военных российских кораблях, которые перевезли в Шанхай тысячи новых беженцев-белогвардейцев. Внезапное появление 2000 обедневших русских беженцев на улицах Шанхая резко контрастировало с русскими эмигрантами, которые проживали в Шанхае уже большой отрезок времени. Появление вооруженного флота под флагом могущественной страны, которая больше не существовала, оказывало грубое давление, что, естественно, вызывало негативную реакцию всех слоев общества Шанхая. Подавляющее большинство китайских и иностранных властей Шанхая и представителей всех слоев общества выступали за оказание некоторой помощи, чтобы белогвардейцы-эмигранты могли покинуть Шанхай. На тот момент общее количество русских беженцев, оказавшихся в Шанхае, достигло более 6000 человек [3, с. 163]. 18 сентября 1931 г. Япония начала оккупацию Северо-Востока Китая и российские эмигранты, проживающие в Харбине, служившие на Восточно-Китайской железной дороге, переехали в Шанхай. В 1932 г. японские власти создали государство Маньчжоу-Го. После того, как Советский Союз принял решение продать КВЖД Японии и властям

марионеточного Маньчжоу-Го в 1935 г., большинство эмигрантов были уволены. Тогда в Шанхай прибыли 2285 бывших белогвардейцев и 204 советских граждан [4, с. 61]. Среди них были торговцы с длинной историей семейного бизнеса, также авантюристы, которые приезжали с целью на наживы, опираясь на собственную фортуна, также были богатые аристократы и художники, которые приезжали в поисках безопасного места из-за политических притеснений. Эти иностранцы приехали в Шанхай, и в своём жизненном процессе в Шанхае они распространяли свою местную культуру и демонстрировали свои этнические обычаи, что наполняло некоторые районы Шанхайской концессии экзотической атмосферой. Их деятельность оставила большой в истории Шанхая.

Историография

В исследовании российских ученых обязательно упоминается альбом «Русские в Шанхае» [5] под редакцией и составлением В. Д. Жиганова. В этом издании автор сделал подробные записи опрошенных русских эмигрантов в Шанхае, включая их жизненный опыт, занятия, которыми они занимались в то время и т.д. Одновременно он зафиксировал и масштабные русские эмигрантские магазины, клубы, и существовавшие в то время благотворительные организации, церкви и другие важные организации проводившие брифинги, и ко всему прилагалось много фотографий. Возможно, это самый ранний и наиболее полный отчет о жизни русских эмигрантов в Шанхае. Фотографии в книге оказались очень полезными автору для сравнения прошлого и настоящего. Также была полезной монография «Русская словесность в Шанхае» [6], написанная моим научным руководителем А. А. Хисамутдиновым. В этой книге рассказывается о книгоиздании в Шанхае XX века. Также ценной является книга О. И. Курто «Русский мир в Китае: исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев» [7]. На основе научных исследований, официальных отчетов, автобиографий и воспоминаний участников мероприятия в этой книге собраны полевые исследования автора за период 2006–2012 гг. В различных регионах Китая, а также в России анализируется история формирования русского населения на территории Китая, изучаются факторы слияния или

обособления русских в инокультурной среде, приводятся современные данные о численности Русских общин и их статус в китайском обществе.

Китайские ученые также провели много исследований на эту тему. «История русских эмигрантов в Шанхае» (опубликована в 1993 г.) [8] ученым Шанхайской академии социальных наук Ван Чжичэном. Это первая китайская монография, напечатанная в стиле «энциклопедии» по русским эмигрантам в Шанхае. На основе большого количества исторических материалов автор всесторонне и подробно рассказал о жизни русских эмигрантов в Шанхае, социальных проблемах русских эмигрантов, а также о положении различных социальных групп и различных отраслей экономики. и т.д. Также этот автор написал книгу «Русские эмигранты-музыканты в Шанхае (1920–1940)» (опубликовано в 2007) [9], «Современная жизнь шанхайской русской диаспоры» (опубликовано в 2008) [10] и «Карту русской культуры в Шанхае» (опубликована в 2010) [11] позволило обогатить результаты исследований истории русских эмигрантов в Шанхае, и заложить прочную основу для исследований будущего поколения. Карты в его книге помогли автору в этой полевой работе, но также выявили неправильные номера некоторых зданий. В 2016 г. Шанхайский муниципальный архив составил и выпустил альбом «Шанхайские воспоминания о России» (опубликована в 2016) [12].

Консультации и архивные материалы

Русская эмигрантская пресса в Китае представляет собой уникальное явление в жизни российского зарубежья. По китайской статистике, русские эмиграции издавали всего 189 газет и 305 журналов. Наибольшим тиражом печаталась газета «Слово» и «Шанхайская заря». «Шанхайская заря», основанная М. С. Лембичем в Шанхае в 1925 г., является единственной русскоязычной газетой в Китае, которая долгое время выходит утренней и вечерней полосами. Её процесс становления и развития напрямую связан с историей русских эмигрантов в Китае. «Шанхайская заря» начиналась с шести страниц в день, с неуклонным увеличением тиража, обычно фоллиант достигал восемь — десять страниц, в воскресенье 16–24 страницы, из которых реклама занимает половину страниц. Библиотека Зикавей 徐家汇藏书楼 (№ 80 Цао-Си-Бэй-лу 上海市漕溪北路80号) специализирует-

ся на сборе материалов на иностранных языках, опубликованных в Китае до 1950 г., и в настоящее время она является частью Шанхайской библиотеки. Оригинальные выпуски этих двух газет можно только увидеть в Библиотеке Зикавей.

Следует отметить, что в этом осмотре шанхайских зданий помогала Катя Князев — журналист, историк и краевед. Выросла в Сибири, прожила десять лет в Китае, переехала в Италию. В Шанхае она фотографировала архитектурное наследие, экспериментировала с раритетными советскими камерами и просроченной пленкой, опубликовала иллюстрированный атлас старого города в двух томах. Ее сайт посвящен карте исторических фотографий старых зданий Шанхая, что очень помогло мне в моих исследованиях. В ходе беседы она также упомянула, что, хотя следов России в Шанхае становится все меньше и меньше, все же имеется более 70 зданий, построенных русскими архитекторами [13].

В полевых исследованиях автор также использовала интервью с Михаилом Владиславовичем Дроздовым [14]. Он является Председателем Всемирного координационного совета российских соотечественников; Член Координационного совета по международному сотрудничеству при Общественной палате Российской Федерации; управляющий — партнер China Window Consulting Group (Шанхай, КНР) и председатель Русского клуба в Шанхае. Дроздов собирает книги, изданные русскими эмигрантами (<http://russianemigrant.ru>). На данный момент собрано 1142 экземпляра. Он сказал, что почти все издания были получены от русских эмигрантов в других странах, и лишь немногие из них собраны в Китае. Можно заметить, что на последних страницах этих книг напечатаны рекламные объявления, что также подтверждает наши предыдущие выводы. Его жена Саша Дроздова помогла автору с экскурсией по местам, где жили русские эмигранты в 20 веке. Дроздовы пояснили, что по многим причинам положение россиян в Китае не являлось оптимистичным, и большинство из них думали о возвращении в Россию. (Рис. 1). [15]

Бывшие места проживания россиян очень сконцентрированы. До 1920-х гг. они в основном жили на Нанкинской улице (南京路), а после 1920-х гг. это был район улицы Хуайхай (淮海路).

Достопримечательности материальной культуры

Шанхайский исторический музей (上海历史博物馆) (№ 325 Дорога Нанкин) . Жаль, что в основном в нем отражена китайская история с рассказом о том, как китайские компании работали, но почти вся деятельность иностранцев замалчиваются.

Спортивное здание, построенное в 1928 г., сегодня занято Шанхайским спортивным музеем (上海体育博物馆) (№ 150, Дорога Нанкин) , которое само по себе представляет историческую реликвию. Ранее в нем размещалась Молодежная ассоциация эмигрантов, ставшая свидетелем векового развития современного спорта. После открытия, в качестве музея люди могут войти в здание и оценить стиль старого здания в более точных деталях. Выставочный зал на первом этаже в основном рассказывает об историческом процессе внедрения современных видов спорта вместе с иностранными эмигрантами с момента открытия Шанхая в качестве порта. Выставочный зал занимает площадь 291 кв. м и демонстрирует большое количество ценных современных спортивных исторических реликвий и картин. Во время визита можно узнать о социальных особенностях современного Шанхая, о первых и современных видах спорта, таких как скачки, гребля, стрельба, настольный теннис и спортивная ходьба в Шанхае, о спортивных занятиях и исторических событиях того времени.

Музей Юхенга (有恒博物馆) . Это частная коллекция, где в основном представлены иностранные предметы. Многие документы запрещены к просмотру, но мне разрешили прочитать некоторые.

Дорога Хуайхай (淮海路) . После первых лет тяжелой жизни, в конце 1920 г. положение русских эмигрантов в Шанхае заметно изменилось. Большинство русских эмигрантов сумело укрепиться, и их семейная жизнь и имущество значительно улучшились. Из-за тесных отношений между Россией и Францией в истории многие русские эмигранты, которые обладали лучшим семейным экономическим положением предпочли жить во Французской концессии, где в 1920 г. проживало 200 русских эмигрантов, а к 1928 г. их число увеличилось до 2300 человек. В это время количество русских эмигрантов в этой концессии было в три раза больше, чем французов. Большинство россиян занимались промышленностью и торговлей.

Некоторые русские эмигранты управляли производством женских шляп и головных уборов, а изготавливали женскую и детскую одежду. Пекарни, русские продовольственные магазины, магазины часов и ювелирных изделий и прочие предприятия выжили в жесткой конкуренции. Быстрое развитие бизнеса русских эмигрантов в Шанхае побудило многие российские фирмы в Харбине, Тяньцзине и Циндао перевести свои бизнес-центры в Шанхай.

Дорога Хуайхай (淮海路) в 20 веке называлась Авеню Жоффри (霞飞路). Ван Чжичэна отметил «С начала 1930-х гг. русская община в Шанхае становилась все более зажиточной, особенно населенный центр русского зарубежья — Авеню Жоффри (ныне Дорога Хуайхай), стали окрашиваться последние славянские настроения: ровные ряды платанов, черно-белые летние зонтики, лавочные вывески с сильным русским колоритом, толстая кавказская посуда, клумбы в Подмоскovie, волжские духи, восточные Европейский стиль Большие блюда, грубое и глубокое пение, танец с основным шагом слалома... все это изумительно, и именно поэтому окрестности Авеню Жоффри быстро называют «Петербургом Востока»» [8, с. 699].

В это время количество русских магазинов на Авеню Жоффри выросло до пяти-шести сотен. В 1920-х и 1940-х гг. Ее протяженность составляла около четырех километров, и стала выставочным залом для российских бизнесменов. Здесь имелись роскошные квартиры, фешенебельные магазины, русские рестораны, булочные, театры и православные храмы. Здания прошлого также имеют большое значение для современных исторических исследований и сами по себе являются формой рекламы. Поэтому автор провела сравнение и исследование исторических зданий между древними и современными по различному рекламному содержанию. [16, с. 282].

Многokвартирный дом, арендуемый русскими эмигрантами, также находится в этом районе, например, многokвартирный дом «Берн» 培恩公寓 (№ 449–479 Дорога Хуайхай), многokвартирные дома «кансуй» 康绥公寓 (№ 468–494 Дорога Хуайхай), №), многokвартирные дома «Юне» 永业大楼 (№ 481 Дорога Хуайхай), многokвартирные дома «фэйлун» 飞龙公寓 (№ 538–544 Дорога Хуайхай), многokвартирные дома «Тайшань» 泰山公寓 (№ 622 Дорога Хуайхай). Внешний вид этих зданий не изменился, в основном

сохраняется схема смешанной коммерческой и жилой застройки, то есть первый этаж вдоль улицы отведен под магазины, а верхний этаж — под жилые дома.

Экономический аспект

Кафе И. П. Ткаченко (特卡琴科咖啡厅), открытое братьями Ткаченко, — один из первых ресторанов Шанхая, по масштабам занимает первое место во Французской концессии, а в саду на заднем дворе могло разместиться более 100 столиков. Этого здания больше нет и нет людей, не знающих его, В. Д. Жиганов написал “Фирма существует на Дальнем востоке с 1907 г., и в Шанхае с 1926 г. Как в России, так и здесь в Шанхае фирма всегда славилась своими прекрасными кондитерскими изделиями, вырабатываемыми в большом количестве” [5, с. 145]. Кафе регулярно рекламировалось в китайской газете «Шень-Бао». Например, объявление в газете за апрель 1933 г.: «Сегодняшняя специальная программа, известные танцоры, превосходные навыки, живые и замечательные» [17].

Кроме того, русские магазины на Авеню Жоффр много раз меняли владельцев и предназначение после ухода русских эмигрантов, и до сих пор есть некоторые бренды, которые хорошо известны шанхайским женщинам и детям. «Сине-фармаци» (信谊药房) (№ 601, Дорога Хуайхай) в то время ежедневно публиковала объявления в газетах «Слово», например объявление от 3 января 1930 г. гласило “Sine Pharmacy. A. M. Rochlin Dr. Ph. 746 Avenue Joffre Shanghai. К предстоящим праздникам предлагает Большой выбор парфюмерий, косметики, изящные пудреницы, флакончики для духов, приборы для маникюра, мыла и т. д. Аптеки снабжены всеми новейшими патентованными средствами, рецепты приготавливаются исключительно дипломированными фармацевтами, Аптека открыта с 9 ч. утра до 10 ч. ночи” [18]. Из содержания рекламы можно узнать, что в аптеке продавалась и косметика. Как бренд с вековой историей, «Сине» и по сей день является одной из известных фармацевтических компаний в Шанхае. Шанхайский магазин женских товаров (№ 449–479, Дорога Хуайхай), бывший магазин шелка, открытый русским бизнесменом Ивановичем, продает все виды шелка, шерсти и тканей. Химчистка Чжэнчжан (正章洗染商店) (№ 60,0

Дорога Хуайхай), Харбинская пищевая фабрика № 1 (哈尔滨食品厂) (№ 466 Дорога Хуайхай), и другие российские коммерческие предприятия все еще можно увидеть.

Здание Русско-Азиатского банка (华俄道胜银行), Адрес: № 15, Чжуншань Восточная 1-я дорога), построенное в 1902 г., стало одним из самых влиятельных финансовых учреждений Азии в начале XX в., оно также известно как один из шести самых важных банков мира. Сейчас это Китайский торговый центр иностранной валюты (中国外汇交易中心). (Рис. 2) [19]

Художественная деятельность

При укреплении материального положения русские эмигранты занялись расширением во всех сферах литературной и художественной жизни Шанхая.

Шанхайский музыкальный театр, известный в прошлом как театр Нанкина南京大戏院 (№ 466, проспект Хуанпу), открылся 26 марта 1930 г. Здание построено в европейском стиле, со светлыми тонами и ровными пропорциями классических колонн и купонных дверей. «Несмотря на то, что здание театр построили не так давно, когда почти каждый вновь выстроенный дом, представлял из себя большую коробку, безобразящую город, Нанкинский театр, как исключение, ласкал и радовал глаз своей архитектурой и художественной отделкой и являлся одним из самым ярким украшением улицы» [5, с. 21]. Несмотря на тот факт, что большой Нанкинский театр построили для показов фильмов, он также являлся основной площадкой для выступлений Муниципального симфонического и духовой оркестров, которые были созданы в 1876 г. С 1925 по 1941 г. В коллективе было в среднем 45 человек, около двух третей из которых были выходцами из России. В состав коллектива в разное время входило более 50 российских музыкантов. Каждое воскресенье днем они проводили камерные концерты в крупных театрах, таких как театр Нанкина, кинотеатр Гуанмин и театр Ланьсинь. По статистике, с 1930 по 1941 г. коллектив провел 1159 концертов различного характера [11, с. 90]. Великолепие Большого театра Нанкина видно из рекламы в различных газетах и журналах. Объявление в газете «Шанхайская заря» за 1936 г. гласило «Сегодня в 2.30, 5.30 и 9.15 ч. вечер.

Большой музыкальный боевик 1936 года! РОЗ-МАРИ» [20]. А по содержанию рекламы видно, что спрос программ обновлялся каждый день.

Кинотеатр Гуанмин 大光明电影院 (№ 258 Дорога Нанкин) — первоклассный кинотеатр Шанхая и даже Дальнего Востока, который мог вмещать почти 2000 зрителей. 25 февраля 1936 г. здесь давал концерт известный русский артист Ф. И. Шаляпин, поэтому в ту ночь вход в театр был переполнен. Билеты на оба спектакля были проданы с очень большой скоростью. Самый большой и роскошный театр Дальнего Востока, вмещавший 2000 зрителей, был полон [11, с. 108]. На сегодняшний день кинотеатр Гуанмин по-прежнему является важным местом проведения международных мероприятий в области киноискусства в Шанхае. В настоящее время первый этаж используется как исторический выставочный зал, где представлены фотографии и плакаты различных этапов его развития. К сожалению, из-за эпидемии выставочный зал был закрыт для посещения.

Построенный в 1931 г. театр Лайсеум (兰心剧院) (№ 57, Южная дорога Маомин) служил неофициальным центром русской культуры на Французской концессии. В настоящее время в театре имеется 446 посадочных мест, 250 из которых расположены на нижнем ярусе. Здесь проходят концерты, цирковые и танцевальные программы, театральные постановки разных жанров. Театр тесно сотрудничает со многими зарубежными театрами. На первой странице газеты «Шанхайская заря» ежедневно можно увидеть список программ Театра Ланьсинь и стоимость билетов. В 1953 г. Лайсеум переименовали в Шанхайский художественный театр, который до начала 1990-х служил основной площадкой для муниципального центра драматического искусства. В 1991 г. театру вернули историческое название, а в 2004 г. здание Лайсеум отреставрировали. К сожалению, на момент осмотра в театре шел ремонт, поэтому я не зашла в театр для осмотра.

Угол бывшего Авеню Жоффри украсило грациозное здание в стиле ар-деко — кинотеатр «Катэй» (国泰电影院) (№ 870, Дорога Хуайхай). Самый современный на то время кинозал в городе был оборудован кондиционерами, что являлось неслыханной роскошью. Он до сих пор работает как кинотеатр.

Религиозный аспект

После Октябрьской революции Православная церковь стала источником духовной и культурной поддержки огромного числа русских эмигрантов в Шанхае. “Только поддерживая богатую духовную жизнь, и укрепляя религиозные убеждения, русские эмигранты могли продолжать существовать как члены единого русского народа. Также существует и русская идеология — это «Святая Русь»” [21]. Дворяне-эмигранты последовательно построили 12 церквей в Шанхае. К концу 1930-х гг. в Шанхае насчитывалось более десяти православных храмов, из которых самыми известными были Свято-Николаевский Храм-Памятник и Кафедральный собор, и только они сохранились до наших дней.

Свято-Николаевский храм-памятник (圣尼古拉斯教堂) (№ 16 Дорога Гаолань). В. Д. Жиганов отметил: “И внутри храм представляет собою шедевр современного церковного зодчества — оригинальный высокий иконостас, стены, украшенные лепкой и изразцом и красиво изогнутые арки. При своем блеске и торжественности, он имеет и тот редкий духовный уют, который так располагает к молитве сердца молящихся. Храм возвышается над Французской Концессией своими пылающими на солнце куполами, наполняя сердца русских людей чувством духовной и национальной радости” [5, с. 35]. Там сейчас работает книжный магазин (思南书局). Реклама этого книжного магазина очень интересна. Чтобы привлечь много людей для фотографирования, они вывесили снаружи огромного Санта-Клауса. Очевидно, что это ошибка, вызванная непониманием культуры и истории. Но внутри здания все еще можно увидеть, как выглядел храм в прошлом. (Рис. 3) [22]

Кафедральный собор иконы Божией Матери «Споручница грешных» “罪人之保障—圣母” 主教座堂 (№ 55 Дорога Синьлэ) — крупнейший архитектурный памятник русских переселенцев в Шанхае. По форме зал Богородицы похож на оригинальный Храм Христа Спасителя в Москве, вмещающий 2500 прихожан и хор до 300 человек. Он известен как Кремль Китайской православной церкви. Сбор средств на строительство начался в 1928 г. Через два г. были учреждены церковные займы, позволившие привлечь крупные суммы денег. Первые отозвавшимся на призыв

владыки к верующим о жертвенности был владелец строительной конторы А. А. Рейер, который, на свой счет, забил сваи и сделал фундамент собора, работа, которая оценивается в 15,000 долларов [5, с. 36]. И вплоть до окончания работ в 1937 г. строительство поддерживалось то пожертвованиями состоятельных эмигрантов. Еще до завершения строительства собор начал регулярно функционировать, и вскоре стал центром деятельности русской общины. После образования Китайской народной республики и в связи с отъездом русских эмигрантов из Шанхая, в феврале 1962 г. собор прекратил религиозную деятельность после совершения своего последнего религиозного обряда. В июле 1988 г. Шанхайский муниципальный комитет по управлению культурными реликвиями провел капитальный ремонт собора и обнаружил внутри изысканные фрески (ремонт завершили в сентябре 2007). 18 марта 1994 г. муниципальное народное правительство Шанхая объявило его выдающимся историческим зданием Шанхая.

Литературная деятельность

Один из известнейших памятников в Азии посвящен А. С. Пушкину (普希金纪念碑) (№ 1–5, Дорога Юэян) находится в Шанхае. Он является свидетельством пребывания в этом городе русских эмигрантов в 30–40-е гг. XX в. Судьба этого памятника, кстати, весьма драматична. Несмотря на оторванность от родины и не востребованность на чужбине, русские эмигранты, проживающие на территории Шанхая стремились всячески сохранить свою национальную идентичность и культуру. В феврале 1937 г. исполнялось 100 лет со дня смерти А. С. Пушкина. Русское общество в Шанхае решило широко отметить день памяти поэта и установить ему памятник в месте компактного проживания русских [23]. Памятник оставался нетронутым в течение семи лет, когда японцы оккупировали Шанхай, но в конце войны японцы решили его снести. Вечером ноября 1944 г. пьедестал памятника сняли. Во время реставрации памятника Пушкину деньги на него снова собирала вся культурная общественность Шанхая: на улицах, на творческих вечерах, в театре среди зрителей... Когда необходимая сумма накоплена, полученные средства переводятся в Москву. Специалисты Третьяковской галереи построили новый бюст на основе фотографий и описаний ориги-

нального памятника. В конце 1947 г. памятник прибыл в Шанхай и был установлен на прежнем месте.

Выводы

Можно сказать, что русские эмигранты внесли значительный вклад в развитие Шанхая в области музыки, оперы, танца, изобразительного искусства и периодической печати. Есть поговорка, “лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Польза от полевых исследований не сравнится с изучением книг и материалов.

Благодарности

Наконец, я хотела бы поблагодарить К. Князеву, супругов Дроздовых, а также моего научного руководителя А. А. Хисамутдинова за их советы и помощь в этом полевом исследовании.

Литература

1. Wang Zhicheng. lv hu e qiao yu su lian wei guo zhan zheng. Ван Чжичэн. Русские эмигранты в Шанхае и Отечественная война Советского Союза [汪之成, 旅沪俄侨与苏联卫国战争]. Общественные науки. 1995, № 11. стр. 60–63. (На кит. яз.)
2. Shi Fang. Liu Shuang, Gao Ling. ha er bin e qiao shi. Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. История русской эмиграции в Харбине [石方、刘爽、高凌, 哈尔滨俄侨史]. Хэйлунцзянское народное издательство. Харбин, 2003, стр. 630. (На кит. яз.)
3. Zhang Zonghua. Jiang Yanhong. shi yue ge ming hou e qiao gui zu zai zhong guo shang hai de liu wang (1917–1949). Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун. Русское дворянство и восточноазиатская культура в Шанхае (1917–1949) [张宗华、姜艳红, 十月革命后俄侨贵族在中国上海的流亡(1917–1949)]. Верхневолжский филологический вестник. № 1. 2020, стр. 160–174. (На кит. яз.)
4. Wang Zhicheng. jiu shang hai de e guo qiao min. Ван Чжичэн. Русские эмигранты в старом Шанхае [汪之城, 旧上海的俄国侨民]. Общественные науки. 1994, № 7, стр. 59–63. (На кит. яз.)
5. Жиганов В. Д. Русские в Шанхае. Издание автора. 1936. Б.С.
6. Хисамутдинов А. А. Русская словесность в Шанхае. Изд-во Дальневост. Владивосток, 2014, стр. 132.
7. Курто О. И. Русский мир в Китае: исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. Наука — Вост. лит. Москва, 2013, стр. 374.

8. Wang Zhicheng. shang hai e qiao shi. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае [汪之成, 上海俄侨史]. Изд-во Шанхайский книжный магазин Шанлени. Шанхай, 1993, стр. 832. (На кит. яз.)
9. Wang Zhicheng. e qiao yin le jia zai shang hai (1920–1940). Ван Чжичэн. Русские эмигранты-музыканты в Шанхае (1920–1940) [汪之成, 俄侨音乐家在上海 (1920–1940)]. Шанхайское музыкальное издательство. Шанхай, 2007, стр. 579. (На кит. яз.)
10. Wang Zhicheng. jin dai shang hai e guo qiao min sheng huo. Ван Чжичэн. Современная жизнь шанхайской русской диаспоры [汪之成, 近代上海俄国侨民生活]. Изд-во Шанхайское издательство словаря. Шанхай, 2008, стр. 569. (На кит. яз.)
11. Wang Zhicheng. shang hai de e guo wen hua di tu. Ван Чжичэн. Карта русской культуры в Шанхае [汪之成, 上海的俄国文化地图]. Изд-во Шанхайское издательство Цзиньсю. Шанхай, 2010, стр. 151. (На кит. яз.)
12. Zhu Jihua. shang hai de e guo si ji yi. Чжу Цихуа. Шанхайские воспоминания о России [朱纪华, 上海的俄罗斯记忆]. Изд-во Шанхайский муниципальный архив. Шанхай, 2016 № 6. стр. 320. (На кит. яз.)
13. Retro photos of mankind's habitat [Электронный ресурс]. URL: <https://pastvu.com/> (дата обращения: 11.12.2021).
14. ПМА. Интервью. Шанхай. 13 декабря 2021 с Михаилом Дроздовым.
15. ПМА. Фотография. С Михаилом Дроздовым. Шанхай. 13 декабря 2021.
16. Xiong Yuezhi. shang hai de wai guo ren. Сюнь Юэжи. Иностранцы в Шанхае [熊月之, 上海的外国人]. Шанхайское издательство древних книг. 2003, стр. 322. (На кит. яз.)
17. Shen-bao. 《申报》. Шень-Бао, Шанхай, 09 апреля 1933 г. (На кит. яз.)
18. Слово, Шанхай, 03 января 1930 г.
19. ПМА. Фотография. Здание бывшего Русско-Азиатского банка. Шанхай. 19 декабря 2021.
20. Шанхайская заря, Шанхай, 6 марта 1936 г.
21. Церковный Ларец. 13 января 1931 г.
22. ПМА. Фотография. Свято-Николаевский Храм-Памятник. Шанхай. 17 декабря 2021.
23. Черникова Л. История одного памятника [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russianshanghai.com/articles/post25> (дата обращения: 11.12.2021).

References

1. Van Chzhichjen. Russkie jemigranty v Shanhae i Otechestvennaja vojna Sovetskogo Sojuza = Russian Emigrants in Shanghai and the Great Patriotic War of the Soviet Union. Obshchestvennye nauki. 1995. № 11. str. 60–63. (in Chinese.)
2. Shi Fan, Lju Shuan, Gao Lin. Istorija ruskoj jemigracii v Harbine = History of Russian Emigration in Harbin. Harbin: Hjejlunczjanskoe narodnoe izdatel'stvo, 2003. str. 630. (In Chinese.)

3. Chzhan Czunhua, Czyan Yan'hun. Russkoe dvoryanstvo i vostochnoaziatskaya kul'tura v SHanhae (1917–1949) = Russian nobility and East Asian culture in Shanghai (1917–1949). Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. № 1. 2020, str. 160–174. (In Chinese.)
4. Van Chzhichjen. Russkie jemigranty v starom Shanhae = Russian Emigrants in Old Shanghai. Obshhestvennye nauki. 1994. № 7. str. 59–63. (In Chinese.)
5. Ziganov V. D. Russkie v Shanhae = Russians in Shanghai. Izdanie avtora. 1936. B.S. (In Russ.)
6. Khisamutdinov A. A. Russkaya slovesnost' v Shanhae = Russian Literature in Shanghai. Izd-vo Dal'nevost. Vladivostok, 2014, str. 132. (In Russ.)
7. Kurto O. I. Russkij mir v Kitae: istoricheskij i kul'turnyj opyt vzaimodejstviya russkih i kitajcev = Russian world in China: historical and cultural experience of interaction between Russians and Chinese. Nauka — Vost. lit. Moskva, 2013, str. 374. (In Russ.)
8. Van Chzhichjen. Istorija russkoj jemigracii v Shanhae = History of Russian Emigration in Shanghai. Shanhaj: Shanhajskij knizhnyj magazin Shanlen', 1993. str. 832. (In Chinese.)
9. Van Chzhichjen. Russkie jemigranty-muzykanty v Shanhae (1920–1940) = Russian Musician Emigrants in Shanghai (1920–1940). Shanhajskoe muzykal'noe izdatel'stvo, 2007. str. 579. (In Chinese.)
10. Van Chzhichjen. Sovremennaya zhizn' shanhajskoj russkoj diaspory = Modern life of the Shanghai Russian diaspora. Izd-vo SHanhajskoe izdatel'stvo slovary. Shanhaj, 2008, str. 569. (In Chinese.)
11. Van Chzhichjen. Karta russkoj kul'tury v SHanhae = Map of Russian culture in Shanghai. Izd-vo SHanhajskoe izdatel'stvo Czin'syu. Shanhaj, 2010, str. 151. (In Chinese.)
12. Chzhu Czihua. Shanhajskie vospominaniya o Rossii = Shanghai Memories of Russia. Izd-vo SHanhajskij municipal'nyj arhiv. SHanhaj, 2016 № 6. str. 320. (In Chinese.)
13. Retro photos of mankind's habitat [Elektronnyj resurs]. URL: <https://pastvu.com/> (data obrashcheniya: 11.12.2021). (In Russ.)
14. PMA. Interv'yu. Shanhaj. 13 dekabrya 2021 s Mihailom Drozdovym. (In Russ.)
15. PMA. Fotografiya. S Mihailom Drozdovym. Shanhaj. 13 dekabrya 2021.
16. Syun Yuechzhi. Inostrancy v SHanhae = Foreigners in Shanghai. Shanhajskoe izdatel'stvo drevnih knig. 2003, str. 322. (in Chinese.)
17. Shen'-Bao, Shanhaj, 09 aprelya 1933 g. (In Chinese.)
18. Slovo, Shanhaj, 03 yanvary 1930 g. (In Russ.)
19. PMA. Fotografiya. Zdanie byvshego Russko-Aziatskogo banka. Shanhaj. 19 dekabrya 2021.
20. Shanhajskaya zarya, Shanhaj, 6 marta 1936 g. (In Russ.)
21. Cerkovnyj Larec. 13 yanvary 1931g. (In Russ.)
22. PMA. Fotografiya. Svyato-Nikolaevskij Hram-Pamyatnik. Shanhaj. 17 dekabrya 2021.
23. CHernikova L. Istoriya odnogo pamyatnika [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.russianshanghai.com/articles/post25> (data obrashcheniya: 11.12.2021). (In Russ.)

ВОДЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА

Андрей Сергеевич Лапшин^{2а}, Ирина Юрьевна Лапшина^{1б},

Евгений Юрьевич Гончаров^{2с}

¹. Волгоградский государственный социально-педагогический университет

². ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук

^а. alapsh@mail.ru, ORCID ID: 0000–0002–1326–7404

^б. ilapsh97@inbox.ru, ORCID ID: 0000–0001–6121–561X

^с. lowvolga@gmail.com, ORCID ID: 0000–0002–3006–1774

Аннотация. *История изучения Водянского городища насчитывает более ста лет и представляет собой отдельную тему для научного исследования. Изучение этого памятника можно условно поделить на три больших периода. Первый период середина XIX — начало XX в. связан с деятельностью Саратовской ученой архивной комиссии и накоплением первоначальных знаний об объекте: активными сборами подъемного материала, составлением первых топографических планов, проведением первых раскопок. Ко второму периоду относятся масштабные раскопки Поволжской археологической экспедиции под руководством профессора МГУ Г.А. Фёдорова-Давыдова. Это время исследования ряда крупных архитектурных объектов города. К третьему периоду, начавшемуся в 1992 г, относятся исследования Волго-Ахтубинской археологической экспедиции, которые характеризуются планомерным изучением сплошных территорий в зоне обрушений на берегу Волгоградского водохранилища.*

Ключевые слова: Водянское городище; раскопки; мечеть; погребение; монета

VODYANSKOE SETTLEMENT: HISTORY OF THE STUDY OF GOLDEN HORDE CITY

Andrey S. Lapshin^{2a}, Irina Yu. Lapshina^{1b}, Yevgeniy Yu. Goncharov^{2c}

¹. Volgograd State Social and Pedagogical University

². Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

^a. alapsh@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-1326-7404

^b. ilapsh97@inbox.ru, ORCID ID: 0000-0001-6121-561X

^c. lowvolga@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-3006-1774

Abstract. *History of the study of Vodyanskoe settlement goes back over a hundred years and it is a separate topic for academic research. The study of this settlement can be roughly divide into three broad periods. First period (mid.19th — early 20th century) was connect with the activities of the Saratov Scientific Archival Commission and the accumulation of initial knowledge of the site. The first collections were assembled, the first topographical plans drawn up and the first excavations carried out. Second period includes large-scale excavations by the Volga Archaeological Expedition under the leadership of Professor G. A. Fedorov-Davydov from Moscow State University. This is the time to explore a number of the city's major architectural objects. Third period includes studies by the Volga-Akhtuba archaeological expedition since 1992. They characterized by the beginning of systematic study total areas in the collapse zone at the bank of Volgograd reservoir.*

Keywords: *Vodyanskoe settlement; excavations; mosque; burial; coin*

Введение

Водянское городище является остатками одного из городов центрального, Нижневолжского, региона Золотой Орды. Оно расположено на правом берегу Волги у северной окраины г. Дубовка Волгоградской области. Водянское городище уже более 100 лет привлекает к себе внимание специалистов. Здесь работали экспедиции из Саратова (1888–1914 гг., 1921 г.), Москвы (1967–1974 гг.), Казани (1988–1990 гг.), Волгограда (1992–2021 гг.). Особый вклад в дело его изучения внесли члены Саратовской ученой архивной комиссии Н. С. Соколов, Б. В. Зайковский, А. А. Кротков, С. А. Щеглов, а также археологические экспедиции под руководством Ф. В. Баллода, Г. А. Фёдорова-Давыдова, В. Л. Егорова, А. Г. Мухамдиева, Е. П. Мыськова и А. С. Лапшина. Научный интерес к городищу обусловлен тем, что с одной стороны здесь хорошо представлены материалы двух культурных традиций XIV в. — тюрко-иранской, мусульманской и русской, христианской, а с другой — почти вековая история этого города отражает стадии развития золотоордынского государства: период его расцвета, Замятни, «Токтамышевского возрождения». Это городище существовало около 100 лет и является одним из важных памятников золотоордынской истории и археологии. Здесь обнаружены относительно хорошо сохранившиеся поселок и христианское кладбище русского населения, переселенного в Золотую Орду в начале XIV в., а также участок с городской застройкой конца XIV в., времени правления хана Токтамыша и свидетельствами погрома города¹ на месте Водянского гор. в 1395 г. войсками Тимура. В результате многолетних исследований памятника получен богатый и разнообразный материал, характеризующий материальную и духовную культуру мусульманского и христианского населения этого золотоордынского города. В основе нашей статьи лежат опубликованные данные и архивные материалы научных отчетов об археологических работах на Водянском городище.

¹ Поскольку наша работа имеет археологический характер, то ряд вопросов, связанных с историей, нумизматикой, etc. в ней не рассматриваются, в том числе и историческое название города на месте Водянского гор.

Археологические исследования Водянского городища

Остатки древнего городища выше Дубовки были известны уже в начале XIX в., но упоминания в литературе о них имели описательный краеведческий или туристический характер. Так, в 1807 г. «развалины древнего какого-то города» упомянуты в «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии» [1, с. 82], а в 1830-х гг. его посетили братья Г.Г. и Н. Г. Чернецовы, о чём оставили небольшое сообщение в своём «Путешествии по Волге» [2, с. 133]. Наиболее ранние научные описания памятника и публикации результатов первых археологических исследований появились в научной литературе в последние десятилетия XIX в. В июне 1888 г. сотрудники Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) под руководством Саратовского вице-губернатора и учредителя, первого председателя комиссии А. А. Тилло провели двухдневные раскопки на территории памятника. В результате работ были выявлены остатки нескольких зданий и следы подземного водовода, сложенного из камней, а также дано описание городища и составлен его схематический план [3, с. 253–263].

В 1893 г. здесь побывал А. А. Спицын, который представил краткое описание местности и историческую справку о городище. По наблюдениям ученого, «на мысу между бухтой и ближайшим овражком расположено небольшое самостоятельное городище, обнесенное своим собственным невысоким валом ... но никаких остатков зданий в этом маленьком городище не найдено, и культурный слой здесь, по-видимому, незначительный» [4, с. 77–94]. В историко-географическом словаре А. Н. Минха имеется краткое описание памятника, составленное на основе рукописи известного саратовского краеведа А. Ф. Леопольдова [5, с. 769]. Отдельную статью посвятил Водянскому городищу Б. В. Зайковский. В его работе представлен подробный анализ подъемного материала, который по поручению автора в 1906 г. собирал дубовский пастух. Большую часть этих сборов составляли нумизматические находки — 2500 золотоордынских монет, отчеканенных в период с 1317 по 1395 г. Кроме того, в статье представлена копия плана городища, составленного, по-видимому, во второй четверти XIX в. А. А. Лебедевым [6, с. 33–44].

Анализу нумизматических материалов посвящена одна из работ А. А. Кроткова. По его данным, клад, найденный на Водянском городище в 1912 г., состоял из 200 монет: 198 серебряных дирхемов и двух медных пулов. Среди серебряных самая ранняя монета — хана Узбека 717 г.х. (1317–1318 гг.), самая поздняя — хана Абдаллаха, отчеканенная в 764 г.х. (1362–1363 гг.). Судя по младшим монетам, клад был сокрыт около середины 60-х гг. XIV в. [7, с. 179–185].

Следующая экспедиция СУАК под руководством попечителя комиссии князя А. А. Ширинского-Шихматова провела раскопки на территории памятника весной 1914 г. За три дня работ было заложено пять раскопов в северной и южной частях городища, которые выявили несколько безинвентарных погребений, а также остатки бытовых сооружений. В двух из них были устроены тошнау со своеобразными крышками, украшенными «звездчатым орнаментом». Участники экспедиции провели сбор подъемного материала и выкупили у местных жителей наиболее интересные находки [8, с. 145–152]. Помимо этого, С. А. Щеглов скорректировал план Н. С. Соколова, составленный в 1888 г.

Данные о памятнике можно найти в монографии Ф. В. Баллода, который в 1921 г. во время экспедиции по средневековым памятникам Нижнего Поволжья побывал и на Водянском городище. Он подробно описал состояние памятника, представил краткую характеристику собранных археологических материалов, а также составил свой план городища [9, с. 33–43].

По сообщениям С. А. Щеглова, Б. В. Зайковского и Ф. В. Баллода, на городище в течение многих лет производилась хищническая добыча металлического лома, костей для костемольного завода, а также камня и кирпича для строительства домов посада Дубовки. В это же время значительная часть площади городища была распахана «под посев хлебов» и занята садовыми участками [6, с. 35; 20, с. 145; 9, с. 39]. Плачевное состояние памятника отмечал и П. С. Рыков: «... дополнительные разведки, сделанные А. А. Кротковым и Н. К. Арзютовым, подтвердили сведения о значительных разрушениях этого городища» [10, с. 126; 11, с. 57–61]. В 40-х гг. XX в. в центральной части городища было сооружено несколько противо-

эрозийных валов, которые насыпались при помощи землеройной техники из культурного слоя городища. В результате культурные напластования здесь были срезаны почти до уровня материка. В 1987 г. по инициативе местного лесхоза практически вся площадь городища была пропахана на глубину до 25 см. В середине XX в. в связи со строительством Волжской ГЭС и созданием Волгоградского водохранилища началось систематическое и интенсивное разрушение Водянского городища, в результате чего вся прибрежная, наиболее старая часть средневекового города была полностью уничтожена.

Новый этап в исследовании Водянского городища связан с работами Поволжской археологической экспедиции (ПАЭ) под руководством Г. А. Федорова-Давыдова и В. Л. Егорова. Широкомасштабные раскопки проводились в разных частях памятника, в том числе и на территории разрушающейся прибрежной зоны. С 1967 по 1974 г. на городище было вскрыто более 5000 м² культурного слоя. За эти годы удалось раскопать многочисленные жилые, хозяйственные, производственные и общественные сооружения, а также исследовать большие участки мусульманского и христианского кладбищ.

Особый интерес представляет соборная мечеть, развалины которой располагались в западной части городища. Мечеть представляла собой прямоугольное здание размером 35×26 м, вытянутое с севера на юг. Его стены были сложены из рваного камня на глиняном растворе и покрыты снаружи и изнутри белой известковой штукатуркой. У северо-восточного угла здания сохранились остатки прямоугольного каменного цоколя разрушенного круглого минарета. Вход в мечеть находился в северной стене и выходил на широкую улицу с арыком. Внутреннее пространство здания разделялось деревянными колоннами на шесть нефов, пол был выстлан досками. В центре южной стены располагался кирпичный михраб, напротив которого в пол была вкопана ранневизантийская мраморная колонна с канелюрами, привезенная из какого-то древнего города Причерноморья. Над михрабной нишей на стене была закреплена ганчевая плита с рельефной раскрашенной куфической надписью: «Царство единому Богу, всемогущему».

Рядом с мечетью располагалось большое мусульманское кладбище, на котором было исследовано 50 захоронений. Большинство из них располагалось ровными рядами вдоль стен мечети. Над погребениями сохранились надгробия различных типов, сложенные из камней и жженных кирпичей. Внутри некоторых могил выявлены кирпичные или деревянные склепы.

При раскопках мечети и прилегающего к ней кладбища найдено 6 серебряных и 130 медных монет, по ним установлено, что мечеть была сооружена в 40–50-х гг. XIV в. на месте более раннего жилого квартала, застроенного небольшими домами на каменных цоколях и прямоугольными землянками со ступенчатыми входами. Разрушение мечети относится к первой половине 60-х гг. XIV в. [12, с. 108–166].

На пригородном кладбище Водянского гор. раскопаны остатки мавзолея, который был сооружен в 50-х гг. XIV в. Он представлял собой прямоугольную кирпичную постройку на мощном каменном цоколе размером 16,6×10,5 м. Мавзолей состоял из двух помещений — квадратной усыпальницы (гурханы) с купольной конструкцией потолка, а также узкой прямоугольной комнаты для поминовений (зийарат-ханы) с двумя широкими кирпичными скамьями-суфами вдоль стен и остатками кирпичного пола. Всего в мавзолее исследовано девять погребений (шесть взрослых и три детских). Над некоторыми погребениями сохранились остатки кирпичных надгробий, одно из которых было облицовано синими майоликовыми кашинными плитками с изящным растительным и эпиграфическим орнаментом белого цвета. [13, с. 74–89]

Своеобразием отличается так называемый двойной дом, раскопанный в южной части городища недалеко от оборонительного вала. Здесь выявлены остатки двух прямоугольных домов из сырцовых кирпичей, которые соединялись между собой в один жилой комплекс деревянной конструкцией типа айвана. Каждый дом имел две комнаты — южную жилую и северную хозяйственную. В жилых комнатах к югу от входа вдоль стен располагались лежанки-суфы с встроенными в них отопительными системами из печей и горизонтальных дымоходов-канов. Судя по пяти найденным там монетам, двойной дом функционировал в 40–60-х гг. XIV в. [14, с. 80–88].

Среди общественных сооружений, исследованных ПАЭ на Водянском гор., следует отметить баню с подпольным отоплением, частично разрушенную в результате обвала берега водохранилища. Это было большое здание с углубленным в грунт фундаментом из бутовых камней на глиняном растворе. Всего раскопано девять помещений: предбанник, неотапливаемая «комната отдыха» с глинобитным полом и теплые отапливаемые комнаты-мыльни. Вода подавалась в баню по водопроводу, составленному из керамических труб-кубуров. При раскопках бани было найдено восемь медных монет, отчеканенных в период от начала 50-х до начала 60-х гг. XIV в. [15, с. 39–79; 16, с. 249–280].

Одним из важных достижений ПАЭ следует считать открытие на Водянском городище русского квартала и русского христианского кладбища. На последнем было вскрыто 13 погребений, располагавшихся двумя ровными параллельными рядами. В раскопах, заложенных на берегу водохранилища в южной части городища, впервые было обнаружено более десяти хозяйственных ям с высоким процентным содержанием русской керамики, а также расчищены остатки квадратной в плане хозяйственной полуземлянки с небольшим выступом-входом. В процессе раскопок русского квартала и кладбища было найдено более 4000 фрагментов русских сосудов, среди которых 20 обломков плоских днищ с личными клеймами гончаров в виде пятиконечной звезды в круге, половины свастики, паутины, трезубца, букв Ж и Н. Кроме того, на поверхности городища было найдено много русских вещей: бронзовое писало, пять бронзовых крестов-тельников, обломок креста-энколпиона, часть паникадила, фрагмент стеклянной натальной иконки с рельефным изображением святого Николая и натальная литая бронзовая иконка с рельефным изображением Распятия. [15, с. 39–79; 15].

В 1988–1989 гг. на Водянском гор. работала экспедиция Казанского государственного университета под руководством А. Г. Мухамадиева. В ходе работ были раскопаны керамическая мастерская с большим кирпичным горном для обжига красноглиняной посуды, жилые сооружения и остатки общественной бани с подпольной системой отопления. К сожалению, материалы этих раскопок до сих пор не опубликованы [18, с. 33].

С 1992 г. на Водянском гор. археологические исследования начала Волго-Ахтубинская археологическая экспедиция (ВААЭ) под руководством Е. П. Мыськова [19, с. 188–192; 20, с. 49]. Работы проводились ежегодно до 2006 г. и всегда носили аварийно-спасательный характер. Раскопки экспедиции на этом памятнике были возобновлены и проводились с 2010 по 2019 г. под руководством А. С. Лапшина, а в 2020–21 гг. — А. С. Войтенко.

За годы работ экспедиции использовалась такая методика раскопок, при которой планомерно, вплотную друг к другу закладывались раскопы на разрушающихся участках городища. Общая линейная длина разрушающейся прибрежной части городища на данный момент составляет 315 м, а раскопы были заложены на береговых участках общей длиной 225 м. В результате таких работ в настоящее время удалось более чем на 70% исследовать прибрежную полосу памятника и создать сплошную буферную линию раскопов различной ширины вдоль разрушающегося берега. Это позволило на разных участках городища обеспечить сохранение культурного слоя памятника от разрушения от 2 до 5–7 лет. Немаловажно, что такая методика позволяла постепенно вскрывать на одном участке связанные между собой площади, что дало возможность реконструировать планировку застройки жилых и хозяйственных сооружений эпохи средневековья на отдельных участках, выявить и очертить границы жилых кварталов и некрополей. В настоящее время осталась неисследованной только часть центра прибрежной полосы, где предположительно располагается район размещения крупных общественных и хозяйственных сооружений, а также южный участок христианского кладбища.

В результате раскопок в период с 1992 по 2021 г. было исследовано 3741 кв. м. культурного слоя в разрушающейся зоне берега водохранилища. Были обнаружены и исследованы: участки русского поселка первой четверти XIV в., русский квартал города середины XIV в. и христианское кладбище этого же времени. Огромный объем археологических, нумизматических, антропологических и археозоологических материалов, полученных в процессе многолетних планомерных раскопок, позволяет достаточно подробно охарактеризовать хозяйство и быт русского насе-

ления Водянского городища. А новые данные, полученные в результате работ экспедиции, дали возможность сделать определенные, совершенно новые выводы о его занятиях и положении в условиях проживания в золотоордынском городе, где русским людям удалось сохранить все основные элементы своей материальной и духовной культуры [21, с. 252–260; 22, с. 319–324; 23, с. 80–82; 22, с. 69–71; 25, с. 87–94].

Кроме того, найдены уникальные для нижневолжского региона вещи, например, серебряная, позолоченная трехбусинная подвеска, которые хорошо известны в богатыхкладах ювелиров или аристократии городов русских княжеств, предметы христианского и мусульманского культов — кресты-энколпионы, бронзовые иконы и амулет с изображением т.н. «магического квадрата», византийская мраморная база колонны [19, с. 186; 23, с. 36, 146; 26, с. 190]. Также собраны большие коллекции гончарной, штампованной и поливной керамики, костяных, железных и других изделий русской и золотоордынской культуры XIV в. Получен представительный нумизматический комплекс из 1017 медных и 482 серебряных монет. Установлено, что самые ранние монеты, которые датируют время появления здесь поселка русских переселенцев, относятся к 1321 г. Ни одной медной монеты, отчеканенной ранее 1321 г., при археологических раскопках на Водянском гор. до сих пор не обнаружено, а это позволяет считать, что наиболее вероятная дата основания русского поселка — начало 20-х гг. XIV в. К началу 30-х гг. XIV в. относятся самые ранние золотоордынские комплексы Водянского гор., некоторые из которых перекрывали ямы русского поселка [23, с. 57–58, 61–62; 25, с. 40–48; 27, с. 396–401].

За время работ ВААЭ раскопаны жилые дома, хозяйственные комплексы и различные общественные сооружения золотоордынского времени 30–90-х гг. XIV в. Примечательной и интересной находкой стал клад из 440 серебряных монет, спрятанный в одном из домов во время погрома города войсками Тимура и точно датирующий гибель города 1395 г. Особое внимание привлекает квартальная мечеть, в которой были обнаружены многочисленные рисунки и надписи по штукатурке на одной из стен. Среди рисунков есть реалистичное изображение соборной мечети некоего мусульманского города с двумя кирпичными минаретами, высоким

порталом и куполами. У ее подножия изображены два шатра конической формы, вершины которых увенчаны тамгообразными знаками. Такая находка является уникальной для городских золотоордынских древностей. В большинстве своем надписи представлены кораническими изречениями и посвятельными сообщениями, особо выделяются фрагменты со стихами известного хорезмийского поэта и философа Пахлавана Махмуда, умершего в 1326 г. и провозглашенного мусульманским духовенством святым [28, с. 260–261; 19, с. 185, 191]. Нумизматические находки в руинах мечети датируют её периодом с 1330-х по первую половину 1360-х гг.

Именно благодаря методике сплошного исследования больших участков площади памятника серией связанных между собой раскопов, на Водянском городище удалось обнаружить район расположения городской застройки 80-х гг. XIV в. эпохи хана Токтамыша, а также участок мусульманского кладбища конца XIV в. Раскопки комплексов этого времени дали возможность достоверно установить особенности строительства, планировки сооружений и с точностью до года реконструировать события последнего этапа жизни города. После разгрома города войсками Тимура в 1395 г. история Водянского городища не закончилась. В 2003 г. Е. П. Мыськовым раскопаны остатки большого жилого дома, который на основании данных прямой стратиграфии уверенно датируется временем после 1395 г. Это подтверждают многочисленные находки на Водянском городище медных монет отчеканенные в 1396–1397 гг. к тому же, снабженных надчеканками в виде треугольника. Они датируют последний период истории города, который прекратил свое существование к началу XV в.

За последний период исследований Водянского городища сотрудниками Волго-Ахтубинской археологической экспедиции были изданы две книги, посвященные результатам раскопок 2010–2012 гг. [23, 25]. Кроме того, опубликовано более 30 научных статей, наиболее важными из которых являются работы, посвященные теме русского населения Водянского городища [21, 22], а также публикации, связанные с отдельными интересными комплексами находок [27, 28].

Заключение

Изучение этого памятника можно разделить на три периода. Первый период середина XIX — начало XX в. связан с деятельностью Саратовской ученой архивной комиссии и накоплением первоначальных знаний об объекте: активными сборами подъемного материала, составлением первых топографических планов, проведением первых раскопок. Большая часть работ на данном этапе носила именно разведывательный характер. Сохранились сведения о раскопках 1888 г. и 1914 г. Ко второму периоду (60–70-е гг. XX в.) относятся масштабные раскопки Поволжской археологической экспедиции под руководством профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Это время исследования ряда крупных архитектурных объектов города. Наиболее известным объектом стала городская мечеть, сходная по своему архитектурному облику с сохранившейся до настоящего времени мечетью Узбека в Солхате. Интересным объектом является также раскопанный на территории пригородного могильника мавзолей, датируемый 50-ми гг. XIV в. К третьему периоду (с 1992 г. по настоящее время) принадлежат исследования Волго-Ахтубинской археологической экспедиции, которые характеризуются началом планомерного изучения сплошных территорий в зоне обрушений на берегу Волгоградского водохранилища. Здесь можно отметить такие находки как клад серебряных монет, датируемый временем погрома города войсками Тимура, а также общественное здание с эпиграфическими надписями, относящееся к середине XIV в.

Литература

1. Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград: «Издатель»; 2011.
2. Г. и Н. Чернецовы. Путешествие по Волге. Москва: Издательство «Мысль»; 1970.
3. Соколов Н. С. Археологическая экскурсия. Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. I. Вып. III. С. 253–263.
4. Спицын А. А. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А. А. Спицына летом 1893 г. на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города. ОАК. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1895. С. 77–94.
5. Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов: Типография Губернского Земства; 1901. С. 557–1094.
6. Зайковский Б. В. Городище Бельджамен. Труды СУАК. Саратов: Типо-литография П. С. Феокритова, 1908. Вып. XXIV. С. 33–44.

7. Кротков А. А. Клад серебряных джучидских монет с Водянского городища. Труды СУАК. Саратов: Типография Союза Печатного Дела; 1913. Вып. 30. С. 179–185.
8. Щеглов С. А. Раскопки на Водянском городище. Труды СУАК. Саратов: Типография Союза Печатного Дела; 1915. Вып. 32. С. 145–152.
9. Баллод Ф. В. Приволжские Помпеи. М., Петроград: Государственное издательство; 1923. 132 с.
10. Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов: Саратовское краевое издательство; 1936. 152 с.
11. Сухорукова Е. П., Кияшко А. В. Лапшин А. С., Мыськов Е. П. История изучения Водянского городища. Известия ВГПУ. 2010; 8 (52): 57–61.
12. Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. Исследование мечети на Водянском городище. Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука; 1976. С. 108–166.
13. Егоров В. Л. Мавзолеи Водянского городища. СА. 1980; 1: 74–89.
14. Мухамадиев А. Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. Города Поволжья в средние века. М.: Наука; 1974. С. 80–88.
15. Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. Города Поволжья в средние века. М.: Наука; 1974. С. 39–79.
16. Зиливинская Э. Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука; 1989. С. 249–280.
17. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука; 1978. 132 с.
18. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Издательство Московского университета; 1994. 232 с.
19. Мыськов Е. П. Золотая Орда. Археологическое наследие олгоградской области. Волгоград: Издатель; 2013. С. 164–202.
20. Мыськов Е. П. Водянское городище. Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Издательство Волгоградского университета; 2009. С. 49–50.
21. Мыськов Е. П. Русский поселок и русский квартал Водянского городища. Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: Издательство Волгоградского университета; 2001. Вып. 1. С. 250–267.
22. Мыськов Е. П. Русское население Водянского городища. Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Астрахань: Издательство Астраханского государственного университета; 2010. С. 319–324.
23. Лапшин А. С., Мыськов Е. П. Исследования на Водянском городище в 2009–2010 гг. Волгоград: Царицынская полиграфическая компания; 2011. 174 с.
24. Лапшина И. Ю. Христианское кладбище на Водянском городище. Известия ВГПУ. 2011; 3 (57): 69–72.
25. Лапшин А. С., Мыськов Е. П. Исследования на Водянском городище в 2011–2012 гг. М.: Перо; 2013. 216 с.
26. Лапшин А. С. Археологические исследования на Водянском городище. Археологические открытия 2014 года. М.: Институт археологии РАН; 2016. С. 188–191.

27. Лапшин А. С. Стратифицированный комплекс начала 30-х гг. XIV в. на Водянском городище (к вопросу о начальной дате возникновения золотоордынского города). Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество; 2014. Том III. С. 396–401.
28. Мыськов Е. П. Раскопки общественного здания с эпиграфическими находками на Водянском городище. Нижневолжский археологический вестник. 2001; 4: 260–261.

References

1. Topographical and historical description of the Saratov province. Volgograd: "Izdatel"; 2011.
2. G. & N. Chernetsov. Travel along the Volga. Moscow: Publishing house "Mysl"; 1970.
3. Sokolov N. S. Archaeological excursion. Proceedings of Saratov Scientific Archival Commission. Saratov, 1888. V. I. Iss. III. P. 253–263. (In Russ.)
4. Spitsyn A. A. The Report on the trip of the member of Archaeological Commission A. A. Spitsyn at summer of 1893 to Zharenyi bugor and some Golden Horde cities. The Report of the Imperial Archaeological Commission SPb.: Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov; 1895. P. 77–94. (In Russ.)
5. Minkh A. N. Historical and geographical dictionary of Saratov guberniya. Saratov: Tipografiia Gubernskogo Zemstva; 1901. P. 557–1094. (In Russ.)
6. Zaikovskiy B. V. Beldjamen settlement. Proceedings of Saratov Scientific Archival Commission. Saratov: Tipo-litografiia P. S. Feokritova; 1908. Iss. XXIV. P. 33–44. (In Russ.)
7. Krotkov A. A. A hoard of silver Juchid coins from Vodyanskoe settlement. Proceedings of Saratov Scientific Archival Commission. Saratov: Tipografiia Soiuza Pechatnogo Dela; 1913. Iss. 30. P. 179–185. (In Russ.)
8. Shcheglov S. A. Excavations at Vodyanskoe settlement. Proceedings of Saratov Scientific Archival Commission. Tipografiia Soiuza Pechatnogo Dela; 1915. Iss. 32. P. 145–152. (In Russ.)
9. Ballod F. V. Volga Pompeii. M., Petrograd: Gosudarstvennoe izdatelstvo; 1923. 132 p. (In Russ.)
10. Rykov P. S. Historical essay on Lower Volga region. Saratov: Saratovskoe kraevoe izdatelstvo; 1936. 152 p. (In Russ.)
11. Sukhorukova E. P., Kiyashko A. V., Lapshin A. S., Myskov E. P. History of the study of Vodyanskoe settlement. News of Volgograd State Pedagogical University. 2010; 8 (52): 57–61.
12. Egorov V. L., Fedorov-Davydov G. A. The study of the mosque at Vodyanskoe settlement. Medieval sites of Volga region. M.: Nauka; 1976. P. 108–166. (In Russ.)
13. Egorov V. L. Mausoleums of Vodyanskoe settlement. Soviet Archaeology. 1980; 1: 74–89. (In Russ.)

14. Mukhamadiev A. G. Excavations of a double house at Vodyanskoe settlement in 1970. The cities of Volga region at Middle Ages. M.: Nauka; 1974. P. 80–88. (In Russ.)
15. Egorov V. L., Poluboyarinova M. D. Archaeological research of Vodyanskoe settlement in 1967–1971. The cities of Volga region at Middle Ages. M.: Nauka; 1974. P. 39–79. (In Russ.)
16. Zilivinskaya E. D. Medieval baths of Lower Volga region. The treasures of Sarmatian leaders and the ancient cities of Volga region. M.: Nauka; 1989. P. 249–280. (In Russ.)
17. Poluboyarinova M. D. Russian people in the Golden Horde. M.: Nauka; 1978. 132 p. (In Russ.)
18. Fedorov-Davydov G. A. The Golden Horde cities of Volga region. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta; 1994. 232 p. (In Russ.)
19. Myskov E. P. Golden Horde. Archaeological heritage of Volgograd region. Volgograd: Izdatel; P. 164–202. (In Russ.)
20. Myskov E. P. Vodyanskoe settlement. Archaeological Encyclopedia of Volgograd region. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo universiteta; 2009. P. 49–50. (In Russ.)
21. Myskov E. P. Russian village and the Russian quarter of Vodyanskoe settlement. Archaeological materials of Volga-Don steppes. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo universiteta; 2001. Iss. 1. P. 250–267. (In Russ.)
22. Myskov E. P. The Russian population of Vodyanskoe settlement. Archeology of Lower Volga region: problems, searches, discoveries. Astrakhan: Izdatelstvo Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta; 2010. P. 319–324. (In Russ.)
23. Lapshin A. S., Myskov E. P. Studies of Vodyanskoe settlement in 2009–2010. Volgograd: Tsaritsynskaia poligraficheskaya kompaniya; 2011. 174 p. (In Russ.)
24. Lapshina I. Y. Christian cemetery at Vodyanskoe settlement. News of Volgograd State Pedagogical University. 2011; 3 (57): 69–72. (In Russ.)
25. Lapshin A. S., Myskov E. P. Studies of Vodyanskoe settlement in 2011–2012. M.: Pero; 2013. 216 p. (In Russ.)
26. Lapshin A. S. Archaeological research at Vodyanskoe settlement. Archaeological discoveries of 2014. M.: Institut arkheologii RAN; 2016. P. 188–191. (In Russ.)
27. Lapshin A. S. Stratified complex early 30s XIV century at Vodyanskoe settlement (about the start date of the occurrence of Golden Horde city). Publications IV (XX) of All-Russian Archaeological Congress in Kazan. Kazan: Otechestvo; V. III. P. 396–401. (In Russ.)
28. Myskov E. P. Excavations of a public building with epigraphic finds at Vodyanskoe settlement. The Lower Volga Archaeological Bulletin. 2001; 4: 260–261. (In Russ.)

Список сокращений

ВГПУ — Волгоградский государственный педагогический университет

ОАК — Отчеты императорской археологической комиссии

СА — Советская археология

СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ ТИБЕТА: АКТУАЛЬНОСТЬ ИНТЕРАКТИВНЫХ ОНЛАЙН КАРТ (ВЕБ ГИС)

Бато Цыренович Дондуков^а, Галина Петровна Дондукова^б

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия

^а dondukovb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5501-9858>

^б galina.dondukova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4390-7556>

Аннотация. *Статья является частью проекта «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас». Проект нацелен на возобновление традиции полевых исследований Тибета, изучение его исторических и культурных связей с Бурятией и Россией в целом. Поскольку проект находится на начальной стадии, в статье очерчивается проблематика исследования: устанавливаются некоторые особенности восприятия бурятами святынь Тибета, связанные не только с религиозным, но и востоковедческим и внешнеполитическим контекстом взаимоотношений Бурятии и Тибета, а также изучаются возможности, которые дают ГИС технологии и создание интерактивной электронной карты святынь Тибета.*

Ключевые слова: Тибетский буддизм, бурятские буддисты-паломники, Веб ГИС, интерактивная карта

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 22–18–20001 «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас».

FIELD RESEARCHES OF THE SACRED PLACES OF TIBET: APPLICABILITY OF INTERACTIVE ONLINE MAPS (WEB GIS)

Bato Ts. Dondukov^a, Galina P. Dondukova^b

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

^a dondukovb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5501-9858>

^b galina.dondukova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4390-7556>

Abstract. *The article is part of the project “Buryat Buddhist Pilgrims to the Sacred Places of Tibet: a Historical and Cultural Atlas”. The project is aimed at revival of field research in Tibet, studying its historical and cultural ties with Buryatia and Russia in general. Since the project is at its initial stage, the article outlines the problematics of the research: it defines some peculiarities of perception of the sacred places of Tibet by the Buryats, which are connected not only to the religious, but also to the Oriental and foreign policy context of the relationship between Buryatia and Tibet, and also explores the possibilities of GIS technologies and creation of interactive electronic map of the sacred places of Tibet.*

Keywords: Tibetan Buddhism, Buryat Buddhists-pilgrims, Web GIS, interactive map.

Acknowledgements: The article was prepared within the RSF project № 22-18-20001 «Buryat Buddhist pilgrims along the sacred places of Tibet: historical and cultural atlas».

Введение

Тибет, окутанный образом таинственной страны, уже несколько столетий притягивает востоковедов, путешественников и многочисленных паломников со всего мира. Данная статья является частью проекта 2022–2024 гг. «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас». Проект нацелен на возобновление традиции полевых исследований Тибета, изучение его исторических и культурных связей с Бурятией и Россией в целом. Авторы статьи уже совершали две экспедиции в Тибет в 2014 и 2019 годах. Уже тогда мы наблюдали интенсивные трансформации, связанные с бурным развитием КНР, которые так или иначе затрагивают и тибетские святыни. Так, например, достаточно быстрыми темпами развивается транспортная инфраструктура, которая делает отдаленные буддийские святыни более доступными. Однако особое внимание в нашем проекте будет уделено созданию интерактивной электронной карты с пространственной визуализацией сакральной географии при помощи технологии Веб ГИС (геоинформационная система). Создание интерактивной карты святынь Тибета открывает много возможностей как для проведения исследований, так и с точки зрения публикации материала для широких слоев интернет-пользователей.

Поскольку проект находится на начальной стадии, с помощью данной статьи мы очертим проблематику исследования: установим некоторые особенности восприятия бурятами святынь Тибета, связанные не только с религиозным, но и востоковедческим и внешнеполитическим контекстом взаимоотношений Бурятии и Тибета. Наконец, мы изучим возможности, которые дают ГИС технологии и опишем основные технические решения, доступные сегодня.

Научный интерес к изучению паломничества бурят возник относительно недавно и разные аспекты данного явления представлены в работах И. Р. Гарри [1], Ц. А. Дариевой, Э.-Б.М. Гучиновой [2], М. М. Содномпиловой, Д. Д. Амоголоновой [3], А. Бернштейн [4], [5] и других. В данных работах помимо вопросов современного паломничества российских буддистов, рассматривается исторический контекст, изучаются буддийские святыни России, анализируется расширение сакральной географии, где

объектами паломничества становятся известные на весь мир буддийские учителя, проводящие учения в самых разных странах. В этом проекте мы сосредоточили фокус нашего внимания на святых местах Тибета. На наш взгляд, как бы не расширялась современная сакральная география буддистов, Страна снегов занимает особое место в жизни бурят, затрагивая богатую историю взаимоотношений бурятского и тибетского буддийских миров. Это обусловлено не только тем, что Тибет долгое время являлся духовным религиозным центром для бурят, важность также представляют интересы российского востоковедения и внешнеполитические процессы, протекавшие в дореволюционной России.

Бурятские паломники-буддисты

Началом паломничества бурят в Тибет принято считать путешествие, предпринятое Дамба Доржо Заяевым (1710–1776 гг.) в 1725 году¹, который, достигнув г. Лхасы, проучился семь лет в Гоман дацане монастыря Дрепунг [6, с. 135]. Дрепунг является одним из трех крупнейших монастырей школы Гелуг. В нем традиционно обучалось множество монгольских монахов и в дальнейшем этот монастырь станет основным местом обучения для бурят [7, с. 1548]. Вернувшись на родину, Дамба Доржо Заяев стал самым влиятельным религиозным и политическим бурятским деятелем своего времени, получив титул первого Хамбо-ламы² Забайкалья.

Другим не менее значимым буддийским деятелем среди бурят считается Агван Доржиев (1853–1938). Отправившись в Тибет в 1872 году, он также поступил на учебу в монастырь Дрепунг, где получил высшую ученную степень геше-лхарампа. Высокий уровень знаний позволил ему стать наставником Далай-ламы XIII, а в дальнейшем он был назначен его полномочным дипломатическим представителем в контактах с Россией и в этом качестве внес значительный вклад в развитие международных отношений Тибета [8, с. 17].

¹ Дамба Доржо Заяев провел в Тибете 7 лет, однако год начала его путешествия в различных источниках разнится от 1724 г. до 1742 г. (Бардueva Туяна Цыреновна Первый пандито хамбо лама Дамба-Даржа Заяев и его роль в распространении буддизма в Бурятии // Вестник БГУ. 2011. № 8.)

² Хамбо лама — титул главы буддистов Бурятии

Бурятские монахи оказывали серьезное влияние на культурную сферу тибетского общества. Первый тибетский толковый словарь, который используется по сей день, был создан бурятским монахом Чойдак Дагба Бадмажаповым (1898–1972 гг.) [1, с. 55], который отправился учиться в Тибет в 1923 году. Защитив звание геше-лхарампа в другом крупном монастыре школы Гелуг — Сэра, геше Чойдак стал известен как знаток тибетского языка. К 1946 он издал свой многолетний труд «Толковый словарь Чойдака», чем увековечил свое имя в тибетской культуре [9, с. 659].

В начале XX века Агваном Доржиевым из Бурятии в Тибет были направлены монахи, которые впоследствии заложили крепкие связи тибетского и бурятского буддийских миров. Четверо из них, получив степень геше-лхарампа, заняли ведущие должности в монастыре Дрепунг и заложили новые линии тулку, реинкарнаций [5, с. 62–75]. Тубден Нима Чойдонов стал главным блюстителем кодекса Виная в монастыре Дрепунг. Галсан Лыгден Аржигаров (1900–1962 гг.) стал настоятелем Гоман-дацана в монастыре Дрепунг [1, с. 55] и сегодня воплощается как Кентрул-ринпоче (последняя реинкарнация представлена монахом из Непала 1976 года рождения по имени Тензин Чокланг, живущим сегодня в Индии) [5, с. 71]. Агван Нима Цыдыпдоржиев (1907–1990 гг.) стал настоятелем Гоман-дацана, воссозданного в Индии. Монах из Бурятии по имени Жигжит Сандагай, получил имя Шивалха Лхарамба и сегодня имеет линию перерождений Шивалха-ринпоче (последняя реинкарнация представлена монахом тибетского происхождения 1967 года рождения по имени Лобсанг Геле живущим в Индии) [5, с. 75]. Современные бурятские паломники, отправляясь в Индию на буддийские учения, стремятся получить аудиенцию у Кентрула-ринпоче и Шивалха-ринпоче как имеющих родство с бурятами.

Можно также отметить историю известного бурятского буддийского деятеля Бидии Дандаровича Дандарона (1914–1974 гг.), который считается перерождением Джаяг-гэгэна. Линия тулку Джаяг-гэгэнов традиционно возглавляет монастырь Гумбум Джампалинг в провинции Амдо. Сегодня Джаяг-гэгэн в своем новом воплощении под именем Лобсан Балдан Чойджи Ванчуг, живет в монастыре Гумбум, что также связывает

бурятских паломников с этим местом [10, с. 35]. Примечательным является то, что вход в монастырь оборудован турникетами и его посещение является платным для всех, кроме тибетцев и монголов.

Вышеупомянутые успехи бурят в Тибете показывают, что речь идет не об одностороннем влиянии, а скорее о культурном и интеллектуальном взаимопроникновении. Несмотря на высокий статус вышеупомянутых деятелей, на сегодня мы имеем не так много источников, описывающих их жизнь. Не исключено, что дальнейшие исследования помогут составить более подробную картину о деятельности бурятских монахов в Тибете.

Бурятские паломники-востоковеды

В XX веке Тибет стал ареной геополитического соперничества между Российской и Британской империями за господство над Азией в так называемой Большой игре. Российская империя и Тибет делали шаги к сближению, основываясь на связях и влиянии представителей буддийских этносов России. Основными акторами являлись вышеупомянутый Агван Доржиев со стороны Тибета и Петр Бадмаев со стороны Российской Империи. Несмотря на то, что по разным причинам шаги к сближению были прекращены, это значительно повлияло на развитие академического изучения Тибета, где пионерами стали бурятские ученые.

Тибет представлял высокий интерес для западного исследовательского мира в целом и Русского географического общества в частности. Безусловно это в том числе было связано с экспансионистскими интересами России. Организовывались разведывательные экспедиции такими знаменитыми географами, как Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888 гг.) и Григорий Николаевич Потанин (1835–1920 гг.). Однако они так и не смогли добраться до Лхасы в связи с закрытостью Тибета от Запада. В дальнейшем именно представители бурятских буддистов смогли стать первыми российскими учеными, которые, пользуясь своим статусом паломников, достигли Лхасы, зафиксировали живую религиозную традицию и смогли познакомить Запад с закрытой и загадочной буддийской страной. Речь идет о Гомбожабе Цэбековиче Цыбикове (1873–1930 гг.), Базаре Барадийне

(1878–1937 гг.), Буде Рабданове (1853–1923 гг.) и других личностях, не нуждающихся в представлении среди востоковедов [1, с. 55].

История, маршруты и письменное наследие вышеописанных бурятских деятелей, посещавших Тибет, играют немаловажную роль в конструировании этнической идентичности современных бурят, тем самым выводя паломничество в Тибет за рамки сугубо религиозного акта. Так, например, в бурятском обществе сегодня часто можно услышать историю о том, как Гомбожаб Цыбиков спас знаменитый журнал National Geographic от разорения, безвозмездно предоставив первые фотографии Лхасы. Упоминания об этом можно встретить на официальном сайте Русского географического общества [11]. Для современных бурят подобные истории позволяют прочувствовать масштабность бурятских деятелей, связанных с Тибетом, выходящую за рамки локальных событий. Поэтому паломнические маршруты часто строятся по маршрутам, которые совершал Г. Цыбиков и зафиксировал в своих путевых заметках, что может расцениваться не только как религиозный опыт, но как способ воспроизводства этнической идентичности, исторического пласта, забытого в советский период.

Современное паломничество

Говоря о современных паломниках, необходимо отметить, что если в дореволюционной России паломничество являлось прерогативой сравнительно небольшого числа сугубо ревностных буддистов, поскольку подразумевало длительный и трудный путь, требовавший серьезной подготовки и достаточных средств [2, с. 7], то сегодня паломничество стало доступно широкому кругу верующих. Развитые сети транспортных узлов и индустрия туристических услуг сделали паломничество относительно доступным, существенно сокращая сроки паломнических туров и расширяя возрастной диапазон паломников.

Помимо этого, современные бурятские пилигримы по святым местам Тибета выделяются на фоне других своими особыми интересами, которые исторически связаны не только с религиозной, но и востоковедческой деятельностью бурят в Тибете. Такие тибетские монастыри как Гумбум,

Лавран, Дрепунг, Сэра и другие сакральные объекты воспринимаются бурятскими пилигримами в качестве «своих», что обуславливает приоритетные места посещения, определяя маршруты путешествий. Все это связано с деятельностью видных бурятских лам, которые, отправившись в Тибет, обрели влияние в тибетской религиозной, политической и культурной среде, что безусловно сближало Бурятию со Страной снегов, постепенно образуя единое сакральное и культурное поле. Помимо этого, деятельность бурятских ученых, связанных с полевыми исследованиями Тибета, также представляет важность для бурят, поскольку она имела высокое значение среди западных востоковедов и укрепляла позиции бурят в российской академической среде того времени.

Богатая история взаимодействий предоставляет множество текстовых и графических материалов, выводящих данную тематику за рамки сугубо религиозного дискурса. Другими словами, существует большой и разнообразный контент, которым можно будет наполнить интерактивный геоинформационный атлас святых мест Тибета, куда войдут: источники, описывающие сакральные объекты; материалы, собранные в результате полевых исследований и материалы, связанные с историей путешествий бурят в Тибет.

Анализ рынка ГИС решений

Использование ГИС в социально-гуманитарных отраслях науки развивается под влиянием так называемого «пространственного поворота» (spatial turn), который произошел в последние десятилетия. Усилилось внимание ученых к изучению пространственного измерения различных сфер социальной жизни. Пространство стало рассматриваться как динамическая структура, проявляющаяся через социальные практики [12, с. 8]. Сфера применения ГИС технологий постоянно расширяется и ее использование в области исследований такого феномена, как паломничество в историческом и современном контексте вызывает большой интерес как среди ученых, так и среди многочисленных современных паломников. Поскольку «пространственный поворот» шел совместно с бурным развитием компьютерных технологий и интернета, данная сфера сегодня имеет

множество технических средств и сервисов для создания разнообразных ГИС [13, с. 61].

Говоря о технических возможностях, ИТ индустрия, связанная с ГИС постоянно развивается, расширяя свои возможности и функции, вместе с чем упрощаются пользовательские инструменты и интерфейсы, что снижает порог вхождения в эту область. Сегодня достаточно иметь базовые навыки пользования компьютерной техникой для того, чтобы не только просматривать, но и создавать авторские ГИС. Степень сложности ГИС проектов имеет большой диапазон и безусловно большинство из них требуют профессионального участия специалистов этой области. Однако если речь идет о простейших ГИС, где мы можем отмечать на карте объекты, области, маршруты, сопровождая их текстовой и графической информацией, то такие возможности являются на сегодня весьма доступными.

Существуют различные классификации ГИС сервисов, которые затрагивают специфические технологические аспекты. Поскольку мы не являемся экспертами в области ГИС как технологии, остановимся на классификации с точки зрения конечного потребителя. Условно современные ГИС технологии принято разделять на настольные, Веб и мобильные ГИС. Настольные ГИС используются в виде программного обеспечения, которое, как следует из названия, устанавливается на настольные ПК. Создание и просмотр ГИС карт возможен в рамках использования установленного программного обеспечения, а данные хранятся на носителе персонального компьютера. Веб ГИС решения работают через использование интернет браузера, где создание и просмотр ГИС не требуют установки ПО на ПК, а данные могут храниться либо на созданном сервере, либо в облачном хранилище. Мобильные ГИС решения являются логичным развитием Веб ГИС и работают в виде приложений на различных гаджетах.

Что касается рынка услуг, то наиболее популярными ГИС решениями в России являются такие зарубежные сервисы как ArcGIS, QGIS, Mapinfo Professional, AutoCAD Map 3D [14, с. 182]. Популярностью также пользуются отечественные платформы, такие как NextGIS и ГИС Панорама. Вышеуказанные платформы начинали свой путь с настольных программ и в последствии некоторые из них расширили свой функционал

в сторону Веб сервисов и мобильных приложений. Речь идет о сервисах ArcGIS online, QGIS Web и NextGIS Web. В нашем случае нас безусловно интересуют Веб и мобильные ГИС с возможностью использования облачного хранения информации, поскольку это позволяет не только использовать карты для исследований, но также публиковать карты в открытый доступ для широкого круга пользователей, которые так или иначе интересуются паломничеством бурят в Тибет как в исторической, так и современной плоскости.

Важно отметить, что помимо вышеописанных решений, существуют и общеизвестные Веб ГИС сервисы, такие как Google Maps, Яндекс Карты, 2ГИС, которые давно вошли в повседневность и не нуждаются в представлениях. С недавнего времени, вышеупомянутые сервисы позволяют не только просматривать карты, но и создавать и публиковать авторские ГИС.

В качестве примера можно привести интерактивную «карту сакральных мест Казахстана» [15], созданную учеными и путешественниками Казахстана с помощью сервиса Google Maps. На карте отмечены сакральные места и при нажатии на точку можно ознакомиться с описанием объекта и просмотреть прикрепленные изображения. С точки зрения репрезентации актуальной информации для общества, такой карты может быть вполне достаточно, однако с точки зрения профессиональной работы с информацией и анализа разносторонних данных требуется более широкий функционал.

Если функционал Google Maps привязан к актуальной карте мира, отображающейся в виде нескольких базовых основ карт (также называемых «подложка»), представленных в виде разных уровней слоев, то в специализированных ГИС сервисах существует возможность использовать множество других карт, в том числе исторических и авторских, которые в разных случаях могут более репрезентативно отражать интересующую нас информацию. Специализированные сервисы ГИС имеют гораздо больший потенциал с точки зрения разработки баз данных, в которых информация может быть структурирована и классифицирована. Это позволит применять гибкие способы выборки отображаемых данных, что значительно

расширит методы исследований. Также на основе специализированных решений, можно реализовать методы обратной связи с пользователями карты, что может в перспективе дать большое количество материала, представляющего интерес для исследований современного паломничества по святым местам Тибета.

Таким образом, среди множества платформ в рамках данного проекта мы видим наиболее целесообразным использование сервиса NextGIS, как единственного отечественного решения, предоставляющего широкий спектр сервисов от настольных программ до мобильных приложений, позволяющий как создавать свои ГИС серверы, так и хранить информацию в облачном хранилище.

Как упоминалось ранее, использование Веб ГИС технологий открывает новые возможности как для проведения исследований, так и с точки зрения публикации материала для широких слоев интернет-пользователей. Одним из важнейших свойств использования интернет-технологий является возможность редактирования, что придает практически любой сфере исследований динамический характер. В нашем случае, в условиях постоянного пополнения материалов, которые могут быть собраны с помощью полевых исследований или нахождением новых исторических источников, позволит пополнять имеющиеся наработки и представлять для пользователей наиболее актуальную информацию. Данное свойство позволит создать живую платформу и в перспективе многолетней научной разработки данной тематики сможет сохранять свою актуальность.

Наша сфера исследований в большей степени связана с перемещением людей и географическими объектами, поэтому использование Веб ГИС в первую очередь позволит создать визуальную модель отражающую данную область в пространственно-временном срезе. Создание структурированных баз данных позволит совершать выборки различных типов информации по различным критериям, а также проводить разносторонние сравнительные анализы. Помимо этого, визуальная модель даст удобство навигации по большому массиву информации.

В целом создание интерактивной карты в открытом доступе является сегодня наиболее эффективным методом публикации, как для научного

сообщества, так и для многочисленных современных паломников. Современная интернет-среда с web 2.0 сервисами допускает к созданию контента многочисленных пользователей и по большому счету, интернет пространство преимущественно наполняется контентом, который регулярно создается непрофессиональным сообществом, что в особенности касается исторической сферы. Поэтому одной из задач создания информационных web ресурсов научными сообществами, является внесение верифицированного знания в публичное информационное пространство.

В рамках проекта мы предполагаем создать интерактивную карту сакральных мест трех провинций Тибета — Уй-Цзан, Кхам и Амдо, которая будет включать в себя не только главные монастыри всех школ тибетского буддизма, но также культовые места, маршруты бурятских паломников, паспорта сакральных объектов и т.п. Атлас по святым местам Тибета в виде интерактивной карты предоставит большому количеству пользователей, в том числе современным паломникам доступ к большому массиву знаний, описывающих сакральную географию, а также важный исторический пласт, связанный с Тибетом. Использование ГИС позволит современным паломникам разрабатывать новые для себя маршруты, делать путешествия более осмысленными, а восприятие бурятами сакральной географии Тибета более близкой с культурной и исторической точек зрения.

Существует возможность создания функционала обратной связи от современных паломников, которые смогут комментировать отдельные элементы интерактивных карт, что даст пространство для дальнейшего анализа современного паломничества. На уровне функционала обратной связи открывается возможность использования краудсорсинга, где определенные неизвестные области могут быть освещены пользователями интерактивной карты.

Вывод

В данной статье мы очертили проблематику проекта и выяснили, что история взаимодействия Бурятии и Тибета занимает не одно столетие и выходит за рамки сугубо религиозной среды. Длительная история паломничества буддийских монахов и академических ученых составляет

множество разносторонних материалов, представляющих научный интерес. Современное паломничество начинает обретать массовый характер, вследствие чего растет интерес к важному историческому пласту, связанному с путешествиями бурят по святым местам Тибета. Поэтому мы считаем, что создание атласа святынь Тибета в виде интерактивной карты, созданной на основе профессиональных Веб ГИС технологий, представляет собой перспективный инновационный проект, представляющий множество преимуществ и возможностей как для ученых и современных паломников, так и для многочисленных интернет-пользователей.

Литература

1. Гарри И. Р. Религиозные связи Тибета и Бурятии в контексте имперских противоречий. Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015; 4(20): 48–59.
2. Дариева Ц. А., Гучинова Э.-Б. М. Исследуя современное паломничество у монголоязычных народов России. Этнографическое обозрение. 2020; (2): 5–12.
3. Содномпилова М. М., Амоголонова Д. Д. Традиционные и новые места религиозного паломничества в Бурятии. Этнографическое обозрение. 2020; (2): 47–60.
4. Bernstein A. Pilgrims, Fieldworkers, and Secret Agents: Buryat Buddhologists and the History of an Eurasian Imaginary. *Inner Asia*. 2009; 11 (1): 23–45.
5. Bernstein A. Religious bodies politic: Rituals of sovereignty in Buryat Buddhism. Chicago: University of Chicago Press; 2013. 280 с.
6. Бардуева Т. Ц. Первый пандито хамбо лама Дамба-Даржа Заяев и его роль в распространении буддизма в Бурятии. Вестник БГУ. Философия. 2011; (8): 134–139.
7. Бакаева Э. П. Об этнической идентификации ойратов и калмыков в тибетской религиозной традиции: мицаны Дрепунг Гоманга. *Oriental Studies*. 2020; 13(6): 1546–1557. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557>.
8. Ангаева С. П., Тыхеева Ю. Ц. Жизнь и судьба Агвана Доржиева. Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Седьмые Доржиевские чтения. СПб: Свое издательство; 2018. С. 17–21.
9. Жабон Ю. Ж., Дашибалова Д. В. Типологическое описание медицинских словарей монголоязычных авторов из тибетских фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН и ИВР РАН. Вестник архивиста. 2020; (3): 651–663.
10. Стрелков А. М. Ваджра-гуру Бидия Дандарон. Улан-Удэ: Удумбара; 2013. 100 с.
11. Паломник особого назначения. Русское географическое общество. 20 апреля, 2018. Режим доступа: <https://www.rgo.ru/ru/article/palomnik-osobogo-naznacheniya> [дата обращения: 30.05.2022].

12. Коновалова И. Г. От источниковедения к исторической географии: опыт Института всеобщей истории РАН. Средние века. 2013; 74 (3–4): 8–26.
13. Фролов А. А. Динамическая карта как основа исторической карты в среде ГИС. Историческая информатика. 2017; (2): 61–73. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2017.2.23355>.
14. Дыба С. Е., Чернова И. В. Рынок геоинформационных продуктов и услуг в России. Наука. Инновации. Технологии. 2019; (4): 173–184.
15. Карта сакральных мест Казахстана. 17 февраля, 2020. Режим доступа: <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1BwcEkPojlm0uPSqHHUg8yNJHrNCgzub&hl=ru&ll=48.7454049960327%2C67.00952264999998&z=6> [дата обращения: 30.05.2022].

References

1. Garri I. R. Religious ties between Tibet and Buryatia in the context of imperial contradictions. Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2015; 4(20): 48–59. (In Russ.)
2. Darieva Ts. A., Guchinova E.-B. M. Exploring modern pilgrimage among the Mongolian-speaking peoples of Russia. Ethnographic review. 2020; (2): 5–12. (In Russ.)
3. Sodnompilova M. M., Amogolonova D. D. Traditional and new places of religious pilgrimage in Buryatia. Ethnographic review. 2020; (2): 47–60. (In Russ.)
4. Bernstein A. Pilgrims, Fieldworkers, and Secret Agents: Buryat Buddhologists and the History of an Eurasian Imaginary. Inner Asia. 2009; 11 (1): 23–45.
5. Bernstein A. Religious bodies politic: Rituals of sovereignty in Buryat Buddhism. Chicago: University of Chicago Press; 2013. 280 p.
6. Bardueva T. Ts. The first pandito hambo lama Damba-Darzha Zayaev and his role in the spread of Buddhism in Buryatia. Bulletin of BSU. Philosophy. 2011; (8): 134–139. (In Russ.)
7. Bakaeva E. P. On the ethnic identification of the Oirats and Kalmyks in the Tibetan religious tradition: Drepung Gomang mitsans. Oriental studies. 2020; 13(6): 1546–1557. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557>. (In Russ.)
8. Angaeva S. P., Tykheeva Yu. Ts. Life and fate of Agvan Dorzhiev. Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art: Seventh Dorjiev Readings. St. Petersburg: Svoe izdatelstvo; 2018. P. 17–21. (In Russ.)
9. Zhabon Yu. Zh., Dashibalova D. V. Typological description of medical dictionaries of Mongolian-speaking authors from the Tibetan collections of the TsVRK IMBTS SB RAS and IVR RAS. Bulletin of archivist. 2020; (3): 651–663. (In Russ.)
10. Strelkov A. M. Vajra-guru Bidia Dandaron. Ulan-Ude: Udumbara; 2013. 100 p. (In Russ.)
11. Pilgrim for special purposes. Russian Geographical Society [Internet]. 2018 Apr 20. Available at: <https://www.rgo.ru/ru/article/palomnik-osobogo-naznacheniya>. (In Russ.) Accessed: 30 May 2022.

12. Konovalova I. G. From source studies to historical geography: the experience of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Middle Ages. 2013; 74 (3–4): 8–26. (In Russ.)
13. Frolov A. A. Dynamic map as the basis for a historical map in GIS environment. Historical informatics. 2017; (2): 61–73. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2017.2.23355>. (In Russ.)
14. Dyba S. E., Chernova I. V. Market of geoinformation products and services in Russia. Science. Innovation. Technology. 2019; (4): 173–184. (In Russ.)
15. Map of sacred places in Kazakhstan. [Internet]. 2020 Feb 17. Available at: <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1BwcEkPojilm0uPSqHHUg8yNJHrNCgzub&hl=ru&ll=48.7454049960327%2C67.00952264999998&z=6>. (In Russ.) Accessed: 30 May 2022.

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕРКВИ АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД: ВОЗМОЖНОСТЬ РЕКОНСТРУКЦИИ КАМЕННОЙ ПЛАСТИКИ

Екатерина Юрьевна Ендольцева^{1a},

Николай Игоревич Быстрицкий^{1b}

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия

^a kendoltseva@ivran.ru, orcid: 0000-0003-1558-2819

^b nbystritskiy@ivran.ru, orcid: 0000-0001-9002-4804

Аннотация. В результате многолетних исследований архитектурной пластики христианских церквей Абхазии и, отчасти, Южной Осетии участниками проекта был собран значительный материал, который позволяет уточнить датировку значительной группы памятников, идентифицировать некоторые ранее неизвестные сюжеты и вписать их в контекст социо-культурных процессов Византийской империи и ее периферии в период между X и началом XI вв. Проблема их изучения заключается в том, что лапидарные коллекции, происходящие из этих двух регионов, не были в должной мере изучены с точки зрения функции составляющих их рельефов. Изучение аналогий из сопредельных регионов (современная территория Грузии, Армении, Малая Азия, и другие части бывшей Византийской империи), а также привлечение современных методов исследования материалов (3D реконструкции) позволило бы визуализировать ряд ключевых памятников (малых форм и монументальной декорации), происходящих из указанных регионов.

Подобного рода исследования актуальны для изучения художественной и духовной культуры вышеуказанных регионов в период становления самосознания проживающих там племен (кон. IX — нач. XI вв.), исследования их взаимосвязи и обособленности от политического и культурно-

го влияния тогдашнего гегемона, Византийской империи. Реконструкция ряда памятников (алтарные преграды, отчасти декоративная система фасадов) и выстраивание типологических рядов позволили бы наглядно продемонстрировать значение двух рассматриваемых регионов для христианской культуры всего Южного Кавказа в изучаемый период. Немаловажно также показать их неразрывные связи и взаимовлияния с соседними территориями. Новизна исследуемой проблемы заключается в том, что до сих пор малые формы и фасадная пластика христианских храмов в рассматриваемый период на территории Абхазии и Южной Осетии не становились предметом систематического регулярного изучения. В трудах предшественников акцент зачастую делался на раннехристианский период, а датировки, предложенные ими для ряда ключевых памятников, были существенно скорректированы в ходе исследований последних десяти лет. Между тем эта территория (Западная Грузия, перевалы между Карачаево-Черкесией, Кабардино-Балкарией и Абхазией, а также Северной Осетией и Рачей) сыграла, как кажется, существенную роль в формировании оригинального типа средневекового художественного христианского сознания.

Ключевые слова: архитектурная пластика, рельефы, 3D реконструкция, Византия, периферия, алтарная преграда, фасадная пластика, декоративные схемы, Христианский Восток

CHRISTIAN CHURCHES OF ABKHAZIA AND SOUTHERN OSSETIA IN THE MIDDLE BYZANTINE PERIOD: AN ATTEMPT TO RECONSTRUCT ITS ARCHITECTURAL DECORATION

Ekaterina Yu. Endoltseva^{1a}, Nikolay I. Bystritskiy^{1b}

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

^a kendoltseva@ivran.ru, orcid: 0000-0003-1558-2819

^b nbystritskiy@ivran.ru, orcid: 0000-0001-9002-4804

Abstract. *In course of the long-term researches of the architectural decoration of Christian churches in Abkhazia and in Southern Ossetia a great number of important materials (that help to correct the date of some groups of artefacts and to identify some new subjects as well as to put them in the artistic context of the life of the Byzantine Empire and its periphery in the period between X and the beginning of the XI centuries) has been gathered. But lapidary collections that originate from these regions have not been studied from the point of view of function of its reliefs. It is necessary to separate the fragments of the altar barriers from the fragments of the facing of the facades of the Christian churches.*

Studying of the analogies from the neighboring regions (modern territory of Georgia, Armenia, Asia Minor, other parts of the Byzantine Empire) and using of the modern methods of the research (3D reconstructions) could permit to visualize many principal monuments (small forms and monumental decoration) that originate from the above-mentioned regions.

Such researches are important for the studying of the artistic culture of these regions in the period of the genesis of the self-consciousness of their tribes (end IX—beginning XI centuries) and their separation from the political and cultural influence of the hegemon that is the Byzantine Empire. Reconstruction of some monuments (altar barriers, decorative system of the facades) and drafting of the

typological lines could permit to demonstrate the meaning of the two regions for the Christian culture of the Southern Caucasus in the period concerned. It is also important to show their interrelations with the neighboring territories.

Actuality of the problem is proved by the active researches that are led, for example, in Georgia, Russian Federation, France etc.

Originality of the research is proved by the fact that small forms and façade decoration of the Christian churches in Abkhazia and Southern Ossetia in the period in question have not been systematically studied yet. The previous studies focused on the paleochristian period and the dates that were supposed for some principal monuments have been essentially corrected in course of the recent researches.

Meanwhile, this territory (Western Georgia, passes between Karachay-Cherkessia, Kabardino-Balkaria, Abkhazia, Southern Ossetia and Racha) played a decisive role in formation of the original type of the medieval artistic Christian conscience.

Key words: architectural decoration, reliefs, 3D reconstruction, Byzantium, periphery, altar barrier, facade decoration, decorative scheme, Christian Orient.

Введение

В результате многолетних исследований (в том числе в рамках совместных российско-абхазских и российско-югоосетинских научно-исследовательских проектов¹) архитектурной пластики (в Абхазии — с 2006 г., а в Республике Южная Осетия — с 2020 г.) был собран значительный пласт сведений, благодаря которым можно делать попытки реконструкции системы внешней декорации некоторых храмов и их

¹ грант РГНФ 10-04-00581 а/А «Искусство Абхазского царства VIII–XI веков», грант Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства за 2010 г.
грант РГНФ 15-24-12001 «Архитектурная пластика Абхазского царства 8–11 вв.»
грант РГНФ 16-24-12551 «Выявления каменных средневековых рельефов в предгорных и высокогорных селах Абхазии». Грант фонда РФФИ (№ 18-012-00319) на тему «Взаимодействие традиционных и монотеистических религий на Кавказе в памятниках материальной культуры» (2018–2020).

внутренних сакрально значимых структур (алтарные преграды), датировки и атрибуции некоторых ранее мало известных сюжетов.

Во многих случаях локально значимые памятники X–XI вв. разрушены и существуют лишь в виде хаотически разбросанных фрагментов облицовки, внешней или внутренней. Они могут быть рассредоточены и распределены по различным музейным коллекциям.

Учитывая современные возможности визуализации и ревитализации руинированных и плохо сохранившихся памятников культуры и искусства (в том числе компьютерная 3D реконструкция), хотелось бы максимально использовать их в работе с культурным наследием эпохи средневековья на Кавказе (в особенности на рассматриваемых территориях). Это было бы важно как для научных, так и для научно-просветительских проектов.

Цели и задачи

Ревитализация, реконструкция путем создания трехмерных моделей алтарных преград и внешнего декора (архитектурная декорация) некоторых церквей, датируемых X — нач. XI вв. с территории современных Абхазии и Южной Осетии. Планируется рассмотреть как руинированные памятники, так и памятники, где необходима частичная реконструкция утраченных фрагментов (алтарные преграды или внешняя облицовка). В обоих случаях восстановленные детали единой декоративной схемы будут поставлены в художественный и общекультурный контекст христианского искусства IX–XI вв. на Востоке и в Византийской империи.

Материалы и методы

В ходе многолетних исследований был собран богатый материал как в ходе полевых исследований (фиксация и обмер фрагментов архитектурной декорации из различных лапидарных коллекций), так и при работе в библиотеках и архивах (подбор аналогий и постановка в общекультурный контекст).

Степень исследованности рассматриваемого вопроса различна. Что

касается абхазских памятников, они исследованы достаточно подробно. Есть как обобщающие труды, так и монографические исследования отдельных памятников.

В последние десятилетия средневековые церкви Абхазии активно исследовались российскими и абхазскими учеными, в том числе в рамках совместных научно-исследовательских проектов. Подробный библиографический обзор работ по этой теме на 2020 г. опубликован в монографии Е. Ю. Ендольцевой [1, 5–24]. В последние десятилетия средневековые церкви Абхазии активно исследовались российскими и абхазскими учеными, в том числе в рамках совместных научно-исследовательских проектов (в частности, работы С. М. Сакания [2–5]). Среди обобщающих работ следует выделить труды Л. Г. Хрушковой, хотя некоторые датировки для отдельных памятников требуют, как кажется, существенной корректировки [6–7].

Архитектурная пластика христианских церквей Республики Южная Осетия исследована не так основательно, как в Абхазии. Классическим по этой теме остается обобщающий труд грузинских исследователей, написанный уже больше сорока лет назад [8]. Этот труд содержит описание и ряд ценнейших наблюдений относительно основных памятников христианской архитектуры на территории современной Республики Южная Осетия (Шида Картли) в период между V и XVIII вв. включительно. Однако за истекшие годы назрела необходимость и появилась возможность для более подробного исследования христианских церквей средневизантийского периода с этой территории. Эту потребность не до конца восполняют публикации последних лет: в частности, обобщающий труд грузинских специалистов, который выделяется полиграфическим качеством опубликованных фотоматериалов [9], или монография осетинского автора А. А. Сланова [10].

В рамках совместного российско-югоосетинского научно-исследовательского проекта, озаглавленного «Бестиарий эпохи раннего железа — средневековья с территории современной Южной Осетии (памятники археологии, скульптура, мифология)»² (2020–2022 гг.) уже был

² Настоящее исследование также выполнено в его рамках, грант РФФИ № 20–512–07001.

сделан ряд интересных наблюдений, касающихся зооморфных образов на некоторых христианских церквях X–XI вв. [11, с. 167–177; 12, с. 9–28; 13, с. 161–173]. Однако исследования архитектурной пластики IX–XI вв. на территории Республики Южная Осетия необходимо продолжать.

В результате, имеющиеся данные дают возможность гипотетически реконструировать архитектурную декорацию отдельных церквей.

Рассмотрим имеющиеся возможности.

Большого всего данных собрано для составления гипотетических реконструкций архитектурной пластики и малых форм абхазских церквей (благодаря богатой библиографии и интенсивным полевым исследованиям последних лет).

Состояние некоторых памятников с территории Абхазии облегчает предполагаемые исследования. Речь идет о нескольких крупных лапидарных коллекциях, которые можно уверенно связать с определенными зданиями церквей в разной степени сохранности. К примеру, самым значительным собранием рельефных изображений (около 90 фрагментов) можно считать лапидарную коллекцию с горы Анакопия в г. Новый Афон (ныне, с 2016 г., эти артефакты хранятся в Музее Абхазского царства у ее подножия).

Фрагменты этой лапидарной коллекции благодаря активному многолетнему сотрудничеству русских и абхазских коллег подробно изучены и результаты их исследований опубликованы. Были произведены обмеры каждого фрагмента, исследованы фигуративные сюжеты и орнаментальные композиции, вырезанные на них. Подобраны иконографические и стилистические аналогии для каждой группы изображений, выявлен общекультурный и исторический контекст.

Результаты этих исследований опубликованы в виде коллективной монографии, где не только рассматривается проблема каменных рельефов с горы Анакопия, но и происходящие оттуда эпиграфические данные, анализируется храмовая архитектура Анакопийской крепости, а также обнаружены иконографические материалы по церкви св. Феодора, руины которой сохранились в цитадели [14]. Некоторые данные по архитектуре церквей Анакопийской крепости были позже дополнены и скорректированы [15, с. 103–104, 110–124].

Несмотря на проделанную масштабную работу остались некоторые вопросы, на которые возможно ответить только при помощи виртуальной реконструкции декоративного убранства церквей Анакопийской крепости (их руины в разной степени сохранности доступны, материалы исследований обнародованы). В частности, важно установить, остатки архитектурной декорации скольких и каких церквей (или церкви) были собраны в алтаре церкви св. Феодора, как мог выглядеть их экстерьер и алтарные преграды. Собранные данные, как кажется, позволили бы сотрудникам Лаборатории комплексных цифровых технологий ИВ РАН предложить варианты решения этих вопросов.

Лапидарная коллекция на горе Анакопия изучена лучше остальных (кроме того, крепость на горе Анакопия в г. Новый Афон занимает центральное место в истории Абхазского царства), потому является приоритетным пунктом предлагаемой программы исследований по виртуальной реконструкции архитектурной декорации средневековых церквей рассматриваемых регионов.

Но помимо лапидарной коллекции с горы Анакопия на территории Республики Абхазия есть и другие интересные собрания рельефов, которые важно было бы включить в предлагаемую исследовательскую программу. К их числу можно отнести лапидарную коллекцию, происходящую из церкви в Дранде (фрагменты алтарной преграды и внешней облицовки). Эта коллекция рассредоточена по трем локациям: фонды Абхазского государственного музея, собрание Церковно-археологического музея Священной митрополии Абхазии, нартекс Успенского собора в селе Дранда. Несколько фрагментов алтарной преграды ныне утеряны, однако они были опубликованы и исследованы графией П. С. Уваровой [16, с. 30]. Другие редкие фрагменты этой алтарной преграды были недавно обнародованы и атрибутированы [17, с. 196–210]. В ходе уже проведенных исследований были сделаны, где это возможно, обмеры доступных фрагментов. Объем накопленного материала относительно архитектурного убранства церкви в Дранде позволяет, как кажется, сделать попытку реконструкции ее алтарной преграды. В случае удачи наши знания

о малых формах в архитектурной декорации христианских церквей на Кавказе в эпоху Средневековья существенно обогатились бы.

Другой интересный и подробно изученный, но пока не витализированный памятник — это церковь в селе Веселое [18, с. 34–61]. В ходе раскопок 2010–2011 гг. там были обнаружены несколько фрагментов резных камней с фигуративными и орнаментальными изображениями. Имеющиеся данные также позволили бы сделать проект виртуальной реконструкции алтарной преграды этой церкви.

Как уже говорилось, средневековые церкви Южной Осетии и их архитектурная пластика (X–XI вв.) изучены меньше, чем аналогичные памятники на территории Абхазии. Однако в Южной Осетии имеется не менее (а, возможно, и более) богатый материал, чем в Абхазии.

К примеру, на этой территории находится ряд лапидарных коллекций (которые можно датировать IX–XI вв.), потенциально доступных для обмеров и исследований с целью последующей виртуальной реконструкции убранства церквей, из которых они происходят.

В ходе ознакомительной поездки, совершенной осенью 2020 г. в рамках совместного российско-югоосетинского научно-исследовательского проекта были осмотрены и зафиксированы следующие лапидарные коллекции: в Цхинвальском районе (с. Додот), в Джавском районе (с. Сохта, Касаджын, Надарбаз, Квайса). Ряд фрагментов рельефных резных плит (внешняя облицовка или алтарная преграда) вмурованы в стену разрушенной больницы в г. Цхинвал (известно, что они происходят из церкви в с. Тбет (Цхинвальский район), руины которой также сохранились).

Наибольший интерес (присутствуют редкие иконографические сюжеты) представляют собой фрагменты алтарных преград и, возможно, облицовки, собранные на руинах церквей в селах Сохта, Касаджын, Надарбаз, Квайса. Для уточнения архитектурного облика необходимо провести обмеры и фиксацию плит и оставшихся фрагментов зданий.

В последние годы благодаря растущему исследовательскому потенциалу ширится число проектов по виртуальной реконструкции памятников культурно-исторического наследия. Виртуальная реконструкция является современным цифровым методом научной визуализации, использующим

средства информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для воссоздания исторического облика отдельных предметов искусства и памятников архитектуры (утраченных либо частично разрушенных объектов) [19, с. 9]. Она позволяет наглядно представить внешний вид, как отдельных элементов сооружений, так и архитектурные ансамбли или кварталы в целом, путем разработки объемной модели объекта. Создание трёхмерной модели архитектурного памятника опирается на собранный исторический материал, а достоверность воссозданного образа архитектуры зависит от работы исследователя и основывается не только на традиционных знаниях, но и на владении компьютером.

Ускоренное развитие за последние десятилетия цифровых технологий существенно обогатило исследовательский потенциал гуманитария и позволило воспользоваться всеми формами информационного моделирования. Вслед за зрелостью методов математического моделирования исторических процессов в середине 1990-х появляется передовой вид моделирования — визуальное моделирование объектов. В дополнение к традиционным подходам создания графических моделей — от чертежей к эскизам и макетам, цифровые технологии предоставили исследователям возможность быстрого и на порядок менее трудоемкого дополнения и изменения получаемых моделей: редактировать параметры материала, менять размеры и формы памятника, настраивать условия освещения и параметры окружающей среды и т.д. Одним из перспективных направлений визуального моделирования принято считать цифровое объемное (трехмерное, 3D) моделирование. По оценкам исследователей появление технологий объемного моделирования стало «настоящим открытием в области компьютерных технологий» [20, с. 146]. На значимость внедрения технологий трёхмерного моделирования в искусствоведческих исследованиях указывал в свое время руководитель отдела сохранения и усиления роли культурного наследия Генерального директората по вопросам информационного общества Европейской комиссии Бернард Смит [21]. Существующие подходы по трехмерному моделированию можно разделить на 4 подвиды: проектирование — создание новых объектов, консервацию (оцифровку) — сохранение форм и характеристик существующих

объектов, производственную реконструкцию — доработку и модернизацию существующих объектов, и виртуальную реконструкцию — моделирование существующих и утраченных форм и характеристик объекта.

Виртуальная реконструкция объектов историко-культурного наследия являет собой сложный научно-исследовательский процесс с поиском и изучением источников и аналогов, кропотливым анализом разнородной информации, созданием детального верифицированного алгоритма реконструкции, уникального для каждого объекта [22, с. 64]. Учитывая всю их комплексность, работы по созданию виртуальных реконструкций могут выступать не только, как вспомогательный инструмент искусствоведческого и исторического исследований, но и в качестве самостоятельного научного исследования.

Первые единичные попытки использования технологий трёхмерного моделирования в исследованиях по истории искусства предпринимались с середины 1990-х годов³. Упомянем некоторые проекты историко-архитектурной реконструкции Большого храма в Петре I в. (Иордания) под руководством Марты Шарп-Жуковски (Брауновский университет, https://www.brown.edu/Departments/Joukowsky_Institute/Petra/), Рима IV века под эгидой Филиппа Флери (Исследовательский центр античности и мифов Университета Кан-Нормандия, <https://rome.unicaen.fr/>), «Rome Reborn», руководимый Бернардом Фришером (Институт высоких технологий и гуманитарных наук при университете Вирджинии, <https://www.romereborn.org/>), Ватиканского дворца эпохи Возрождения, возглавляемая Манфредом Кообом (кафедра информационных и коммуникационных технологий в архитектуре Технического университета Дармштадта).

К середине 2000-х годов совершенствуется программное обеспечение и методология моделирования, а в научной среде усиливается интерес к виртуальным реконструкциям объектов культурного наследия. Так в ведущих учебных и научных заведениях образуются междисциплинарные исследовательские группы и лаборатории, включающие в себя помимо

³ Детально история формирования и развития направления трехмерного моделирования как научного направления рассматривается в работе «Технологии трехмерного моделирования в ракурсе исторической информатики» [20].

компьютерных специалистов, профессиональных искусствоведов, архитекторов, археологов, историков, художников и гуманитариев из других областей. Стартуют масштабные проекты, характеризующиеся сотрудничеством специалистов по различным областям знания, зачастую, из разных институций: реконструкции Константинополя на 1200 г. «Byzantium 1200» (Тайфун Энер, Альбрехт Бергер), кхмерских храмов (Технический университет Дармштадта, Национальный музей Камбоджи) храмового комплекса Амон Ра в Карнаке и гробниц египетских фараонов (Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе), археологической зоны Теотиуакана (Национальный автономный университет Мексики, Национальный институт антропологии и истории), архитектурных памятников античного Боспора (Факультет искусств СПбГУ, ИИМК РАН) [23], «850 лет зодчества Московского Кремля» (1157–2000 гг.) (Технический университет Дармштадта, РГГУ, Музеи Московского Кремля), «Rome Reborn 2.0» (Университет Вирджинии, Калифорнийский университет, Политехнический университет в Милане, Университет Бордо III, Университет Кан-Нормандия).

От года к году совершенствуются технические средства визуализации, растет сложность и фундированность реализуемых проектов. Для качественной реконструкции становится недостаточным моделирование только основных архитектурных элементов, акцент переносится к воспроизводству малых форм, деталей пластики, декоративных элементов. Такие же тенденции характерны для трансформации уже упомянутых проектов: реконструкции Большого храма в Петре, «Rome Reborn», «Byzantium 1200». В добавок стоит упомянуть о других проектах, где особое внимание уделено пластике и малым формам: виртуальные реконструкции Терракотовой армии (Технический университет Дармштадта, Институт археологии провинции Шаньси, Музей Терракотовой армии), Тель-Халафа и Дрезденского замка-резиденции в 1678 году (Технический университет Дармштадта, Architectura Virtualis GmbH), Имперского (кайзеровского) собора в Кёнигслуттер-ам-Эльм (Гамбургский университет «ХафенСити»), Византийского храма в Гиеносе (Лаборатория комплексных цифровых технологий ИВ РАН, Ткуарчальская археологическая

экспедиция ИА РАН и Абхазского института гуманитарных исследований АН Абхазии), «Цифровые скульптуры» (Лаборатория виртуального всемирного наследия Университета Вирджинии), создание 3D-копий достопримечательностей Староместской площади, Ангкор-Вата, Мачу-Пикчу (Vizerra SA).

Специалист Института археологии РАН В. В. Моор полагает, что виртуальная реконструкция несет в себе богатый исследовательский потенциал и может выступать в роли уникального инструмента для формирования и верификации искусствоведческих гипотез (их уточнения, проверки, выработки новых представлений) относительно формы, местоположения, принципов изготовления, используемых материалов для реконструкции объектов историко-культурного наследия [24, с. 67]. Наряду с этим, цифровые методы виртуальной реконструкции стали часто использоваться при реставрации памятников живописи и монументального искусства, где они позволяют с хорошей точностью осуществлять составление изображений/фигур из разрозненных фрагментов. Трудоемкая задача ручной проверки стыковки множества фрагментов может быть заменена компьютерной верификацией совместимости цифровых моделей фрагментов. Высокоскоростная обработка больших объёмов данных фрагментов позволяет использовать для стыковки фрагментов не только характеристики качества стыковки контуров фрагментов, но и цветового градиента на поверхности, направления мазка/резца и пр. Интересен проект по составлению разбитых фресок Андреа Мантеньи капеллы Оветари церкви Эремитани в Падуе. Здесь благодаря методу, разработанному в университете г. Падуи (отделение физики им. Галилео Галилея) была достигнута высокая эффективность локализации фрагментов [25]. Другой проект реставрации разрушенных фресок XIV века Церкви Успения на Волотовом поле, выполняемый Научно-реставрационной мастерской «Фреска», также продемонстрировал пользу цифровых технологий реконструкции. После извлечения остатков фресок из руин храма было собрано более 1,7 миллионов фрагментов размерами от 1 до 6 см². Программное обеспечение, разработанное для работы с фресками, позволило выделить из множества малых фрагментов такие пары, которые с высокой вероятностью стыку-

ются друг с другом, при этом операции с цифровыми изображениями позволяют стыковать фрагменты бесконтактно, не разрушая кромки боковых граней фрагментов [26]. Аналогичные методы могут быть применены и для реставрации архитектурной пластики. Рассмотрим проект «Реконструкция утраченных сюжетов каменных рельефов Георгиевского собора XIII в.» (Юрьев-Польского Историко-Архитектурный и Художественный Музей, Кафедра исторической информатики МГУ им. М. В. Ломоносова), в котором виртуальная реконструкция нашла применение для восстановления облика ряда утраченных мифических и библейских сюжетов каменных рельефов, расположенных ранее на стенах собора [27]. При обрушении и в ходе его дальнейшей перестройки собор потерял часть рельефов, а некоторые оказались вмурованы в труднодоступных местах. Цифровые технологии сделали возможной проведение оцифровки рельефов и работу с их моделями, не нарушая текущей целостности самого объекта. В ходе проекта была использована программная среда, которая позволила систематизировать фрагменты и провести реконструкцию некоторых каменных рельефов. В качестве недавних удачных примеров можно привести проекты создания виртуальных образов памятников наскального искусства (НИУ Высшая школа экономики, Лаборатория RSSDA) [28], изготовления высокоточной копии барельефов ворот Флорентийского баптистерия (Prototek, Ciglia & Carrai) [29], создания трёхмерных моделей каменных крестов (Государственный Эрмитаж) [30]. Стоит также отметить, что виртуальная реконструкция является мощным средством сохранения и популяризации культурно-исторического наследия. Ее результаты могут лечь в основу создания качественных путеводителей и виртуальных туров.

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что проект по виртуальной реконструкции архитектурной декорации христианских церквей X–XI вв. (предполагается активное участие сотрудников Лаборатории комплексных цифровых технологий ИВ РАН) чрезвычайно актуален как для научного изучения памятников скульптуры средневизантийского периода (удачно вписывается в общеевропейский интерес к этой теме, достаточно

напомнить о недавнем исследовании К. Вандерхейде [31], а также французской исследовательницы грузинского происхождения Н. Яманидзе, которая активно занимается исследованием алтарных преград Грузии [32]), так и в смысле популяризации этой темы. Виртуальные реконструкции архитектурного убранства христианских церквей X–XI вв. на рассматриваемых территориях могли бы активно использоваться в музейных экспозициях (в г. Сухум, г. Новый Афон и г. Цхинвал) и при написании популярных путеводителей (тем более, что деловые связи с коллегами, которые отвечают за это направление деятельности на местах, налажены в ходе совместных исследований прошедших лет). Хочется напомнить также, что по данным Федерального агентства по туризму РФ, данные направления являются приоритетными для отечественных путешественников (возможность использования карты МИР, оплаты рублями, культурные и природные ресурсы и т. д.).

Литература

1. Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). Москва, 2020. ISBN 978–5–89282–978–6
2. Сакания С. М. Бзыбский храм и происхождение крестово-купольной формы. XLV итоговая научная сессия (24–26 апреля) Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии. Тезисы докладов. Сухум, 2001. С. 46–47.
3. Сакания С. М. Политическая и культурная связь Абхазии с Византией, Русью и Аланией. Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 250–252.
4. Сакания С. М. Типология апсид в раннесредневековых храмах Абхазии. Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. (Москва). 21–25 апреля 2014 г. Москва, 2014. С. 274–275.
5. Сакания С. М., Требелева Г. В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-Восточного Причерноморья. Каталог. Том. 1. Западная Абхазия (Гагрский, Гудаутский, Сухумский районы). Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019.
6. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. Тбилиси: Мецниереба, 1980.

7. Хрушкова Л. Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград–Москва, 2018. ISBN 978–5–6040479–8–9
8. Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии — Шида-Картли. Тбилиси, 1975.
9. Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi, 2017. ISBN 978–9941–27–498–2 (На англ. яз.)
10. Сланов А. А. Исторические области Южной Осетии. Владикавказ, 2017. ISBN 978–5–91139–407–3
11. Ендольцева Е. Ю. Мотив головы барана в архитектурной пластике Кавказа X–XIV вв. Allon. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзиццойты. Коллективная монография. Москва: ИВ РАН, 2021. С. 161–173.
12. Ендольцева Е. Ю., Скаков А. Ю. Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа 9–11 вв. Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2020;37:9–28. <http://dx.doi.org/10.15382/sturV202037.9-27>
13. Ендольцева Е. Ю. Образ змеи-дракона в архитектурной декорации христианских храмов Кавказа в эпоху Средневековья. Россия. Грузия. Христианский Восток. Духовные и культурные связи. Сборник статей по материалам VIII Научных чтений, посвященных памяти Д. И. Арсенишвили. Москва, 2021. С. 167–177.
14. Искусство Абхазского царства VIII–XI вв. Христианские памятники Анакопийской крепости / отв. ред. и сост. Е. Ю. Ендольцева. Санкт-Петербург, 2011. ISBN 978–5–88812–469–7
15. Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства VIII–XI вв. Москва, 2015. ISBN 978–5–91674–365–4
16. Уварова П. С. Христианские памятники Кавказа. МАК. IV. Москва, 1894.
17. Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар. Архитектурная декорация и малые формы в церкви в Дранде: новые данные. Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018;23,5:196–210. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.18>
18. Армарчук Е. А. Резной камень храма IX–XI вв. Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Т. И. Макаровой. Москва, 2021. С. 34–61.
19. Лемытская Д. Е. Информационные технологии в реставрации архитектурного наследия: учеб. пособие. Красноярск: СФУ, 2020.
20. Жеребятёв Д. И., Кончаков Р. Б. Технологии трехмерного моделирования в ракурсе исторической информатики. Круг идей: модели и технологии исторических реконструкций. Москва: МГУ, 2010. С. 145–174.
21. Смит Б. Исследовательская деятельность Европейского Союза в области культурного наследия. Информация для всех: культура и технология информационного общества: материалы международной конференции EVA 2003, Москва, 1–5 дек. 2003 г. Москва, 2003.
22. Румянцев М. В., Смолин, А. А., Барышев Р. А., Рудов И. Н., Пиков Н. О. Виртуальная реконструкция объектов историко-культурного наследия. Прикладная информатика. 2011;6 (36):62–77.

23. Горончаровский В. А., Виноградов Ю. А., Мартиров В. Б., Швембергер С. В. Опыт виртуальной реконструкции архитектурных памятников античного Боспора. Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса. Красноярск: СФУ, 2012. С. 31–48.
24. Моор В. В. Архитектурное компьютерное моделирование в исследовании памятников архитектуры. Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса. Красноярск: СФУ, 2012. С. 65–67, 174–194.
25. Восстановление фресок капеллы Оветари (Ovetari). Музеи России [электронный ресурс]. 2 октября 2003. URL: <http://www.museum.ru/N14688>
26. Анисимова Т. И. Использование новых технологий при реставрации руинированной живописи. Церковь Успения на Волотовом поле под Новгородом. Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Выпуск 1. Великий Новгород, 2005. С. 279–291.
27. Борисова С. В., Карташов С. А., Жеребятёв Д. И., Тришин И. Г., МIRONENKO М. С., Дрыга Д. О. Сохранение культурного наследия домонгольской Руси: реконструкция утраченных сюжетов каменных рельефов Георгиевского собора XIII в. Историческая информатика. 2018;3(25):51–75. <http://dx.doi.org/10.7256/2585-7797.2018.3.27576>
28. Свойский Ю. М., Романенко Е. В., Хлопачев Г. А., Полковникова М. Э. Трёхмерное моделирование при исследовании геометрических изображений в искусстве малых форм верхнего палеолита и мезолита Восточной Европы. Camera praehistorica. 2020;2(5):8–24. <http://dx.doi.org/10.31250/2658-3828-2020-2-8-24>
29. Bringing an Italian 14th century bronze masterpiece back to life with Artec Spider [электронный ресурс]. June 05, 2020. URL: <https://www.artec3d.com/news/3d-scanning-italian-baptistery-doors>. (На англ. яз.)
30. Панченко В. Б., Денисова А. А. Трёхмерные модели каменных крестов как вариант экспонирования памятников из «недоступных» мест. Виртуальная археология. Раскрывая прошлое, обогащая настоящее и формируя будущее: материалы IV Междунар. науч. конф. Красноярск, 20–22 сентября 2021 г. Красноярск: СФУ, 2021. С. 62–66. <http://dx.doi.org/10.17516/sibvirarch-007>
31. Vanderheyde C. La Sculpture byzantine du IXe au XVe siècle: contexte — mise en oeuvre — décors. Paris, 2020. ISBN 978-2-7084-1050-3 (На франц. яз.)
32. Iamanidzé N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles). Turnhout: Brepols, 2010. ISBN 978-2-503-53408-4 (На франц. яз.)

References

1. Endoltseva E. Y. Architectural decoration in Abkhazia in the period of the Abkhazian kingdom (8–11 centuries). Moscow, 2020. ISBN 978-5-89282-978-6 (In Russ.)
2. Sakania S. M. The Bzyb Church and the origin of the cross-domed form. XLV final scientific session (April 24–26) of the Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after D. I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia. Abstracts. Sukhumi, 2001, pp. 46–47. (In Russ.)

3. Sakania S. M. Political and cultural connection of Abkhazia with Byzantium, Russia and Alania. Fourth Kuban Archaeological Conference. Abstracts and reports. Krasnodar, 2005, pp. 250–252. (In Russ.)
4. Sakania S. M. Typology of apses in the early medieval temples of Abkhazia. E. I. Krupnov and the development of the archeology of the North Caucasus. XXVIII Krupnov Readings. Materials of the International scientific conference. (Moscow). April 21–25, 2014. Москва, 2014, pp. 274–275. (In Russ.)
5. Sakania S. M., Trebeleva G. V. Late Antique and Medieval Christian Temples of the North-Eastern Black Sea Region. Catalog. Volume. 1. Western Abkhazia (Gagra, Gudauta, Sukhum regions). Magnitogorsk, 2019. (In Russ.)
6. Khrushkova L. G. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. Тбилиси: Мецниереба, 1980. (In Russ.)
7. Khrushkova L. G. The East Coast of the Black Sea in the Byzantine era. History. Architecture. Archaeology. Kaliningrad–Moscow, 2018. ISBN 978–5–6040479–8–9 (In Russ.)
8. Mepisashvili R., Tsintsadze V. Architecture of the upland part of the historical province of Georgia — Shida Kartli. Tbilisi, 1975. (In Russ.)
9. Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi, 2017. ISBN 978–9941–27–498–2
10. Slanov A. A. Historical regions of South Ossetia. Vladikavkaz, 2017. ISBN 978–5–91139–407–3 (In Russ.)
11. Endoltseva E. Y. Motif of ram's head in architectural decoration in Caucasus in X–XIV centuries. Allon. On the occasion of the 60th anniversary of the Honored Scientist of the Republic of South Ossetia, Professor Yu. A. Dzitssoyty. Moscow, 2021, pp. 161–173. (In Russ.)
12. Endoltseva E. Y., Skakov A. Y. Zoomorphic images in architectural decoration of Caucasus in 9–11 centuries. Herald of orthodox Saint Tikhon Humanitarian University. Questions of history and theory of Christian art. 2020;37:9–28. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15382/sturV202037.9–27>
13. Endoltseva E. Y. Image of snake-dragon in the architectural decoration of Christian churches in Caucasus in medieval period. Russia. Georgia. Christian East. Spiritual and cultural links. Collection of the materials of VIII scientific readings, dedicated to the memory of D. I. Arsenishvili. Moscow, 2021, pp. 167–177. (In Russ.)
14. Art of the Abkhazian kingdom between 8 and 11 centuries. Christian monuments of the Anacopia fortress. Ed. by E. Yu. Endoltseva. Saint Petersburg, 2011. ISBN 978–5–88812–469–7 (In Russ.)
15. Vinogradov A. Yu., Beletsky D. V. Church architecture of Abkhazia in the era of the Abkhazian kingdom 8–11 centuries. Moscow, 2015. ISBN 978–5–91674–365–4 (In Russ.)
16. Uvarova P. S. Christian monuments of the Caucasus. MAC. IV. Moscow, 1894. (In Russ.)
17. Endoltseva E. Yu., arch. Dorotheus Dbar. Architectural decoration and small forms in Dranda: new findings. Herald of the Volgograd State University. Series 4. History, Regional Studies, International relations. 2018;23,5:196–210. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.18>

18. Armarchuk E. A. The carved stone of the temple of the 9th-11th centuries near the village Vesoloe. Medieval arts and crafts. To the 90th birthday anniversary of Tatyana Ivanovna Makarova. Moscow, 2021, pp. 34–61. (In Russ.)
19. Lemytskaya D. E. Information technologies in the restoration of architectural heritage: textbook. Krasnoyarsk, 2020. (In Russ.)
20. Zheryatyev D. I., Konchakov R. B. Technologies of 3D modeling in the perspective of historical informatics. Circle of Ideas: Models and Technologies of Historical Reconstructions. Moscow, 2010, pp. 145–174. (In Russ.)
21. Smith B. Activities and Research for Cultural Heritage in the European Union. Information for all: Culture and Information Society Technologies: materials of the International conference EVA 2003, Moscow, December 1–5, 2003. Moscow, 2003.
22. Rumyantsev M., Smolin A., Baryshev R., Rudov I., Pikov N. Virtual reconstruction of historical and cultural heritage objects. Journal of Applied Informatics. 2011;6 (36):62–77. (In Russ.)
23. Goroncharovsky V. A., Vinogradov Yu. A., Martirov V. B., Shvemberger S. V. Experience of virtual reconstruction of architectural monuments of the ancient Bosphorus. Virtual reconstruction of historical and cultural heritage in the formats of scientific research and educational process. Krasnoyarsk, 2012, pp. 31–48. (In Russ.)
24. Moor V. V. Architectural computer modeling in the study of architectural monuments. Virtual reconstruction of historical and cultural heritage in the formats of scientific research and educational process. Krasnoyarsk, 2012, pp. 65–67, 174–194. (In Russ.)
25. Restoration of the frescoes in the Ovetari Chapel. Museums of Russia. October 2, 2003. URL: <http://www.museum.ru/N14688>. (In Russ.)
26. Anisimova T. I. The use of new technologies in the restoration of ruined painting. Church of the Assumption on the Volotovo field near Novgorod. Novgorod and Novgorod land. Art and restoration. Issue 1. Veliky Novgorod, 2005, pp. 279–291. (In Russ.)
27. Borisova S. V., Kartashov S. A., Zheryatyev D. I., Trishin I. G., Mironenko M. S., Dryga D. O. Preservation of Pre-Mongol Rus Cultural Heritage: Reconstruction of the Lost Stone Reliefs of the 13th Century St. George's Cathedral. Historical informatics. 2018;3(25):51–75. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.7256/2585-7797.2018.3.27576>
28. Svoyski Y. M., Romanenko E. V., Khlopachev G. A., Polkovnikova M. E. 3D modeling in the studies of the portable art geometrical images of the Upper Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe. Camera praehistorica. 2020;2(5):8–24. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.31250/2658-3828-2020-2-8-24>
29. Bringing an Italian 14th century bronze masterpiece back to life with Artec Spider. June 05, 2020. URL: <https://www.artec3d.com/news/3d-scanning-italian-baptistery-doors>
30. Panchenko V., Denisova A. Three-dimensional models of medieval stone crosses used as a model for displaying artifacts from “inaccessible” places. Virtual archaeology. Revealing the Past, Enriching the Present and Shaping the Future. Proceedings of the Forth International Scientific Conference. Krasnoyarsk, 20–22 September 2021. Krasnoyarsk, 2021, pp. 62–66. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.17516/sibvirarch-007>
31. Vanderheyde C. La Sculpture byzantine du IXe au XVe siècle: contexte — mise en oeuvre — décors. Paris, 2020. ISBN 978-2-7084-1050-3 (In French)
32. Iamanidzé N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles). Turnhout: Brepols, 2010. ISBN 978-2-503-53408-4 (In French)

АРАБСКАЯ ЭПИГРАФИКА ДАГЕСТАНСКОГО СЕЛЕНИЯ УХУЛ

Замир Шахбанович Закарияев

Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация,

zzakariyaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5253-2231>

Аннотация. *Эпиграфические памятники являются важным источником по истории и культуре Дагестана. В статье представлены результаты полевых исследований арабской эпиграфики, проведенных автором в высокогорном лезгинском селении Ухул, расположенном на крайнем юге Дагестана. Эпиграфические памятники Ухула прежде никем не изучались и впервые вводятся в научный оборот. Они состоят из врезных и рельефных надписей XIX — первой трети XX в. разных жанров — эпитафий, строительных и владельческих надписей. Переводы и описания надписей снабжены комментариями. Наибольший интерес представляют датированные надписи, составленные по случаю строительства или ремонта жилых домов, мечетей, мостов. В них содержатся имена владельцев домов, организаторов и заказчиков ремонтно-строительных работ, профессиональных мастеров-строителей, резчиков-каллиграфов, мусульманских духовных деятелей, а также лиц, совершивших паломничество в Мекку. В надписи эпохи Кавказской войны, составленной в 1269 г. хиджры (1852–53 г.) по случаю ремонта Пятничной мечети, имеется актовая запись о заведении представителем местной мусульманской элиты денежных средств на нужды мечети. Установлено, что в середине XIX в. эта мечеть была отремонтирована мастерами-строителями из лезгинского селения Хрюг, а в 1338/1919–20 г. — мастерами из соседнего лезгинского селения Лгар. В надписях Ухула зафиксированы отрывки из Корана, хадисов и поэтических произведений.*

Ключевые слова: арабская эпиграфика; Дагестан; лезгины; селение Ухул; арабская каллиграфия; социальная терминология

ARABIC-LANGUAGE EPIGRAPHY OF THE DAGESTAN VILLAGE UKHUL.

Zamir Sh. Zakariyaev

Dagestan State University, Makhachkala, Russia,

zzakariyaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5253-2231>

Abstract. *Epigraphic monuments are the important source in the history and culture of Dagestan. The article presents the results of the field researches of Arabic-language epigraphy, held by the author in the highland lezgin village Ukhul in the south of Dagestan. The epigraphic monuments of Ukhul have not been studied before and are introduced into scientific circulation for the first time. They consist of inset and relief inscriptions of the XIX—the first third of the XX century of different genres — epitaphs, building and owners' inscriptions. The translations and descriptions of these inscriptions are supplied with comments. Of great interest are the dated inscriptions, compiled on the occasion of the construction or repair of residential buildings, mosques, bridges. They contain the names of the owners of the houses, organizers and customers of repair and construction works, professional builders, calligraphers, Muslim clerics and also the names of the persons, who made the pilgrimage to Mecca. In the inscription of the Caucasian war era, compiled in 1269 AH (1852–53) on the occasion of the repair of the Friday Mosque, there is an act record of the bequest of funds for the needs of the mosque by a representative of the local muslim elite. It is established that in the middle of the XIX c. this mosque was renovated by the builders from lezgin village Khrug, and in 1338/1919–20 by the builders from the neighboring lezgin village Lgar. The inscriptions of Ukhul contain the excerpts from the Quran, hadiths and poetic works.*

Keywords: Arabic-language epigraphy; Dagestan; lezgins; village Ukhul; Arabic-language calligraphy; social terminology

Введение

Заброшенное лезгинское селение Ухул (лезг. Угул) находится на крайнем юге Дагестана и Российской Федерации, на территории Ахтынского района, вблизи Главного Кавказского хребта. Это одно из самых высокогорных дагестанских селений, расположенное в верхней части Муглахского ущелья в труднодоступной горной местности на высоте свыше 2200 м над уровнем моря. До присоединения региона к Российской империи селение Ухул входило в состав союза сельских общин Докуз-пара, состоявшего из девяти горных лезгинских селений. В отличие от некоторых других селений Ахтынского района, эпиграфические памятники Ухула прежде никем не изучались. В рамках проекта полевых исследований эпиграфики Ахтынского района Дагестана летом 2020 г. мы посетили селение Ухул, находящееся ныне в развалинах. Применена методика сплошного изучения надписей отдельного поселения.

Эпиграфика Ухула представлена исключительно надписями на арабском языке. Здесь выявлены врезные и рельефные надписи XIX — первой трети XX в. разных жанров — эпитафии, строительные и владельческие надписи. Наибольший интерес представляют датированные строительные и владельческие надписи, составленные по случаю строительства или ремонта жилых домов, мечетей, мостов. Они обнаружены в стенах полуразрушенных зданий в плотной застройке селения, которое построено в характерной для горного Дагестана ступенчато-ярусной манере.

Арабские надписи селения Ухул. Переводы и комментарии.

1. Старейшая из выявленных в селении надписей обнаружена на квадратной каменной плите, установленной над дверным проемом полуразрушенного дома. Строительная надпись в рамке врезана изящным арабским почерком сулс (Рис. 1). Строки разделены поперечными полосами. Последнее слово первой строки высечено в плоском рельефе.

(١) قد بنى هذا البيت استاه

نذر ابن ملاً بيرامعلّى فى قرية (٢)

(٣) اكولّى لاجل اخيه الكچبك وملا

شكرا على لاجل الاضياف والاكفاني (٤)
افحوص الحمام تاريخ نبى عم فى سنة ١٢٢٦ (٥)

Перевод:

- «1) Построили (бана) этот дом мастер (уста)
- 2) Назир, сын малла Байрам-‘Али из селения
- 3) Ухул (карйат Укули) ради своего брата ал-Кичибек и малла¹
- 4) Шакара-‘Али ради гостей. Мне же хватило бы
- 5) голубинового гнезда. Дата пророка, — мир ему! — в 1226 г.».

1226 г. хиджры соответствует 25.01.1811–14.01.1812 г.

В надписи приводятся имена сразу четырех жителей Ухула, живших во второй половине XVIII — начале XIX в. Среди них профессиональный мастер-строитель, отмеченный термином уста и два мусульманских духовных лица (малла). Представляется, что малла Шакара-‘Али был владельцем дома, а непосредственный мастер-строитель наделен в надписи профессиональным званием уста.

При написании имени Кичибек, буква «ч», отсутствующая в арабском алфавите, выведена при помощи аджамной графемы < چ > с тремя точками снизу. Ныне довольно редкое имя Шакар-‘Али (Шекер-‘Али) прежде было довольно популярно среди самурских лезгин. У ухульцев поныне имеется фамилия «Шакаралиевы».

В надписи приводится краткая редакция (окончание) изречения, которое часто включалось в тексты строительных надписей региона о возведении частных жилых домов: «Построен этот дом не ради хвастовства, а для уважаемых гостей. Если бы эта постройка была ради себя, мне бы хватило голубинового гнезда».

2. Сразу несколько арабских надписей сохранилось в стенах полуразрушенной Пятничной мечети (Джума-мечети). Высоко в западной стене, под карнизом вмонтирована плита 64x35 см с врезным текстом в двой-

¹ Термин мулла (восходит через перс. молла к араб. маула в значении «господин, повелитель, владыка») обозначает знатока мусульманского ритуала, служителя культа; грамотного, ученого человека [1, с. 170]. В Самурском регионе Дагестана, где находится селение Ухул, этот термин употреблялся в форме малла. Мулл в каждом селении региона было столько, сколько и мечетей. Муллы избирались общиной [2, с. 30].

ной рамке (Рис. 2). Размеры текста: 45x30 см. Пять строк отделены друг от друга двойными линиями. Почерк — красивый каллиграфический насх. Надпись представляет собой синтез жанра завещаний и жанра строительной надписи.

(١) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ نَسْتَعِينُ يَا اللَّهُ يَا مُحَمَّدَ
اللَّهُمَّ اجْعَلْ هَذَا إِحْسَانًا مَقْبُولًا وَخَزَانَةً إِلَى يَوْمِ الْقَرَارِ (٢)
(٣) قَدْ أَوْصَى مَلًّا عَلَى وَرْدَى مِائَةِ مَنَوَاتٍ بِشَرْطٍ أَنْ يُتَصَرَّفَ عَلَى الْمَسْجِدِ
الْجَامِعِ مَسْجِدِ أَكُولَى فَصُرِّفَتْ وَعُمِّرَتْ وَتَزَيَّنَ الْخَشَبَاتُ أَوْسَتْهُ أَقَامَ أَوْغْلَانُ (٤)
فِي تَارِيخِ النَّبِيِّ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ فِي سَنَةِ ١٢٦٩ كَاتِبُهُ شَاهُ مَرْدَانُ (٥)

Перевод:

«1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. У Него мы просим помощи. О, Аллах! О, Мухаммад!

2) О, Аллах, прими это одобряемым благодеянием и сокровищницей до Судного Дня².

3) Завещал малла ‘Али-Верди сто рублей (манават) с условием их расходования на [нужды] Пятничной мечети

4) Ухула (Укули) и они были израсходованы, а [мечеть] отремонтирована³. А столбы декорировал мастер (уста) Акам-Углан (Агам-Углан)

5) в дату пророка, — да благословит его Аллах и приветствует: 1269 г. Написал это Шах-Мардан».

1269 г.х. соответствует 14.10.1852–03.10.1853 г.

В надписи последовательно приводятся имена жертвователя денежных средств на ремонт мечети, профессионального мастера и резчика-каллиграфа. Отсутствует указание на происхождение этих лиц, однако можно уверенно считать их ухульцами, поскольку не указаны их нисбы. В эпиграфических памятниках Дагестана нисбы обычно не указывались тогда, когда речь шла о местных жителях. Упомянутый в надписи автор завещания, представитель мусульманского духовенства Ухула малла ‘Али-Верди родился около 1790 г., а умер в 1856 г. Согласно сохранившимся архивным данным, он был сыном ухульца по имени Муршид-‘Али. Малла

² Буквально: Йавм ал-карар — «День [принятия] решений».

³ Характер строительных работ в надписи выражен глаголом ‘аммара, который применялся в эпиграфике Дагестана, как правило, для обозначения ремонтно-восстановительных работ, наряду с глаголом джаддада [3, с. 418].

‘Али-Верди в середине XIX в. имел пятерых сыновей, один из которых также был знатоком мусульманского права и ритуала (малла). Упомянутый в надписи ухульский мастер уста Агам-Углан, сын Неджефа родился около 1830 г.⁴

Отсутствие нисбы при имени каллиграфа также указывает на его происхождение из Ухула. Речь идет, вероятно, об ухульце Шах-Мардане, сыне малла ‘Абдуразака, который был владельцем и переписчиком арабоязычной рукописи сочинения по логике Исагуджи, что хранится в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра (Ф. 14. № 2000). В колофоне рукописи мы прочли запись о ее переписке в месяце зу-л-хиджжа 1247 г. хиджры (мае 1832 г.) Шах-Марданом, сыном ‘Абдуразака из селения Ухул (карийат Укули) магала Докуз-пара «в услужении» наставнику Хаджи-афанди, сыну Сафар-кули из Ялцуга (Йалджуги)⁵.

3. В восточной стене Джума-мечети установлена прямоугольная плита 70х40 см. Центральное круглое поле с текстом обрамлено орнаментальной лентой с изящным растительным орнаментом. Вокруг круглого поля высечены имена Всевышнего, пророка Мухаммада, четырех «праведных» халифов⁶, а также элементы растительного орнамента. На правом краю плиты, внутри ромбовидной фигуры врезаны имена «Халил» и «Исма‘ил». Строительный текст круглого поля сильно поврежден. Надпись выполнена превосходным почерком насх в плоском рельефе.

(١) قد عمّر ... [هذا]

المسجد [اوست] رجب و (٢)

(٣) رمضان ومولان الخر[وكي]

باعانة جماعة [لاخو] الى (٤)

... كاتبه عبد الحميد بن حاجي محمد افندی (٥)

⁴ Посемейный список с. Ухул Самурского округа Дагестанской области. 1850 г.— Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2.

⁵ Лезгинское селение Ялцуг, расположенное по соседству с Ухулом, также входило в состав союза сельских общин Докуз-пара. В Посемейном списке с. Ялцуг от 1873 г. упоминается хаджжи Сафар-кули-афанди, сын Хаджи-афанди (род. ок. 1827 г.), переселившийся с семейством в Турцию.

⁶ Речь идет о халифах Абу Бакре, ‘Умаре, ‘Усмани и ‘Али.

Перевод:

- «1) Отремонтировали (‘аммара) ... [эту]
- 2) мечеть мастер (уста) Раджаб,
- 3) Рамадан (Рамазан) и Мавлан из Хрюга (ал-Хур[уки]),
- 4) при содействии общины Ухула (джама‘ат ал-Ухули).
- 5) Написал это (катибуху) ‘Абд ал-Хамид (‘Абдулхамид), сын хаджжи Мухаммад-афанди».

Дата надписи выбита на нижней части диска круглого поля: 1269 г. хиджры. Это соответствует 14.10.1852–03.10.1853 г. Каллиграф (катиб) надписи ‘Абдулхамид, сын хаджжи Мухаммад-афанди был также создателем строительной надписи от 1271/1854–55 г. о ремонте моста (см. надпись 5). Он родился около 1800 г. и был потомственным представителем мусульманского духовенства Ухула, поскольку в документах он наделяется, как и его отец, духовным званием афанди. Этим термином в Самурском регионе Дагестана обозначали лишь наиболее образованных представителей мусульманской элиты [2, с. 29]. В Посемейном списке с. Ухул от 1873 г. мы обнаружили сведения о том, что в этом году ‘Абдулхамид-афанди, как и некоторые другие жители Самурского округа, изъявлял желание переселиться с семейством в Турцию, однако, по всей видимости, в итоге остался в селении. ‘Абдулхамид-афанди имел пятерых сыновей: малла ‘Абдулмеджид (род. около 1845 г.), ‘Абдулсамед (род. около 1850 г.), малла ‘Абдулхай (род. около 1855 г.), малла Сейфуллах (род. около 1860 г.) и малла Хаджи-Мухаммад (род. около 1863 г.)⁷. Последний сын получил имя деда, поэтому можно предположить, что дед скончался в начале 1860-х гг. Согласно Посемейному списку с. Ухул от 1886 г. малла ‘Абдулмеджид проживал с 1875 г. в селении Узун-меше Кубинского уезда⁸. Сын ‘Абдулхай с 1875 г. проживал в селении Шафили Арешского уезда⁹.

В рассматриваемой надписи среди трех мастеров-строителей из селения Хрюг упоминается мастер по имени Мавлан. Вероятно, именно он

⁷ Посемейный список с. Ухул. 1873 г. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 9.

⁸ Кубинский уезд находился в северо-восточной части современной Азербайджанской Республики.

⁹ Арешский уезд находился в северной части современной Азербайджанской Республики.

указан как «малла Мавлан» в выявленной нами рукописной записи завещания от 1271/1854–55 г., где он выступает свидетелем завещания.

4. Джума-мечеть. В южной стене, справа от михраба вмонтирована прямоугольная плита 46x31 см (Рис. 3). Внутри прямоугольной рамки находится центральное круглое поле со строительной надписью. Центральное поле по бокам сопровождают четыре полукруглых поля с формулами восхваления Всевышнего, пророка Мухаммада и «праведных» халифов. Пять строк центрального поля разделены полосами. Плоский рельеф, почерк насх.

(١) قد عمّر وجدّد

هذا المسجد اوست بلال اوست (٢)

انداو اوست قدير پركنتلى باعانة (٣)

جماعة الاخولى كاتبه رجب بن باغير (٤)

١٣٣٨ (٥)

Перевод:

«1) Отремонтировали (‘аммара) и обновили (джаддада)

2) эту мечеть мастер (уста) Билал, мастер (уста)

3) Андал и мастер (уста) Кадир из Лгара (Пиркентли) при содействии

4) общины Ухула (джама‘ат ал-Ухули). Написал это Раджаб, сын Багира.

5) 1338 г.».

1338 г. хиджры соответствует 25.09.1919–13.09.1920 г.

В надписи подчеркивается роль общины Ухула при выполнении ремонта мечети. Последовательно указаны имена трех мастеров-строителей, под руководством которых были проведены ремонтные работы. Все трое были родом из соседнего лезгинского селения Лгар, которое в письменной традиции известно также под названием Пиркент (Пиркенд)¹⁰. Единственная нисба в надписи приводится на тюркский манер (Пиркентли). Имя мастера уста Андала встречается еще в одной строительной надписи Ухула (от 1928 г.), которая высечена в стене моста (см. надпись 7). Не исключено, что первый из упоминаемых в надписи лгарских мастеров —

¹⁰ В селении Лгар прежде находился мавзолей (пир) одного из наиболее почитаемых в Южном Дагестане мусульманских «святых» — шайха пир Сулеймана. По этой причине селение Лгар было также известно под названием «Пиркенд», что означает «селение-святыня», вернее, «селение святыни», имея в виду суфийское святилище шайха пир Сулеймана.

это Билал, сын Таги, сына Раджаба, сына Йардума (род. около 1883 г.), который значится в Посемейном списке с. Лгар от 1886 г.¹¹

В надписи приводится и имя резчика-каллиграфа. Судя по отсутствию нисбы при его имени, он был жителем Ухула. Нами установлено, что каллиграфом плиты является ухулец Раджаб (Раджаб-‘Али), сын Багира (род. около 1859 г.), который был профессиональным ремесленником-башмачником¹². Нами прочтена эпитафия на могиле его отца, уста Багира (см. надпись 10). Термин уста указывает на то, что последний также был профессиональным ремесленником. Это подтверждается архивными данными от 1886 г., где указана его ремесленная специализация — каменщик.

5. В стене заброшенного дома Агабекова Ягубека установлена прямоугольная плита 72х32 см с надписями в двойной рамке (Рис. 4). Строки разделены двойными линиями. Текст 2–5 строк по краям сопровождают орнаментальные мотивы, причем растительный орнамент на каждой строке разный. Изучение текста показало, что это строительная надпись о ремонте моста. Следовательно, прежде плита была вмонтирована в стену моста, после разрушения которого была уже вторично использована в декоративных целях и установлена в стену дома. Надпись искусно врезана красивым каллиграфическим почерком сулс и начинается с традиционной вступительной формулы басмала, имен Всевышнего, пророка Мухаммада, четырех «праведных» халифов. Вторая строка содержит аят из суры Корана «Пещера» (18:46).

(١) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ نَسْتَعِينُ يَا اللَّهُ يَا مُحَمَّدَ ابْنِ بَكْرٍ عُمَرَ عُثْمَانَ عَلَى اللَّهِ صَلِّ عَلَى مُحَمَّدٍ وَآلِ مُحَمَّدٍ وَسَلِّمْ

المال والبنون زينة الحياة الدنيا والباقيات الصالحات خير عند ربك ثوابا وخير املا (٢)

(٣) قَدْ جَدَّدَ وَعَمَّرَ هَذِهِ الْقَنْطَرَةَ اِقَا كَشَى

ابن محرم واسبابة ومحرم ابنا ابني محرم واسسته رجب واسسته عبد الرحمن (٤)

الخرويكين باعانة جماعة الاكولى كاتبه عبد الحميد بن حاجى محمد افندى فى سنة ١٢٧١ (٥)

Перевод:

«1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. У Него мы просим помощи. О Аллах! О, Мухаммад, Абу Бакр, ‘Умар, ‘Усман, ‘Али! О, Аллах, благослови Мухаммада, его семью и да приветствуй!

¹¹ Посемейный список с. Лгар. 1886 г. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 56.

¹² Посемейный список с. Ухул. 1886 г. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 56.

2) Богатство и сыновья — украшения жизни в мире этом, однако оценивает выше Господь твой твои деяния праведные, вечны [плоды которых], и лучше на них возлагать надежды¹³.

3) Отремонтировали (джаддада) и восстановили (‘аммара) этот мост Ака-Киши (Ага-Киши),

4) сын Мухаррама, Исбат и Мухаррам, сыновья двух сыновей (ибна ибнай) Мухаррама. [Мастера]: мастер (уста) Раджаб и мастер (уста) ‘Абд ар-Рахман (‘Абдурахман)

5) из Хрюга (ал-Хурукиййин), при содействии общины Ухула (джама‘ат ал-Укули). Написал (катибуху) ‘Абд ал-Хамид (‘Абдулхамид), сын хаджжи Мухаммад-афанди в 1271 году».

1271 г. хиджры начался 23 сентября 1854 г. и завершился 12 сентября 1855 г.

Упоминаемый в надписи ухулец Ага-Киши, сын Мухаррама родился около 1800 г., а скончался через пять лет после составления надписи — в 1860 г., как и его сын Исбат (Испат), родившийся около 1830 г.¹⁴ Что касается упоминаемого в надписи Мухаррама, то он приходился, очевидно, племянником Ага-Киши, т. е. был сыном его брата. Следовательно, он был двоюродным братом Исбата.

В надписи перечисляются имена ухульцев, профинансировавших ремонтные работы, имена непосредственных мастеров-строителей — уроженцев селения Хрюг, а также имя искусного резчика-каллиграфа, который был жителем Ухула. ‘Абдулхамид, сын хаджжи Мухаммад-эфенди был каллиграфом строительной надписи от 1852–53 г. в стене Джума-мечети (см. надпись 3). Уста Раджаб из Хрюга также упоминается в этой надписи.

6. Интерес представляют строительные надписи, обнаруженные в кладке арочного моста на окраине селения. В стене моста, слева от арочного проема, вмонтировано две плиты с надписями. Правая плита размера 30х30 см имеет круглое центральное поле внутри квадратной рамки (Рис. 5). Надпись из семи строк высечена в высоком рельефе. Почерк насх.

¹³ Коран цитируется в переводе М.-Н.О. Османова [4].

¹⁴ Посемейный список с. Ухул. 1850 г. ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2.

- (١) قد جدد و
 عمر هذه القنطرة (٢)
 (٣) اوستا ببيوة وملاً بدير ا
 بن داود الاخوليين لاجل (٤)
 احسان امها تقبل الله في تا (٥)
 ريخ النبي ١٣١٩ (٦)
 ١٩٠١ (٧)

Перевод:

- «1) Обновили (джаддада) и
 2) отремонтировали (‘аммара) этот мост
 3) мастер (уста) Бейбут и малла Бедир,
 4) сыновья Давуда из Ухула (ал-Ухулиййин) ради
 5) благодеяния (ихсан) [их] матери, — да примет [его] Аллах! В да-
 6) ту пророка: 1319 г.
 7) 1901 г.».

1319 г. хиджры соответствует 19.04.1901–09.04.1902 г. Любопытно, что дата в надписи приводится как по мусульманскому, так и по христианскому летоисчислению. В мусульманской эпиграфике Дагестана даты по христианскому летоисчислению стали впервые использоваться после окончания Кавказской войны, примерно с последней трети XIX в. В надписях конца XIX — начала XX в. такие случаи фиксируются уже гораздо чаще. Если сначала даты по христианскому летоисчислению лишь дублировали даты по хиджры, то в более поздних арабских надписях нередко встречаются только христианские даты.

Отремонтировавшие мост ухульцы были братьями. Термины уста и малла при их именах указывают на то, что Бейбут был профессиональным мастером-строителем (каменщиком), а Бедир — знатоком мусульманского права и ритуала (малла). Согласно архивным данным от 1886 г., у Бейбута (род. около 1855 г.) и Бедира (род. около 1860 г.) имелся еще один брат по имени Рамазан (род. около 1862 г.). Отцом братьев был Давуд, сын Рамазана (род. около 1831 г.)¹⁵.

15

Посемейный список с. Ухул. 1886 г. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 56.

7. В стене арочного моста, слева от предыдущей плиты вмонтирована плита 30x25 см. Надпись из пяти строк нанесена внутри круглого поля. Высокий рельеф, почерк насх.

- (١) قد جدد هذه القنطرة)
(٢) است عندال بن يردوم
(٣) باعانة جماعت الاخولى)
(٤) كاتب ١٩٢٨
(٥) اكبر

Перевод:

- «1) Отремонтировал (джаддада) этот мост
2) мастер (уста) ‘Андал, сын Йардума
3) при содействии общины Ухула (джама‘ат ал-Ухули).
4) 1928 г. Написал это (катибуху)
5) Акбар».

Дата (1928 г.) приводится в надписи по григорианскому календарю. Мастер-каменщик ‘Андал, руководивший ремонтом моста, упоминается в надписи от 1338/1919–20 г. в стене ухульской мечети как один из мастеров при ее ремонте (см. надпись 4). Выше мы уже отмечали, что уста Андал был жителем лезгинского селения Лгар, расположенного по соседству с Ухулом. На это указывает также его насаб (имя отца) — Йардум. Это редкое имя зафиксировано нами в строительной надписи от 1306/1888–89 г. на стене Джума-мечети в селении Лгар.

8. Нами исследованы памятники местного кладбища, где выявлены датированные надписи-эпитафии XIX — начала XX в. На стене небольшого купольного мавзолея установлена прямоугольная плита 45x25 см с надписью, которая помещена внутри тройной рамки. Строки разделены линиями. Плоский рельеф, почерк сулс.

- (١) قد انتقل من دار الدنيا)
(٢) والفناء الى دار الاخرة
(٣) والبقاء الملاً هيبت الله)
(٤) ابن حاج تنكروردى
(٥) الاخولى فى سهر الله المبارك
(٦) ذى القعدة فى سنة ١٣٠٢

Перевод:

- «1) Переселился из ближнего
- 2) и бренного мира в потусторонний
- 3) и вечный мир малла Хайбатуллах,
- 4) сын хаджжи Танкри-Верди (Тари-Верди)
- 5) из Ухула (ал-Ухули) в благословенный месяц Аллаха
- 6) зу-л-ка‘да 1302 г.».

Месяц зу-л-ка‘да 1302 г. хиджры начался 11 августа и завершился 9 сентября 1885 г. В Посемейном списке с. Ухул от 1873 г. значится Хайбатуллах, сын хаджжи Тари-Верди (род. около 1860 г.). В свою очередь, хаджжи Тари-Верди (род. около 1825 г.) был сыном малла ‘Али-Верди, который упоминается в рассмотренной выше надписи от 1852–53 г. на Джума-мечети Ухула (см. надпись 2). Следовательно, владелец эпитафии малла Хайбатуллах приходится внуком малла ‘Али-Верди. Имя «‘Али-Верди» получил младший брат малла Хайбатуллаха, родившийся около 1870 г.¹⁶

9. На кладбище находится прямоугольная стела с рельефной эпитафией из семи строк, которые разделены полосами. Эпитафия нанесена каллиграфическим почерком насх и начинается с трафаретного стиха Абу-л-‘А-тахийи. С третьей строки следует текст хадиса кудси.

- (١) الموت كأس كل الناس شاربها
- (٢) القبر باب كل الناس داخلها
- (٣) عجبت لمن ايقن بالموت كيف
- (٤) يفرح هذه القبر المرحوم
- (٥) المغفور الى رحمة الله
- (٦) تعالى بله محمد بن خان محمد
- (٧) الاخولى تاريخ ١٣٢٤

Перевод:

- «1) Смерть — чаша, каждый выпьет ее.
- 2) Могила — дверь, каждый войдет в нее.
- 3) Я удивлен тому, как человек, знающий о своей смертности,
- 4) проявляет радость. Это могила покойного,
- 5) прощенного, [нуждающегося] в милости

¹⁶

Посемейный список с. Ухул. 1873 г. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 9.

6) Всевышнего Аллаха Бала-Мухаммада, сына Хан-Мухаммада

7) из Ухула (ал-Ухули). Дата: 1324 г.».

1324 г. хиджры соответствует 24.02.1906–13.02.1907 г.

Владелец эпитафии родился 9 апреля 1886 г. Его отец Хан-Мухаммад родился около 1858 г. В свою очередь, отцом Хан-Мухаммада был Ага-Мухаммад, сын Гюл-Мухаммада (род. около 1831 г.)¹⁷.

10. Надмогильная стела с эпитафией в круглом поле. Строки разделены полосами. Плоский рельеф, почерк насх.

(١) قد انتقل من

دار الفناء الى دار الـ (٢)

(٣) خرة والبقاء اوست باغير بن

يعقوب اخولى تاريخ (٤)

(٥) ١٣٢٤

Перевод:

«1) Переселился

2) из тленного мира в

3) загробный и вечный мир уста Багир, сын

4) Йа‘куба из Ухула (Ухули). Дата —

5) 1326 г.».

1326 г. хиджры соответствует 03.02.1908–22.01.1909 г.

Нисба в надписи приводится без определенного артикля, что нередко встречается в арабоязычной эпиграфике Дагестана. Эпитафия принадлежит ухульскому мастеру-каменщику Багиру, который родился около 1822 г.¹⁸ Именно его сыном был Раджаб — каллиграф рассмотренной выше надписи от 1338/1919–20 г. на стене ухульской Джума-мечети (см. надпись 4).

Заключение

Полевые эпиграфические исследования, впервые проведенные нами в лезгинском селении Ухул, позволили ввести в научный оборот десять местных арабских надписей. Несмотря на то, что в Ухуле, в отличие от многих других селений Самурского региона Южного Дагестана, не вы-

¹⁷ Посемейный список с. Ухул. 1886 г. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 56.

¹⁸ Посемейный список с. Ухул. 1886 г. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 56.

явлено средневековых надписей, несомненный интерес представляют обнаруженные здесь эпиграфические памятники XIX — первой трети XX в. разных жанров. Полученные результаты стали возможны, не в последнюю очередь, благодаря применению методик просопографии и сплошного исследования эпиграфики отдельного поселения. В работе по изучению надписей хорошим подспорьем служат архивные данные и сведения арабоязычных рукописей. Выявленные строительные надписи позволили узнать имена владельцев домов, организаторов и заказчиков ремонтно-строительных работ, профессиональных мастеров-строителей, резчиков-каллиграфов, местных мусульманских духовных деятелей, а также лиц, совершивших паломничество в Мекку. Упомянуты не только имена жителей Ухула, но и других лезгинских селений региона. В надписях Ухула зафиксированы два варианта нисбы, обозначающей это селение — ал-Укули и ал-Ухули. Причем если в более ранних надписях первой половины — середины XIX в. применяется форма ал-Укули/Укули, более точно передающая местное звучание названия селения (Угул, Ыгыл), то в текстах конца XIX — начала XX в. каллиграфы стали употреблять вариант ал-Ухули/Ухули. Как и в других селениях региона, в Ухуле зафиксирована практика включения в состав эпиграфических текстов отрывков из Корана, хадисов и поэтических произведений.

Литература

1. Халидов А. Б. Мулла. Ислам: энциклопедический словарь / отв. секр. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991. С. 170.
2. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы. Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. 280 с.
3. Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. 463 с.
4. Коран. Перевод с арабского и комментариев М.-Н.О. Османова (издание третье, переработанное и дополненное). СПб.: Диля, 2010. 1016 с.

References

1. Khalidov A. B. Mullah. Islam: encyclopedic dictionary / executive secretary S. M. Prozorov. M.: Nauka Publ., 1991, 170 p. (In Russ)
2. Monuments of customary law of Dagestan in 17th-19th centuries. Archive material. Comp., preface and notes by H.-M. Khashaev. Moscow, Nauka Publ., 1965. 280 p. (In Russ)
3. Shikhsaidov A. R. Epigraphic monuments of Dagestan in 10th-17th centuries as the historical sources. Moscow, Nauka Publ., 1984. 463 p. (In Russ)
4. Koran. Translation from Arabic and comments by M.-N. O. Osmanov (third edition, revised and enlarged). St. Petersburg: Dilya, 2010. 1016 p. (In Russ)

Информация об авторе

Закарияев Замир Шахбанович — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Дагестанского государственного университета

Научное издание

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы Всероссийской научной конференции 2021-2022 гг.

Том 1

Избранные доклады

Ответственный редактор *Ю.А. Пронина*

Макет и верстка *А.С. Яшин*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 22.03.2023. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 31,5.
Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 500 экз. Заказ №1065

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А.О. Захаров*
107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»

Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4

Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru